

Парадигмы истории и общественного развития

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Основан в 2016 году

Выходит 4 раза в год

Под общей редакцией Е. Н. Максимовой

УДК [1+93/94+32](06)
ББК 60+87я437
П18

Учредитель и издатель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Севастопольский государственный университет»;
299053, г. Севастополь, ул. Университетская, д. 33

Главный редактор:

Е. Н. Максимова, д-р полит. наук, доцент

Ответственный секретарь:

Д. В. Маковская, канд. полит. наук

Редакционная коллегия:

Авдонин В. С., д-р политических наук (Москва); Алиев А. А.-Г., д-р ист. наук (Москва); Аликберов А. К., канд. ист. наук (Москва); Андросов В. П., д-р ист. наук, профессор (Москва); Бармина Е. А., канд. филол. наук, доцент (Севастополь); Белоглазов Р. Н., канд. ист. наук (Севастополь); Гарас Л. Н., канд. филос. наук, доцент (Севастополь); Дмитриев В. В., канд. ист. наук, доцент (Севастополь); Ефременко Д. В., д-р политических наук (Москва); Жиртуева Н. С., д-р филос. наук, доцент (Севастополь); Зайцев И. В., д-р ист. наук, доцент (Москва); Ирхин А. А., д-р полит. наук, доцент (Севастополь); Кабаченко А. П., канд. филос. наук, доцент (Севастополь); Козлов М. Н., д-р ист. наук, доцент – редактор истор. рубрики (Севастополь); Миронов А. В., д-р филос. наук, доцент – редактор филос. рубрики (Севастополь); Наумкин В. В., д-р ист. наук, профессор, академик РАН (Москва); Скворцов Л. Д., д-р филос. наук, профессор (Москва); Скребец Е. В., д-р полит. наук, доцент – редактор полит. рубрики (Севастополь); Чихарев И. А., канд. полит. наук, доцент (Севастополь); Шаронова В. Г., канд. ист. наук (Москва).

Editor-in-chief

Maksimova E.N., Doctor of Political Sciences, Docent

Executive secretary

Makovskaya D.V., Candidate of Political Sciences

Editorial Board:

Avdonin V.S., Doctor of Political Sciences (Moscow); Aliev A.A.G., Doctor of Historical Sciences (Moscow); Alikberov A.K., Candidate of Historical Sciences (Moscow); Androsov V.P., Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow); Barmina E.A., Candidate of Philological Sciences, Docent (Sevastopol); Beloglazov R.N., Candidate of Historical Sciences (Sevastopol); Garas L.N., Candidate of Philosophical Sciences, Docent (Sevastopol); Dmitriev V.V., Candidate of Historical Sciences, Docent (Sevastopol); Efremenko D.V., Doctor of Political Sciences (Moscow); Zhirtueva N.S., Doctor of Philosophical Sciences, Docent (Sevastopol); Zaytsev I.V., Doctor of Historical Sciences, Docent (Moscow); Irkhin A.A., Doctor of Political Sciences, Docent (Sevastopol); Kabachenko A.P., Candidate of Philosophical Sciences, Docent (Sevastopol); Kozlov M.N., Doctor of Historical Sciences, Docent – Editor of Historical Section (Sevastopol); Mironov A.V., Doctor of Philosophical Sciences, Docent – Editor of Philosophical Section (Sevastopol); Naumkin V.V., Doctor of Historical Sciences, Professor, Member of the Russian Academy of Sciences (Moscow); Skvortsov L.D., Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Moscow); Skrebets E.V., Doctor of Political Sciences, Docent – Editor of Political Section (Sevastopol); Chikharev I.A., Candidate of Political Sciences, Docent (Sevastopol); Sharonova V.G., Candidate of Historical Sciences (Moscow)

П18 **Парадигмы истории и общественного развития** [Текст] : сб. науч. тр. / М-во образования и науки Рос. Федерации, ФГАОУ ВО «Севастоп. гос. ун-т» ; под общ. ред. Е. Н. Максимовой ; редкол.: В. С. Авдонин [и др.]. — Вып. 12. — Севастополь : СевГУ, 2018. — 98 с. — ISSN 2500-4190.

Рецензируемый сборник научных трудов, ориентирован на публикацию философских размышлений, результатов исследований по историческим и политическим наукам. Предполагается обмен идеями между теоретиками и обществоведами-практиками. Обсуждаются актуальные проблемы социально-политического бытия.

Настоящее научное издание адресовано научным сотрудникам, преподавателям, аспирантам и студентам социально-гуманитарных направлений обучения, а также специалистам, интересующимся обществоведческой проблематикой. Сборник выходит 4 раза в год. Издаётся с января 2016 г. Сборник зарегистрирован в Национальном агентстве ISSN (ISSN: 2500-4190), Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство ПИ № ФС77-64133 от 25 декабря 2015 г.), индексируется в библиографической базе данных научных публикаций российских учёных РИНЦ.

СОДЕРЖАНИЕ

Исторические науки

<i>Кабаченко А. П., Чихарев И. А.</i> История Большого Средиземноморья: от первых поселений до Средневековья	5
<i>Кабаченко А. П., Чихарев И. А., Матросов М. А.</i> История Большого Средиземноморья X – XV вв	16
<i>Кабаченко А. П., Коваленко В. В., Чихарев И. А., Матросов М. А.</i> Месторазвитие Крыма и Севастополя с древнейших времен до наших дней	27

Политические науки

<i>Маковская Д. В., Чихарев И. А.</i> Крым и Российское государство в Большом Средиземноморье в начале XV – конце XVIII века	38
<i>Ирхин А. А., Чихарев И. А.</i> Россия и Большое Средиземноморье 1783-1920 гг.: от присоединения Крыма к России до эвакуации белой элиты из Севастополя	48
<i>Ирхин А. А., Нелина Л. П., Чихарев И. А.</i> Россия и Большое Средиземноморье (1920-2014)	58
<i>Мартынкин А. В., Канах А. М.</i> Черноморский флот в контексте российско-сирийских отношений.....	69
<i>Никифоров А. Р.</i> Политические предпосылки и итоги Крымской весны.	81

Сообщение

Материалы научно-практической конференции «Избирательная система Российской Федерации: современные тенденции и перспективы развития» (город Севастополь, 3 – 6 октября 2018 года)	91
--	----

CONTENTS

Historical Studies

Kabachenko A. P., Chikharev I. A.

The History of the Mediterranean Macro-Region from the First Settlements to the Middle Ages 5

Kabachenko A. P., Chikharev I. A., Matrosov M. A.

The History of the Mediterranean Macro-Region in the 10th – 15th centuries 16

Kabachenko A. P., Kovalenko V. V., Chikharev I. A., Matrosov M. A.

The Regional Development of Crimea and Sevastopol from Ancient Times to the Present Day 27

Political Studies

Makovskaya D. V., Chikharev I. A.

Crimea and the Russian State in the Mediterranean Macro-Region in the early 15th - late 18th centuries 38

Irkhin A. A., Chikharev I. A.

Russia and the Mediterranean Macro-Region in 1783-1920: from the Accession of Crimea to Russia to Evacuation of the White Elite from Sevastopol 48

Irkhin A. A., Nelina L. P., Chikharev I. A.

Russia and the Mediterranean Macro-Region (1920-2014) 58

Martynkin A. V., Qanah A. M.

Black Sea Fleet in the Context of Russian- Syrian Relations 69

Nikiforov A. R.

Political Background and Results of the Crimean Spring 81

Information

Materials of the scientific-practical conference " Electoral system of the Russian Federation: modern trends and development prospects "(Sevastopol, October 3 – 6, 2018) 91

УДК 94(262.1/.5-194)''634/04''

В статье прослеживается история Большого Средиземноморья на протяжении долгого периода с зарождения первых государств на берегах Средиземного и Чёрного морей до распада Римской империи, впервые и единственный раз в истории осуществившей политическое объединение средиземноморских стран. Акцентируется внимание на причинах и факторах, благодаря которым именно вокруг Средиземного и Чёрного моря сформировалось уникальное целостное пространство.

Ключевые слова: история Большого Средиземноморья, история средиземноморских стран, история причерноморских стран, древние цивилизации Востока, греческая колонизация Большого Средиземноморья, Римская империя

А. П. Кабаченко, доцент, канд. филос. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: aleksandr-kabachenko@yandex.ru

И. А. Чихарев, доцент, канд. полит. наук,

Директор института общественных наук и международных отношений

Севастопольский государственный университет

E-mail: ichikharev@yandex.ru

ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ: ОТ ПЕРВЫХ ПОСЕЛЕНИЙ ДО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Водное пространство от Гибралтара до устья Дона на Севере и Баб-эль-Мандебского пролива на Востоке, окружённое громадными материками, усеянное множеством больших и малых островов, объединило миллионы и миллиарды людей, стало ареной многовековой истории человечества. В мире больше нет места, которое обладало бы таким количеством достоинств.

К ним относится, прежде всего, уникальный климат, позволяющий людям весной, летом и ранней осенью наслаждаться безоблачным небом и горячим воздухом из Африки, а поздней осенью и зимой с ноября по февраль насыщать землю влагой грозových туч, поставляемых постоянными ветрами, дующими в это время из Атлантики. Благоприятный климат многие тысячелетия позволял племенам и народам не тратить таких же усилий как в северных краях на жильё и одежду, выращивать по несколько урожаев в год, использовать разнообразные растения, большинство которых являются автохтонными, и разводить скот.

Достоинством Средиземноморья является то, что его побережье представляет собой изрезанный рельеф, позволяющий большим и малым судам в случае непогоды быстро укрываться в многочисленных бухтах и бухточках. Открытое водное пространство между островами и между материковым побережьем и островами редко превышает сотню километров, что позволяет перемещаться по нему не только на больших кораблях, но и на малых судах и даже лодках. По археологическим данным и из различных записей известно, что торговля между полисами велась не только караванными путями по суше, но и по морю. Ещё на рубеже IV – III тыс. до н.э. в Средиземноморье (в Египте) появились первые деревянные суда, ходившие под веслами и под парусом [21, с. 5]. Остатки таких судов обнаружены археологами в погребениях времени I династии [21, с. 5]. Первоначально корабли, строившиеся египтянами и финикийцами, ходили на небольшие расстояния, т. к. техника их производства была несовершенной, а плавание по морю было довольно опасным делом. Во второй половине II тыс. до н.э. у финикийцев появляются первые корабли для перевозок на дальние расстояния. Такие суда они называли «таршишскими» (по названию г. Тартес на территории современной Испании, которая в то время представлялась чем-то вроде «края света») [20, с. 19]. Как показывает наименование финикийского судна, уже в финикийское время морские перевозки стали охватывать значительное пространство в бассейне Средиземного моря: от самого его востока до крайнего запада.

Достоинство, но одновременно и проблематичность жизни на Средиземном море — его доступность даже самым отдалённым народам Европы, Азии и Африки. Поэтому даже большая древность народа не обязательно свидетельствует о его автохтонности. Например, по распространённой версии, предки древних египтян пришли в долину Нила в VIII тыс. до н.э. из района Сахары, превращавшейся в это время в пустыню [12, с. 111]. Другая древняя археологическая культура Египта, натуфийская, по-видимому, происходит из Центральной или Восточной Малой Азии [12, с. 111]. Примеры происхождения средиземноморских народов в результате миграций из внутренних частей континента могут быть показаны и в более позднее время. Поэтому страны и народы Средиземного моря целесообразно рассматривать в единстве с близлежащими странами и народами: взаимовыгодная торговля и другие формы сотрудничества с древних времён способствовали образованию Большого Средиземноморья.

Отметим и то, что регион Большого Средиземноморья определял пути развития остальных частей планеты. Произошло это по многим основаниям. Выделим главные.

Во-первых, между всеми территориями Средиземноморья на заре человечества существовала самая мобильная, по тем временам, возможность передвижения — по воде на судах и лодках. Она позволяла выгодно обмениваться товарами, получать новые технологии, развивать свои знания, обмениваться культурными и духовными ценностями.

Во-вторых, по свидетельству разных источников, на побережье и островах Большого Средиземноморья раньше, чем в других местах, возникли первые известные человечеству государства.

В-третьих, здесь раньше, чем в других регионах мира, появились и были заимствованы соседями многие изобретения и технологии. В их числе: производство и применение колеса; изобретение письменности и чисел; применение математических исчислений при создании географических и астрономических карт, ирригационных систем; изготовление латуни, выплавка железа; использование навигационных, бытовых, медицинских приборов; строительство пирамид, храмов, дворцов, жилых и других сооружений; применение лекарственных, пищевых и других рецептов и так далее.

В-четвёртых, жители Большого Средиземноморья оставили после себя различные артефакты, памятники материальной культуры и искусства, письменные и устные информационные источники, мифы, сказания, религии, влияние которых не только распространилось на весь мир, но и до сей поры, нередко, влияет на судьбы человечества.

Ещё в начале известной нам истории люди, населявшие Большое Средиземноморье, научились создавать технические и транспортные средства, которые позволяли им вступать в прямые отношения и общаться как с соседними, так и с отдалёнными племенами и государствами. Вначале средства передвижения на суше ограничивались лошадьми и верблюдами, а на море — судами, пригодными для плавания либо по рекам, либо для каботажного передвижения на морях. Торговля и другие формы сотрудничества племён и народов в этот период играли вспомогательную роль.

По имеющимся сведениям, первый период истории Большого Средиземноморья занял время от первых следов людей, живших на этом пространстве за 200 тысяч лет до н.э., до появления в VI-IV тысячелетиях до н.э. в Месопотамии, в Египте и на Крите первых, известных нам, цивилизаций. Характерно, что самые древние государства возникли на территориях, ограниченных естественными географическими границами: например, в Египте и Месопотамии их ядром были долины крупных рек.

В Месопотамии в IV тысячелетии до н.э. шумерами были созданы многочисленные полисы между реками Тигром и Евфратом. Первая царская династия в Шумере появилась после потопа; её представитель, Этана, правивший в г. Киш в начале III тыс. до н.э., был первым шумерским правителем, чьи дела были кратко зафиксированы в письменном виде: в Царском списке говорится что он, «стабилизировал все земли», т.е. установил свое господство в Шумере и смежных с ним территориях и, таким образом, был первым создателем империи. Наиболее известным правителем шумеров был Гильгамеш, согласно Царскому списку, правивший около 2600 г. до н.э. (к 2500 г. до н.э. его уже канонизировали). В системе управления, установившейся в шумерской империи, роль правителя сводилась к объединению сил отдельных полисов для общих завоевательных походов и распределению добычи. В остальных действиях города пользовались самостоятельностью.

Последним правителем империи шумеров был Лугальзагеси (2336 — 2311 гг. до н.э.). Он назвал себя «царем Эреха (и) царем Страны», заставившим подчиниться все иностранные земли, так что в его владениях, «от Нижнего моря через Тигр и Евфрат до Верхнего моря» [16, с. 14], царили мир, счастье и процветание. В конце XXIV и XXIII вв. до н.э. политическим центром Шумера стало государство Аккад, основанное Саргоном, правившим в 2316 — 2261 гг. до н.э. Саргон отправлял свои армии в Египет, Сирию, Малую Азию и юго-западный Иран [10, с. 128], поставил военные гарнизоны на ряде ключевых позиций. Центр своей империи Саргон перенёс в ранее неизвестный город Сиппар, который

отныне стал называться Аккадом (и дал название всему государству, основанному Саргоном) [10, с. 130]. В руках Саргона оказались сосредоточены важнейшие ресурсы мира того времени: Ливан был источником корабельного леса, с востока Малой Азии вывозилось серебро; территориально царство Саргона имело выходы в Средиземное море и Персидский залив [10, с. 132], что при известных условиях могло превратить Аккад в значительную морскую державу.

Однако всё сложилось иначе: от Саргона до Хаммурапи (1793—1750 гг. до н. э.) Месопотамию ожидали смутные времена: на 125 лет была захвачена кутиями, каждый город жил самостоятельной жизнью и сам защищался от врагов. Были, конечно, периоды удачного правления отдельных царей, например, Нарам-Суэна (2236-2200 гг. до н.э.), Шульги (2093-2046 гг. до н.э.), но они только подчёркивали наступление второго дискретного периода на территории Месопотамии.

Первые крупные государства в Египте возникли вдоль течения Нила. Это произошло при объединении номов Древнего Египта в два царства - Верхний Египет и Нижний Египет. Единая империя возникла в Египте при правлении I династии фараонов с 2950 по 2770 гг. до н.э. (по другим данным в 3050-2890 гг. до н.э.). Археологические данные этой эпохи имеют сходство с памятниками Месопотамии и Элама: импорт продукции из Месопотамии предполагался ещё для первой половины IV тыс. до н. э [2, с. 65]. На время I династии приходятся находки меди и сосудов с Кипра и Крита, что говорит о возможности торговых связей с цивилизациями Эгейского моря и северного Средиземноморья [4, с. 51]. II династия (2770-2640 гг. до н.э.) известна тем, что при третьем фараоне был принят закон о передаче права наследования титула дочерям [4, с. 75]. III династия (2640 - 2575 гг. до н.э.) оставила после себя выдающиеся достижения в архитектуре, науке, врачевании, искусстве. На III династию в историографии Египта приходится переход от Раннего царства к Древнему царству [12, с. 132], во время которого произошло восстание против фараона, подавленное с крайней жестокостью. IV династия (2575 - 2465 гг. до н.э.) известна пирамидами, в том числе пирамидой второго фараона IV династии Хуфу (Хеопс) (2551 - 2528 гг. до н.э.). V династия Египта (2465 - 2325 гг. до н.э.) допустила снижение роли центрального правления и усиление роли номов и знати. Шестая династия (2325 - 2155 гг. до н.э.) вначале укрепила роль центрального правления при Пиопи I (2280 - 2258 гг. до н.э.), но затем с 2250 - 2050 гг. до н.э. привела к внутренней раздробленности и упадку Египта [12, с. 172]. В Египте, как и в Месопотамии, возник второй дискретный период.

Особенностью Минойской цивилизации, возникшей на защищённом со всех сторон морем острове Крит, было то, что сформировалась она без вмешательства извне. Её история делится на три периода: раннеминойский (XXX—XXIII вв. до н. э.) - господство родовых отношений; среднеминойский (XXII—XVIII вв. до н. э.) - период государственных образований; позднеминойский (XVII—XII вв. до н. э.) - расцвет Минойской цивилизации, создание морской державы царя Миноса, торговля с Египтом и Месопотамией. В середине XV в. до н. э. произошла природная катастрофа, о которой свидетельствует разрушение всех дворцов и поселений острова (за исключением Кносского дворца) [13, с. 53]. Греческий археолог С. Маринатос предположил, что этой катастрофой могло быть извержение вулкана на о. Санторин: эта гипотеза в настоящее время наиболее распространена [13, с. 53]. Упадок, в котором оказалась минойская цивилизация после этой катастрофы, способствовал успеху ахейского завоевания Крита в том же столетии. В целом всё это означало возвращение общества к дискретному состоянию.

Целостность восточного крыла региона, намечавшаяся в период существования Минойской цивилизации, Египта и Аккада, была нарушена вторжением в его пределы народов индоевропейской цивилизации.

Из индоевропейского цивилизационного ареала тысячелетиями шла миграция ариев, древних греков, прахеттов, праславян, прагерманцев и других народов. Наиболее распространённой концепцией происхождения индоевропейцев является курганная гипотеза. Корни культуры общих предков ариев и греков обнаружены в Центральной Европе на рубеже V – IV тысячелетий лет до н.э. Их относят к мегалитическим культурам – к культуре воронковидных кубков и культуре шнуровой керамики. Антропологическим признаком формирования индоевропейской цивилизации на севере Центральной и Восточной Европы является преобладание светловолосого и светлоглазого населения, которое формируется за многие десятки тысячелетий. Л. С. Клейн пишет, что в Литве население этого типа составляет около 76%, а в Швеции — доходит до 95% [14, с. 175]. При расовом смешивании гены темной пигментации побеждают. Греческий эпос описывает основных героев (Одиссея, Ахилла, Менелая) как светловолосых [14, с. 175], что свидетельствует об их принадлежности к северным народам индоевропейской цивилизации.

Наиболее древние следы индоариев обнаружены в Северном Причерноморье на рубеже V – IV тыс. до н.э., а в Предкавказье – с IV – III тыс. лет до н.э. [14, с. 43]. Они имели общих предков с греками

и армянами. Первое появление иранцев в Средней Азии около середины II тысячелетия до н.э. связано с их вытеснением в ходе продвижения степных народов с территории нынешнего Казахстана. В начале II тыс. до н.э. произошло лавинообразное распространение фракийцев. В середине XIII в. до н.э. в Малую Азию продвигаются с Балкан фригийцы; через столетие — бриги. Их смешением была создана «фригийская» этническая общность и фригийское государство, простиравшееся от пролива Дарданеллы на западе до озера Туз на востоке [12, с. 726]. В этот же период сформировался армянский этнос в Закавказье [14, с. 109].

Протогреки пришли с севера в южную часть Балканского полуострова в первой половине III тыс. до н.э., а затем с XIII - XII в. до н.э. поселились и в Малой Азии [13, с. 56, 70]. Они выделились из грекоарийского единства после хетто-лувийцев. Протохетты и родственные анатолийские народы в III тыс. до н.э. пришли в Малую Азию и Грецию. Расселение древних греков в 3000 — 1000 гг. до н.э. на Балканском полуострове, в Анатолии, на островах привело к возникновению Эгейской цивилизации. В её рамках ахейцы создали Микенскую цивилизацию с центрами, в частности, в Микенах, Тиринфе, Пилосе, Фивах, сформировали оригинальную письменность, подчинили Крит и уничтожили Минойскую цивилизацию. На рубеже XIII - XII в. до н.э. в Грецию вторглись дорийцы и, в свою очередь, уничтожили микенскую государственность [13, с. 68]. Последовательное перемещение народов индоевропейской цивилизации способствовало их приобщению к более высокой культуре завоеванных ими народов. Они заимствовали политический, экономический уклад, приспосабливали к своим собственным представлениям культуру, религию и другие достижения коренных народов.

Одним из таких народов были финикийцы, при участии которых восточная часть Большого Средиземноморья (бассейн Эгейского моря, острова Крит и Кипр, Египет, южная часть Малой Азии, восточное побережье Средиземного моря) были охвачены торговыми путями уже в начале II тысячелетия до н.э. История одного из важнейших торговых центров Финикии, города Библ, частично прослеживается уже в IV тысячелетии до н.э.: известно, что в это время город, в котором проживали ремесленники и торговцы, был обнесён стеной [7, с. 29]. К середине III тысячелетия до н.э. этот город достиг расцвета благодаря экспорту леса в Египет. В III тыс. до н.э. возникли также Сидон и Тир [7, с. 122, с. 150]. Роль, которую они играли в средиземноморской торговле, оставалась значительной практически до конца античности [7, с. 115].

Как и прежде, стабилизирующую роль в Большом Средиземноморье играл Египет. В период Нового царства (1580 - 1085 гг. до н.э.) во время правления трех самых могущественных династий — XVIII, XIX и XX — был достигнут расцвет древнеегипетской цивилизации. Решающий вклад в стабилизацию восточной части Средиземноморья внёс фараон Тутмос III из XVIII династии. В истории Тутмос III известен как первый полководец, осуществлявший наступление по заранее намеченному плану. В результате победоносных походов он завоевал Палестину, Сирию, земли Митанни к западу от Евфрата, обширные области вплоть до четвертого порога Нила [12, с. 325]. Египетская держава простиралась с севера на юг на 3200 километров. Египту платили дань Ливия, Ассирия, Вавилония, Хеттское царство и остров Крит. В годы правления фараона Аменхотепа III из XVIII-ой династии (1405-1367 гг. до н.э.) могущество Египта достигло апогея. Некоторая дестабилизация обстановки произошла во время правления фараона Аменхотепа IV из XVIII-ой династии (1368-1351 гг. до н.э.), который ввёл новый государственный монотеистический культ бога Атона (второе имя этого фараона, Эхнатон, переводится как «полезный для Атона») [12, с. 240]. Однако вскоре, в правление фараона Тутанхамона из XVIII-ой династии (1351-1342 гг. до н.э.), религиозные реформы Аменхотепа IV были отменены. И уже при правлении фараона Рамсеса II из XIX династии (1290-1224 гг. до н.э.) в результате войн с хеттами была восстановлена власть Египта в Палестине и Южной Сирии [12, с. 263].

В период стабилизации (1400-1200 гг. до н.э.) был достигнут расцвет Микен, столицы одного из ахейских государств, крупного центра ахейской культуры. В другом государстве индоевропейцев — Хеттском царстве, во время правления царя Суппилиуми I, (1380-1340 гг. до н.э.), которого историки считают искусственным дипломатом, способным полководцем и дальновидным политиком [7, с. 144-145], египтяне были изгнаны из Сирии, завоевана Митанни. Он превратил Хеттское царство в могущественную империю, простирающуюся от бассейна Чороха и Аракса до Южной Палестины и от берегов Галиса до границ Ассирии и Вавилонии. Наивысшего могущества Хеттское царство достигло во время правления хеттского царя Мурсили II (1340-1305 гг. до н.э.).

В стабилизовавшемся пространстве народов индоевропейской цивилизации возникли новые страны и города, заинтересованные в длительном развитии. Они, как правило, структурировали политические, экономические, торговые и другие процессы в пределах своих возможностей и заложили основы длительных систематизированных отношений в Восточном Средиземноморье. Хаотическое передвижение индоевропейских народов породило нестабильное состояние Большого

Средиземноморья, обозначило его дискретный период. Последующая стабилизация отношений в связи с восстановлением империй и возникновением новых арийских государств, заинтересованных в стабильных отношениях, характеризовало второй цикл истории развития региона.

Третий цикл истории развития региона возник в связи с нарушением стабильности и переходом к деструктивной форме взаимосвязи народов и стран Большого Средиземноморья в связи с переселением «народов моря» из насиженных мест в богатые и стабильные страны на Балканском полуострове и в Малой Азии вплоть до Египта. Эта тенденция проявила себя в конце XIII века до н.э. как альтернатива имперскому правлению в регионе. Причины переселения не ясны. По аналогии с подобными историческими событиями, однако, известно, что перемещения народов всегда предшествовали длительные неурожаи и войны. Как известно, Троянская война привела к гибели большого количества населения и опустошению плодородных областей на берегах Азии и Европы вокруг Трои [7, с.263-264]. Тем самым были разрушены традиционные хозяйственные связи, потеряна перспектива их восстановления, а голод и безысходность сплотили обездоленных и двинули их на юг по западной границе Средиземного моря и по Балканскому полуострову.

В числе народов, живших на севере Балкан и в Малой Азии, были народы греческой, фракийской и иллирийской языковых групп: ахейцы, гараманты, луки, тевкры, шерданы, тирсены, турша, филистимляне, чаккаль, дануны, фригийцы, шакалеша и другие. На своём пути они разрушили микенские государства, что привело к гибели микенской цивилизации. В Малой Азии под их ударами около 1180 г. до н.э. пала империя хеттов [7, с. 267], и только Египет смог противостоять, хоть на это было потрачено столько сил, что и он стал клониться к упадку.

Империя хеттов не внесла существенного вклада в историю Восточного Средиземноморья. Она потеряла свой имперский статус под ударами «народов моря», но именно с её падением заканчивается дискретный период Большого Средиземноморья. После потери империями своего статуса начинают набирать силу народы и страны, ставящие перед собой задачу не только владеть и повелевать, но и сотрудничать и развивать. Это способствовало созданию предпосылок для взаимосвязи народов региона в торговле, обмене техническими, культурными, духовными и другими ценностями. Тем не менее, имперская форма властного объединения каждый раз возрождалась с появлением новых империй. Но она уже не была единственной, и с ней сосуществовала и успешно объединяла регион конструктивная форма сотрудничества стран и народов.

Конструктивная форма связи народов и стран Большого Средиземноморья наиболее полно выразилась в торговой деятельности финикийцев и древних греков. Финикийцы создавали свои колонии на договорной основе с местными племенами. Они арендовали территории, на которых строили свои фактории и крепости. Чаще всего они привлекали и местных жителей к освоению ремёсел, к работе в факториях, к охране и службе в войсках. Основным занятием колонистов была торговля товарами повседневного спроса, долговременного пользования, предметами роскоши и культуры. Они изобрели письменность, которая резко отличалась от письменности других народов системой слогового фонетического письма [6, с. 192-194]. С 1200 по 800 гг. до н.э. финикийцы были носителями передовых технологий во многих областях. Лучше всего им удавалось строительство кораблей, которые достигали 50 метров длиной, были снабжены прямыми парусами, надёжно защищены, а для нападений имели таран [См.: 6, с. 98-102].

Наиболее успешными факториями были Кадис в Испании, основанный в конце XII века до н.э. [6, с. 239], и Утика в Тунисе, заложенная около 1112 г. до н.э. [20, с. 33]. Самый заметный след в мировой истории оставил город Карфаген, основанный в 825 г. до н.э. выходцами из города Тир на территории современного Туниса [6, с. 243] (всего Карфагенов в разных частях Африки и Европы было 39). Финикийцы основали свои фактории на Сардинии и Мальте, а на Сицилии – город Палермо. После завоевания в VIII веке до н. э. Финикии Ассирией, а затем в 538 году до н.э. Персией, она потеряла связь со своими факториями. Бывшие финикийские фактории объединились под руководством Карфагена. После того, как в 332 году до н.э. Финикию завоевал Александр Македонский, финикийцы вновь получили возможность восстановить свои торговые связи. В крупнейших торговых центрах Средиземноморья (о. Делос, Афины и др.) возникли фактории финикийских купцов, а на Кипре во II–I вв. до н. э. успешно функционировало греко-финикийское царство, подчинявшееся эллинистическому царству Птолемея [1, с. 47].

Греческая форма колонизации в VIII—VI веках до н.э. опиралась на силовую составляющую, но в отличие от «народов моря» древние греки не разрушали существовавшие уклады, нормы отношений, а приносили народам элементы более высокого уровня организационного, торгового, научного, технического и культурного развития. Выходцы из Греции обосновались в Южной Италии, где территория их компактного проживания получила название «Великая Греция» [19, с. 61], и

на Сицилии. Отдельные небольшие поселения располагались западнее и достигали Пиренейского полуострова, но там они были немногочисленны и слабы. В дополнение полисам, основанным в долине реки Асия, древние греки проникли на Кипр и продолжили освоение южного побережья Малой Азии. Благоговение перед египтянами не помешало им расположить свою колонию в Кирене и даже в устье Нила (г. Навкратис). Здесь они выступили посредниками между приезжающими греками и различными государственно-управленческими структурами Египта [1, с. 39]. С меньшим энтузиазмом древние греки осваивали ту территорию, откуда на юг продвигались их далёкие предки – северо-западную часть Эгейского моря. Тем не менее, освоив Эгейское море, греки-ионийцы начали активно расселяться на плодородных землях Причерноморья, куда входил и Крымский полуостров. Жители единственного поселения греков-дорийцев на южном берегу Чёрного моря и дорийцы острова Делос zaloжили поселение Херсонес в Крыму [11, с. 14; 18, с. 138], которое в дальнейшем сыграло значительную роль в истории России и стало одной из базовых точек формирования Севастополя.

В VI – IV в. до н.э. империи предпринимают попытки превратить восточную часть Средиземноморья в единое целое. Персия располагала, по тем временам, одной из самых успешных систем управления. В ней царило строгое единоначалие. Центральные структуры были непосредственно подчинены правящей династии Ахеменидов. Также централизованно было организовано управление в регионах. Каждую из 20-и сатрапий возглавлял сатрап, который непосредственно отчитывался перед правителем. Александр Македонский, завоевав Персию, сохранил систему управления на завоёванных территориях. Более того, он в ряде случаев оставлял править сатрапией прежнего руководителя, правда, назначая вторым лицом македонца [9, с. 143].

Превратил Персию в империю потомок Ахемена – Кир Великий (558 - 530 гг. до н.э.), который объединил под своим началом Малую Азию и восточное побережье Средиземного моря. В дальнейшем правители Персии, стремясь превратить свою империю во всемирную, расширили зону действий на берегах Средиземного моря. Персы захватили не только прибрежные страны, в том числе Египет, но и острова Эгейского моря, страны Балканского полуострова – Фракию и Македонию. Греческие колонисты в Ионии пытались помешать расширению персидской империи. Греческие государства на Балканах поддержали эти попытки, однако противодействие в итоге было подавлено.

Однако сам факт поддержки восставших со стороны Афин показал Персии, кто является её соперником. С 480 г. до н.э., когда армия персов вторглась в Грецию, началось длительное военное противостояние персов и греков в борьбе за гегемонию на Средиземном море. В дальнейшем борьба за трон породила длительный внутренний кризис в Персидской империи, и это помешало ей завоевать Балканский полуостров полностью.

Ещё одна попытка объединения Большого Средиземноморья в рамках централизованной империи была сделана Александром Македонским. Завоевания в Азии подготовили почву для распространения его власти на остальное Средиземноморье. Он намеревался разгромить Персию и, используя греческие колонии, от Атлантики до Причерноморья, создать всемирную империю, основанную на демократических принципах. Персидская кампания была хорошо подготовлена. Александр Македонский воспользовался кризисом Персидской империи и в 334 г. до н.э. переправился на азиатский континент и начал войну.

Несмотря на численное преимущество персов, полководческий талант Македонского позволил на первых порах захватить все порты восточного побережья Средиземного моря и перенести военные действия вглубь континента. В 332-331 гг. до н.э., после освобождения от персов всего азиатского побережья Средиземного моря, македонцы заняли Египет. Для египтян это событие стало символическим, так как Александр, освободив Египет от персов, вернул его жителям право исповедовать традиционную религию и даже сам почтил египетских богов. Египтянам также было возвращено право самоуправления. За всё это он был провозглашён сыном бога.

За время походов Александр Македонский неоднократно проявил себя выдающимся полководцем и смелым, решительным воином. Ещё при жизни он стал героем многих легенд, его именем называли детей, восточные народы присваивали мужественным воинам производное от его имени звание Искандер. Побеждая на бескрайних просторах Индии, он, тем не менее, осознал, что завоевать весь мир за один поход невозможно. К тому же в 326 году войско, измученное болезнями и многочисленными сражениями, потребовало возвращения домой [9, с. 138].

После смерти Александра Македонского его наследники даже не пытались развить демократические принципы Македонского, сохранить целостность империи, распространить её влияние на греческие колонии в Большом Средиземноморье. В конечном итоге эта империя быстро распалась.

Успешная попытка объединения Большого Средиземноморья в рамках централизованной империи была предпринята Римской империей. Древнеримская традиция политического правления имела три этапа развития: городской, италийский и имперский.

Городской этап развития Рима был типичной формой полисной демократии, близкой к афинской. Италийский этап сопровождался переходом от управления в рамках городской общины к управлению народами. Римляне подчиняли полисы политически, но сохранили административную самостоятельность. Государство росло за счёт включения самоуправляемых городов Италии, политически подчинённых Риму. Другой демократической формой италийского этапа, сплотившей Рим, был «договор», благодаря которому 135 свободных городов Италии стали его союзниками [8, с. 158]. В результате Рим превратился в централизованное государство, где основой формы правления стали муниципализация и федерализация.

После объединения Италии Рим воевал уже не с городами, а с государствами, что означало приобретение не союзников, а подданных. Таким образом наступил третий этап политического правления, когда Рим превратился в империю и объединил под своим правлением регион Большого Средиземноморья. Соперничество между Римом и Карфагеном за приоритет в Средиземном море породило три длительные (около 120 лет) и кровопролитные, но победоносные для Рима, Пунические войны. Более 60 лет продолжались четыре войны между Римом и Македонией за власть над Грецией. Они шли с переменным успехом, однако завершились установлением контроля Рима над Грецией. Последующие четыре столетия Римская империя безраздельно владела пространством и народами Большого Средиземноморья.

Третья попытка (частично успешная) объединения Большого Средиземноморья в рамках централизованной империи была предпринята Константином I Великим (306-337 гг.). Он подписал Миланский эдикт, чем вывел христианство на уровень официально признанного вероучения; объединил едва на распавшуюся при затяжном кризисе III в. империю и сделал её центром новый город – Константинополь (бывший Византий). Он последовательно усиливал централизацию государственного аппарата, поддерживал христианскую церковь, сохраняя языческие культы. Однако предотвратить распад империи он уже не мог: разрушительные силы, действуя вовне и внутри империи разрозненно, тем не менее, помогали друг другу.

С гибелью Рима завершился третий цикл истории Большого Средиземноморья.

Внутренние силы империи были представлены мелкими земледельцами, которые неуклонно превращались в зависимых арендаторов - колонов. Византия, растрачивая ресурсы на борьбу с внешним врагом, с трудом преодолевала внутренние противоречия и уже только оборонялась, не ставя задач владения пространством и народами Большого Средиземноморья. Тем не менее, до 800 года она сохраняла видимость верховенства над всей бывшей Римской империей. Религиозное первенство в IV – VI вв. признавалось ещё за Римом, но в этот период происходит возвышение нового центра на Востоке – Константинополя. На Халкидонском соборе (451) было вынесено решение считать Константинополь в религиозном отношении «вторым Римом» и предоставить ему полномочия, равные с теми, который имел традиционный религиозный центр Римской империи [3, с. 232]. Конец гегемонии Византии в Большом Средиземноморье наступил в результате захвата арабами Сирии, Палестины и Египта, окончательно разорвавшего средиземноморское единство. А следующим ударом по престижу Византии стала коронация в Риме Карла Великого как императора «восстановленной Западной Римской империи»: в обмен на территориальные уступки со стороны Карла Византия в 812 г. признала за Карлом императорский титул [17, с. 281].

В мировой истории периодически происходили перемещения народов, которые оказывали существенное влияние на изменение политических систем государств и благосостояние населения. Масштабное перемещение народов во II – VII вв. в Большом Средиземноморье, — второе после массовых миграций «народов моря», — было вызвано рядом объективных условий и причин.

Во-первых, условием является уменьшение ресурсов на изначальной территории проживания отдельных варварских народов и связанная, угроза жизни и безопасности в местах прежнего проживания. Во многих источниках переселения связываются с природными факторами, правда, никто не указывает о каких природных факторах идёт речь. Чаще всего всё сводится к «кочевническому фактору», но при этом нет его характеристики.

Во-вторых, часто началом массовых переселений являлась внешняя агрессия в отношении каких-либо народов: в этом случае начало перемещения связано с народом, который попал в критическое положение и вынужден менять место проживания, вытесняя соседей. Далее всё происходит по «принципу домино»: в перемещение включаются все затронутые следствиями первоначальной агрессии народы. Перемещение гуннов в Восточную Европу дало импульс ряду других переселений:

роковым для Римской империи оказалось вызванное гуннским нашествием переселение вестготов в придунайские провинции Фракию и Мёзию [5, с. 46].

В-третьих, кризис Западной Римской империи, происшедший в эпоху массовых миграций, был связан с отсутствием ресурсов, необходимых для согласования интересов основных общественных классов и групп и вытекающей отсюда потерей управляемости государства.

На наш взгляд, кроме объективных условий, которыми были вызваны перемещения народов во II-VII вв., существует ряд их конкретных причин.

Во-первых, причиной стало вытеснение славянских и германских племён с территорий их постоянного проживания. Так, завоевание вандалами Северной Африки произошло после того, как их на протяжении двадцати лет пытались вытеснить из Испании римляне и союзные с ними вестготы. Мощным стимулом для вторжений славян в балканские провинции Восточной Римской империи во второй половине VI в. стала экспансия авар в Придунавье [5, с. 93].

Во-вторых, сыграла свою роль слабость пограничных сил Западной Римской империи, которые не были способны остановить продвижение племён внутрь провинций. Так, в 406 г., когда конфедерация германских племенных союзов прорвала римский лимес на Рейне, римские границы оборонялись исключительно франками — также германцами, но считавшимися в это время союзниками римлян [15, с. 136].

В-третьих, по мере перемещений происходила перекройка политической карты мира. Следует учитывать, что Великое переселение народов осуществлялось в течение нескольких столетий, а не единовременно. Участвовавшие в перемещениях племена и народы по мере продвижения в течение пяти веков создавали свои государства, между которыми возникали свои собственные взаимоотношения. Одни государства усиливались, другие оказывались уничтоженными. Наиболее долговечным образованием того времени оказалось Франкское королевство, которое начало формироваться уже после фактической ликвидации Западной империи. Королевство вандалов в Африке было уничтожено византийцами во второй трети VI в. королевство вестготов — арабами в начале VIII в. Весьма недолговечным оказалось королевство бургундов, уничтоженное в 534 г. франками. Некоторые возникавшие в это время государственные образования были и вовсе «однодневками», как «империя Атиллы», просуществовавшая в течение порядка 10 лет.

Неудивительно, что Великое переселение народов началось во II веке, задолго до появления кочевников. Это было перемещение германских племён, которые создали на территории Западной Римской империи свои государства. Появление в IV веке гуннов, захват ими земель в центре Европы сопровождалось созданием своей государственности. У славянских племён, передвижение которых завершило Великое переселение народов, не было необходимости менять своё расположение, кроме как стремления улучшить своё положение в более благоприятном климате. Славяне также образовали свои государства. Отдельные славянские племена переместились в Западную Европу, дойдя до Иберии.

Великое переселение народов окончательно сформировало этническую картину Большого Средиземноморья. В дальнейшем на основе ведущих племён сформировались национальные государства, которые к XI в. стабилизировали отношения в регионе.

Опираясь на вышеизложенное, мы можем утверждать, что история Большого Средиземноморья имеет циклический характер. Движение отдельных элементов региона в сторону объединения, взаимодействия периодически сменялось усилением стремления к расчленению региона на обособленные части, мало связанные между собой.

В первоначальный период истории Большого Средиземноморья его отдельные народы не испытывали потребности в объединении с другими этносами. К тому же не существовало возможностей осуществить такое объединение, если бы даже оно и понадобилось. Соответственно, охарактеризовать этот период мы можем только как дискретный, децентрализованный. Этап дискретного существования в начале своего развития проходили все народы, которые нам известны как создатели централизованных государств.

Характерные особенности дискретного периода в истории человечества наиболее полно можно описать как взаимосвязанные противостоящие друг другу процессы укрепления этносов на основе приоритета национальных ценностей и развития интернациональных связей. Господствовавшие в то время племенная и полисная формы организации людей опирались на сохранение этноса, на приоритете национальных интересов, национальных божеств, национального языка, культуры и быта. Полисы чаще всего стремились сосуществовать с соседями, обмениваться товарами, бытовыми и культурными ценностями и даже налаживать родственные межэтнические связи. Это был межнациональный путь свободного перемещения материальных, интеллектуальных, культурных и духовных ценностей. Именно он был определяющим, поскольку соседние племена и народы для

сохранения отношений сотрудничества и сосуществования даже обменивались аманатами – юношами из знатных семей, которые заводили себе семьи в соседних племенах и тем самым гарантировали мир и спокойствие на границах близких народов. Примеры дискретных периодов в истории Большого Средиземноморья — его состояние во время миграций «народов моря» во второй половине II тыс. до н.э. или во время Великого переселения народов II – VII вв.

В то же время мы видим, что по мере прохождения этапа дискретного существования в регионе возникали элементы, испытывавшие и реализовывавшие стремление к объединению обособленных частей в единое целое. Это проявлялось в форме создания обширных по своей территории полиэтнических государств («империй»). Переход к имперской форме организации общества позволяет выделить ряд существенных черт в истории развития человечества.

Во-первых, в империях на смену кровнородственным отношениям пришёл территориальный принцип. Он позволил централизовать государственное управление и создать условия для появления наряду с родовой знатью высшей имперской знати, заинтересованной в расширении границ государства, усилении его влияния в мире, укреплении роли главы империи, армии и религии. Ранее самостоятельные города теперь были отстранены от ведения самостоятельной внешней политики, им было запрещено ведение войн для захвата чужих территорий, они обязаны были участвовать в содержании общегосударственных органов, армии и церкви.

Во-вторых, империи могли более успешно обеспечивать защиту своих границ. Они постоянно пополняли свои богатства после успешных войн, что позволяло увеличивать количество рабов, специалистов в различных областях и передавать часть добытых средств на строительство храмов, дворцов и на их украшение.

В-третьих, империи позволяли дифференцировать общество, выделяя в нём правящую элиту, средний класс зажиточных людей и трудовые массы населения. За каждым слоем закреплялись их права и обязанности, устанавливалась мера ответственности и рычаги воздействия.

В-четвёртых, с дальнейшим развитием технических и других возможностей империй появилась необходимость не только соперничать и воевать друг с другом, но и сотрудничать, взаимодействовать, превращая межимперское пространство в цивилизованную среду, из которой народы черпали для себя образцы для подражания и развития. Империи начали играть роль инициаторов снижения дискретности в Большом Средиземноморье.

В-пятых, имперской форме организации общества сопутствовали интеграционные процессы. Интеграция и дезинтеграция сопровождали процессы насильственного присоединения или распада в рамках империй или во взаимоотношениях империй с другими странами и народами.

Таким образом, две парные категории: интеграция и дезинтеграция, интернационализм и национализм характеризуют состояние и развитие отношений в отдельных регионах и в мире, определяют состояния отдельного общества или региона. По ним можно судить о том, что в тот или иной момент превалирует в обществе или в отношениях между государствами: сотрудничество или подчинение, объединение или распад, централизация или децентрализация. По этим категориям можно судить о направленности развития событий и глубине их развития. По этим направлениям, на наш взгляд осуществляется движение «крота истории», который, согласно Гегелевскому выражению в «Лекциях по истории философии», означает пока не познанную людьми логику развития истории Мирового Духа, олицетворяющего Историю человечества. Для того, чтобы выявить логику общественного развития, при исследовании Большого Средиземноморья мы опираемся на тенденции и закономерности, которые прослеживаются на длительном пути исторического развития этого региона.

Снижение роли империй позволяет выделить две тенденции: систематизация отношений в регионе Большого Средиземноморья или повышение его дискретности. В истории их можно рассматривать как два периода единого цикла. Повышение дискретности нередко провоцировалось извне в результате взрывной активности народов региона Большого Средиземноморья. В последующем мы можем чётко зафиксировать исторические периоды чередования дискретного и систематизированного состояния отношений в регионе, которые следовали друг за другом. Периоды дискретного и систематизированного состояния, взятые вместе, образуют завершённый цикл.

Знание такой закономерности позволяет выявить и описать алгоритмы смены дискретного и систематизированного состояния отношений в целом Большом Средиземноморье и в его отдельных частях, а также — циклы его развития. Систематизированное состояние ведёт к накоплению сил для качественного развития, дискретное состояние активизирует поиск, опровергает незыблемость устойчивого развития событий. Тем более, что они соответствуют общемировой тенденции

чередования преимущественно информационного и энтропийного состояния природы, общества и мышления.

Имперская система управления в Шумере, Египте и на Крите включала в себя централизованное политическое, правовое, экономическое, культурное, информационное пространство, которое создавало условия для возникновения цивилизаций. Однако, шумерская, египетская и минойская цивилизации охватывали только часть Большого Средиземноморья. На остальной его части отношения оставались неупорядоченными, дискретными. Сосуществование империй и слабо организованного пространства создавало условия для укрепления империй, их расширения за счёт захвата и присоединения менее организованной части пространства. Кроме того, свобода доступа к морям и судоходным рекам обеспечивала быстрый обмен техническими достижениями, материальными, научными и духовными ценностями, благодаря чему Средиземноморье стало генератором инноваций, одним из центральных звеньев развития человечества.

Чередование дискретного и систематизированного состояний региона Большого Средиземноморья выступают в качестве устойчивой тенденции и превращают его в целостную систему. Целостность региона характеризуется единством системности отношений между империями либо отсутствием таковой и структурированностью империй, как составляющих элементов системы. Структурность при характеристике целостности Большого Средиземноморья выступает как описание системы и среды через обусловленность «поведения» таких её элементов, как империя, государство, этнос и др. Система региона формирует и проявляет свои свойства во взаимодействии с внешней или внутренней, структурированной или аморфной средами, являясь при этом ведущим активным компонентом взаимодействия. Следовательно, даже самые незначительные события влияют на регион Большого Средиземноморья, но задачей любого исторического исследования является описание не только ведущих событий, но и их «встраивание» в логику развития истории человечества.

Целостность в исследованиях Платона (приоритет целого над частями) и Аристотеля (целое возникает там, где создаётся различие частей) определили два диаметрально противоположных подхода. Первый подход (Гоббс, Локк, Ф. Бэкон, Ламетри и др.) основан на суммативном понимании целого, второй подход (Лейбниц, Кант, Гегель и др.) исходил из несводимости целого к сумме частей. На наш взгляд, целостность характеризуется новыми свойствами, не присущими отдельным частям, но возникающими в результате их взаимодействия в определённой системе связей. Универсальными признаками системы являются взаимосвязь группы элементов, образование ими самостоятельной целостности, способность сохраняться и вступать в отношения со средой и другими системами. Народы Большого Средиземноморья формировали свои системы жизнеобеспечения на основе этнические, культурных, экономических, политических и иных подсистем. Высшей формой систематизации в регионе выступали империи.

Переход от систематизированного к дискретному состоянию способствовал появлению новых субъектов исторических отношений, превращению традиционных субъектов в альтернативные структуры, вынужденные осуществлять модернизацию. Большое Средиземноморье как целостная система сформировалась задолго до появления таких же систем в других частях света. Более того, регион Большого Средиземноморья определял пути развития остальных частей планеты. Произошло это по многим основаниям. Выделим главные.

Во-первых, между всеми территориями Средиземноморья на заре человечества существовала самая мобильная, по тем временам, возможность передвижения – по воде на судах и лодках. Она позволяла выгодно обмениваться товарами, получать новые технологии, развивать свои знания, обмениваться культурными и духовными ценностями.

Во-вторых, по свидетельству разных источников, на побережье и островах Большого Средиземноморья раньше, чем в других местах, возникли первые известные человечеству государства.

В-третьих, здесь раньше, чем в других регионах мира, появились и были заимствованы соседями многие изобретения и технологии. В их числе: производство и применение колеса; изобретение письменности и чисел; применение математических исчислений при создании географических и астрономических карт, ирригационных систем; изготовление латуни, выплавка железа; использование навигационных, бытовых, медицинских приборов; строительство пирамид, храмов, дворцов, жилых и других сооружений; применение лекарственных, пищевых и других рецептов и так далее.

В-четвёртых, жители Большого Средиземноморья оставили после себя различные артефакты, памятники материальной культуры и искусства, письменные и устные информационные источники, мифы, сказания, религии, влияние которых не только распространилось на весь мир, но и до сей поры, нередко, влияет на судьбы человечества.

Список литературы

1. Бенгтсон, Г. Правители эпохи эллинизма / Г. Бенгтсон; пер. с нем. — М.: Главная редакция восточной литературы «Наука», 1982. — 391 с.
2. Бауэр, Г. М. Красноморский мир в древности / Г. М. Бауэр. — М.: РГГУ, 2012. — 484 с.
3. Болотов, В. В. Лекции по истории древней Церкви. В 4 т. Т.3. История церкви в период Вселенских соборов / Посмертное издание под редакцией проф. А. Бриллиантова. — СПб.: Типография М. Маркушева, 1913. — 341 с.
4. Брестед, Д., История древнего Египта / Д. Брестед, Б. Тураев. — Мн.: Харвест, 2003. — 832 с.
5. Буданова, В. П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов / В. П. Буданова. — М.: Наука, 2000. — 544 с.
6. Волков, А. В. Загадки Финикии / А. В. Волков. — М.: Вече, 2004. — 320 с.
7. Волков, А. В. Хетты. Неизвестная империя Малой Азии / А. В. Волков, Н. Н. Непомнящий. — М.: Вече, 2004. — 288 с.
8. Герье, В. И. История римского народа / В. И. Герье. — М.: Просвещение, 2002. — 349 с.
9. Грейнджер, Дж. Д. Империя Александра Македонского. Крушение великой державы / Дж. Д. Грейнджер. — М.: АСТ: Астрель, 2010. — 351, [1] с.
10. Гуляев, В. И. Шумер, Вавилон, Ассирия. 5000 лет истории / В. И. Гуляев. — М.: Алетея, 2004. — 440 с.
11. Золотарёв, М. И. Древний город Херсонес Таврический. Увлекательный путеводитель / М. И. Золотарёв, В. В. Хапаев. — Севастополь: Каламо-Пресс, 2004. — 176 с.
12. История древнего Востока / И. А. Ладынин, Б. С. Ляпустин, А. А. Немировский, М. Д. Бухарин. — М.: Дрофа, 2009. — 1164 с.
13. История древней Греции / Ю. В. Андреев, Г. А. Кошеленко, В. И. Кузищин, Л. П. Маринович; Под ред. В. И. Кузищина. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Высшая школа, 2005. — 399 с.
14. Клейн, Л. С. Древние миграции и происхождение индоевропейских народов / Л. С. Клейн. — СПб, 2007. — 226 с.
15. Корсунский, А. Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и образование германских королевств (до середины VI в.) / А. Р. Корсунский, Р. Гюнтер. — М.: Издательство МГУ, 1984. — 256 с.
16. Москати, С. Цивилизации древнего Востока / С. Москати; пер. с англ. Н.И. Лисовой. — М.: Центрполиграф, 2010. — 184 с.
17. Пирен, А. Империя Карла Великого и Арабский халифат. Конец античного мира / А. Пирен; пер. с англ. М. Меркулова. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2011. — 351 с.
18. Романчук, А. И. Исследования Херсонеса – Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы. В 2 т. Т.1: Античный полис / А. И. Романчук. — Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2008. — 720 с.
19. Суриков, И. Древняя Греция: история и культура / И. Суриков. — М.: АСТ: Астрель, 2005. — 190, [2] с.
20. Шифман, И. Ш. Финикийские мореходы / Отв. ред. Н. В. Пигулевская. — М.: Наука, 1965. — 83 с.
21. Штенцель, А. История войн на море с древнейших времён до конца XIX в. В 2 т. Т.1 / А. Штенцель. — М.: Эксмо-пресс, 2002. — 670 с.

Статья поступила в редакцию 23.10.2018

Kabachenko, A. P., Chikharev I. A. *The History of the Mediterranean Macro-Region from the First Settlements to the Middle Ages.*

The article traces the history of the Mediterranean macro-region over a long period from the origin of the first states on the shores of the Mediterranean Sea and the Black Sea to the collapse of the Roman Empire, which for the first and only time in history carried out political unification of the Mediterranean countries. The authors draw attention to the causes and factors due to which a unique integral space was formed around the Mediterranean Sea and the Black Sea.

Keywords: history of the Mediterranean macro-region, history of the Mediterranean countries, history of the Black Sea countries, ancient civilizations of the East, Greek colonization of the Mediterranean macro-region, the Roman Empire.

УДК 94(262.1/.5-194)''09/14''

В данной статье рассматривается история Большого Средиземноморья в средневековую эпоху, начиная с поздней стадии Великого переселения народов (вторжения викингов в район Средиземного моря и проникновение варягов в Русь) и завершая становлением Османской империи во второй половине XV в.

Ключевые слова: Большое Средиземноморье, история средиземноморских стран, история причерноморских стран, викинги, крещение Руси, крестовые походы, Реформация, Османская империя

А. П. Кабаченко, доцент, канд. филос. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: aleksandr-kabachenko@yandex.ru

И. А. Чихарев, доцент, канд. полит. наук,

Директор института общественных наук и международных отношений

Севастопольский государственный университет

E-mail: ichikharev@yandex.ru

М. А. Матросов, магистрант

Севастопольский государственный университет

E-mail: mikelonster@gmail.com

ИСТОРИЯ БОЛЬШОГО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ В X – XV ВВ.

Средние века в истории Большого Средиземноморья играют ключевую роль в складывании современной политической карты этого региона. В этот период начинают формироваться государства, являющиеся прямыми предшественниками таких современных стран, как Франция, Испания, Португалия, Россия. Более того, к исходу средневековья мы видим, что эти государства обретают всё более современные черты. Это уже — не аморфные королевства и феодальные образования, а национальные государства с централизованным управлением. Не понимая процессы, происходившие в регионе Большого Средиземноморья в средневековый период, мы не имеем возможности увидеть, как зарождались фундаментальные конфликты сегодняшнего дня: в религиозной сфере — между христианством и исламом, в политической и культурно-цивилизационной сферах — между Западом и Востоком. Средневековый период наложил свой отпечаток и на восприятие Средиземноморья современным человеком: если в Римской империи европейский и африканский берега воспринимали как части единого «внутреннего моря», то современный человек воспринимает их как обособленные районы, различающиеся друг от друга буквально по всем параметрам. Этот разлом восприятия единого ранее пространства также произошёл в средневековье. Для истории России этот период стал временем, когда формировалось её своеобразие, благодаря которому она заняла промежуточное положение между Востоком и Западом.

Период, о котором будет идти речь в статье, ограничивается, с одной стороны, последним этапом Великого переселения народов — нашествиями на Европу викингов и проникновением варягов на славянские земли, а с другой стороны, утверждением на части Средиземноморского бассейна мощного мусульманского государства — Османской империи. Европейцы и в Средние века не утратили стремления объединить ранее единое пространство под управлением единого центра и, как мы увидим дальше, совершали попытки осуществить такое объединение. Османская империя сделала выполнение этого проекта невозможным на то время: с одной стороны, в XV в. она представляла собой довольно мощного противника, а с другой стороны, в самой Европе уже формировались «правила игры», исключавшие бесконтрольное силовое объединение.

Предысторией описываемого периода стало образование в V – VII вв. на месте Западной Римской империи ряда слабо защищённых государств (варварских королевств). Эти неустойчивые политические образования часто не имели достаточных ресурсов для защиты от народов-завоевателей. Из таковых в истории наиболее известны мадьяры (венгры) и викинги. Территория расселения первых находилась в Центральной Европе, а викинги продвигались по водным путям в направлении Средиземного моря.

Викинги не были единым народом; группа, которую в истории называют «викингами», включала в себя представителей нескольких народов: датчан, шведов и норвежцев. Территории, где они жили

изначально, были наименее благоприятны для жизни: голод и резкое увеличение численности населения в этих странах заставляли постоянно осваивать новые земли. Между группами и отдельными влиятельными викингскими кланами велась борьба за власть и наследство: те, кто в этой борьбе проигрывал, отправлялись в чужие края за добычей. Успехам вторжений викингов в цивилизованные страны Средиземноморского бассейна способствовала противоположность их воинственности характеру представителей цивилизованного мира. Как свидетельствуют современники, норманны были способны выживать в экстремальных условиях и перенимать новые для себя навыки: при необходимости они становились умелыми наездниками, научились вести осадные работы.

Своими разнонаправленными перемещениями отряды выходцев из Скандинавии словно взяли Европу в клещи. В юго-западном направлении викинги завоевали Британию и прибрежную часть континентальной Европы. В юго-восточном направлении они (известные как «варяги») продвинулись в направлении Поднепровья и взяли под свой контроль «путь из варяг в греки». На Западе пришельцев из Скандинавии называли «норманнами»; на Руси, где они до Рюрика выполняли роль профессиональных наёмников — «варягами» [18, с. 164]. В исторической литературе этот период называется «эпохой викингов».

Роль тех или иных народов, входящих в общность викингов была неодинакова на разных участках пространства, охваченного вторжениями IX – XI вв. [2, с. 13]. Так, шведы взяли под свой контроль практически все побережье Балтийского моря, совершали рейды в государства Центральной и Восточной Европы. Норвежцы совершали набеги по всему побережью Северной Атлантики, высаживались на Фарерские острова, грабили и осваивали Ирландию, закрепились в Исландии, на Гренландии и стали первыми европейцами, проникшими на территорию Американского континента. Для нашего исследования наиболее важны передвижения датчан: их завоевательная активность велась в направлении Британии, Ирландии, средиземноморских районов. Именно датчане совершали с моря нападения на Францию и Испанию, на страны Восточной Европы, Киевскую Русь и Византию.

Из средневековых источников известно, что в 844 г. вожди викингов Бьёрн Железнобокий и Гастинг приплыли по Гвадалквивиру к Севилье [2, с. 105]. Позже, когда христиане на севере Испании и мусульмане на её юге отразили нападения викингов, эти вожди захватили Балеарские острова и поселения на берегах Африки [3, с. 57]. В 859 г. викинги появились на западном берегу Италии, захватили и сожгли город Луну, ограбили Пизу, несколько других городов и беспрепятственно поплыли на восток к берегам Греции и Малой Азии [22, с. 364-365].

В конце IX в. норманны уже действовали флотилиями, в которые могло входить до 400 кораблей. В это время их миграции не сопровождалась исключительно грабежами: они начали строить укрепленные поселения и заселяться в них на постоянной основе. На островах в устьях Шельды, Сены, Луары и других крупных рек они сооружали укрепления, становившиеся базами для их дальнейших передвижений вдоль речных путей. В этих укреплениях викинги формировали собственные регулярные войска и тем самым из разбойников постепенно превращались в основателей собственных государств.

Классический пример основания викингскими кланами собственного государства — Британия, где несколько столетий местные англосаксонские королевства вели борьбу с датчанами. В 829 г., перед лицом датской угрозы, эти разобщенные ранее королевства вынуждены были объединиться [27, с. 28]. При короле Альфреде (871 – 900 гг.) датчане были оттеснены, земли острова были поделены на область, доставшуюся скандинавам-датчанам («Дэнло», или «Область датского права» [10, с. 86]) и владения местных правителей. При короле Эдгаре (959 – 975 гг.) англичане полностью покорили датчан, но вскоре ситуация снова развернулась не в их пользу: в конце X века датчане возобновили свои набеги и в 1016 г. даже установили свою власть в Англии [10, с. 87]. Но правление датских королей оказалось недолговременным: вскоре была восстановлена старая англосаксонская династия Эдуарда Исповедника (1042 – 1066 гг.) [10, с. 119-120], а после его смерти в сентябре 1066 г. датчане высадились в Англии, разбили англосаксов и захватили Лондон. Королём Англии стал нормандский герцог Вильгельм (1066 – 1087 гг.). Земли англосаксонской знати были переданы нормандским баронам, седьмую часть этих земель Вильгельм оставил в собственное распоряжение. В 1086 г. была проведена всеобщая перепись земель; на основе результатов этой переписи была составлена «Книга страшного суда», которая узаконила собственность и власть норманнов в Британии [10, с. 288].

Восточная часть «скандинавских клещей Европы» — «путь из варяг в греки», значительно отличалась от западной. Славяне сами пригласили варягов для военной службы в качестве оплачиваемых наёмников [19, с. 163]. Приглашённые на выполнение силовых функций варяги со временем присвоили властные полномочия в Новгороде, заняли княжеский престол, а затем распространили свою власть на другие восточнославянские княжества и установили наследственный

принцип её передачи. Варяги сохранили вечевой уклад в славянских княжествах. Поскольку князья и дружины почти всё время проводили в походах, государственные дела решались органами самоуправления и наместниками, которых назначали князья.

Централизация русских княжеств, их политическая и военная общность на этом этапе поддерживались силовыми методами и родственными связями князей. Звание Великого князя условно влияло на отношения между отдельными князьями. Носители этого звания вынуждены были вести постоянную борьбу за подтверждение своих полномочий, устраивать походы для совместного захвата добычи или для наказания народов, совершавших набеги на русские поселения. Эта деятельность объединяла князей и славянские народы в целом, но достигнуть полного объединения им не удалось ещё долго.

Каждое славянское княжество поклонялось своим собственным богам. И это вносило дополнительные трудности в установление централизованного управления, т.к. религиозного единства между княжествами не было, единой идеологической и религиозной базой княжеская власть не располагала. Однако тенденция к установлению единобожия в религиозных воззрениях славян прослеживается ещё с VI в.: восточно-римский историк Прокопий Кесарийский отмечал, что славяне «считают, что один только бог, творец молний, является владыкой над всеми» [9, с. 117].

Основным направлением торговых и грабительских походов была Византия. Варяги приходили туда по пути «из варяг в греки», который брал начало в городе Бирка на острове в центре озера Мэларен, расположенном на территории современной Швеции, куда в древности свозились товары со всей Скандинавии [20, с. 47].

С установлением власти варяжских князей походы в Причерноморье и Константинополь стали фактором складывания межгосударственных отношений. В 907 г. князь Олег овладел Царьградом и вынудил Византию заключить выгодные для Руси торговые и политические соглашения. Этим же маршрутом в 941 г. совершил военный поход князь Игорь, ещё позже — князь Святослав. Этим же путём шёл и Великий князь Владимир, с личностью которого связывают окончательное утверждение на Руси христианства в качестве официальной государственной религии.

О крещении Владимира и Руси существует много преданий. Наиболее распространённое из них так рассказывает об этих событиях. В середине 980-х гг. Византия оказалась в затруднительном положении из-за внешних угроз и внутренних мятежей. Византийские братья-соправители Василий II и Константин VIII в конце 987 – начале 988 гг. вынуждены были обратиться к Владимиру за помощью в борьбе с мятежом узурпатора Варды Склира. Владимир согласился отправить войско в Византию, но взял с императоров обещание выдать за него замуж сестру императоров Анну. Когда ситуация была нормализована, императоры отказались выполнять своё обязательство на том основании, что киевский князь не был христианином. В ответ Владимир объявил им войну и осадил Херсон (современный г. Севастополь). Город сопротивлялся, но после того, как был разобран городской водопровод и жители Херсона остались без воды, вынужден был капитулировать. В этих условиях императоры согласились на брак Анны с Владимиром, однако, на условии крещения последнего. В конечном итоге Херсон был возвращён византийцам; Владимир заложил в нём прекрасный храм и перевёз Корсунское духовенство в Киев. Архиереи, приехавшие в составе свиты цесаревны Анны, были поставлены на русские кафедры. Уроженцем Херсона был, например, первый новгородский митрополит Иоаким [9, с. 188].

Отметим, что крещение Владимира и его государства носило политический характер, поскольку христианская Церковь в Древней Руси была не только общественным, но и государственным институтом. Также, крещение князя Владимира и Руси происходило в рамках христианизации ряда европейских правителей, ранее остававшихся за пределами христианского мира. Так, в 966 г. Крещение принял польский князь Мешко I [21, с. 145], в 974 г. – датский король Гарольд Блотанд [14, с. 150], в 976 – норвежский конунг (с 995 г. король) Олаф Трюгвассон [16, с. 384], в 985 г. – венгерский герцог Гёза [21, с. 167].

Подчеркнём, что викинги, чьи нашествия по своей географии охватили фактически весь регион Большого Средиземноморья, так и не стали для него объединительной силой. Идея этого единого пространства была для них чужда. Однако после их нашествий и расселения для Европы наступил период, когда она могла обратить внимание на восток, в сторону богатых и наиболее развитых в то время территорий, с VII в. находившихся под контролем мусульман.

В конце XI в. была предпринята четвёртая попытка создания на Средиземном море политического, экономического и религиозного пространства, управляемого единым центром. Не последнюю роль в осуществлении этой попытке сыграли инициативы римских пап, надеявшихся таким образом реставрировать древнюю Римскую империю под своим управлением. В своей борьбе за доминирование в странах Передней Азии, особенно в Сирии и Месопотамии, а также за овладение

Египтом, папы римские пользовались поддержкой со стороны феодальных государств Западной Европы.

Целью крестовых походов стали страны Восточного Средиземноморья, земли западных славян и прибалтийских народов. Руководителями военных сил были короли, графы и герцоги, стремившиеся расширить свои владения. В отряды крестоносцев входили рыцари, не получившие в Европе феодалов по традиционному праву майората, а, следовательно, оставшиеся без земли на родине. Это положение дел они предполагали компенсировать захватом земель на Востоке.

Походы финансировались торговыми кругами городов Генуи и Венеции, развитие которых в XI – XIII вв. шло на подъём. Расширяя свои торговые связи, эти города стремились оттеснить от торговли между Востоком и Западом Византию. Однако идеологически крестовые походы обосновывались необходимостью отвоевать Иерусалим у мусульман и освободить «Гроб Господень».

В конце XI в. нищий отшельник из Европы Петр Пустынник обратился к Папе Урбану II с письмом, в котором было засвидетельствовано притеснение паломников-христиан мусульманами в Палестине. Урбан II встретился с Петром, после чего тот отправился распространять идею помощи христианам Святой Земли по различным европейским городам. Проповеди Петра имели успех: в 1095 г. Урбан II созвал специальный, посвящённый этому делу, Собор в г. Клермон. Было вынесено решение о начале похода против мусульман. Участники Клермонского собора под впечатлением от речи Урбана II стали нашивать себе на одежду красные кресты, откуда и произошло название «крестоносцы». Правда, сами они называли себя «пилигримами», а источники этого времени чаще именовали их «франками» [24, с. 135].

Осуществлению идеи походов в Сирию и Палестину способствовала и ситуация, сложившаяся к концу XI в. в странах Востока. Города этих регионов были с античного времени крупными ремесленными и торговыми центрами. Купцы сирийских прибрежных городов в арабское время вели оживлённую морскую торговлю с Египтом и портами Северной Африки, Византии, Сицилии и Италии. Местные власти, получавшие немалый доход от этой деятельности, всячески поощряли эти торговые связи. Однако богатство этих городов делало их предметом споров и конфликтов. В 90-х гг. XI в., воспользовавшись ослаблением Сельджукской империи, египетские войска захватили прибрежную полосу Сирии и город Иерусалим.

В 1096 г. был организован «поход бедноты» — крестьян, стремившихся избавиться на Востоке от гнёта феодалов и получить для поселения новые земли. Однако из-за устраиваемых по дороге бесчинств это «крестоносное воинство» истреблялось местным населением стран, где оно проходило. Окончательно оно было разгромлено в столкновении с турками-сельджуками. Подавляющее большинство участников этого похода было уничтожено, а уцелевшие крестьяне были обращены в рабство [13, с. 52].

В августе 1096 г. в первый крестовый поход двинулось несколько рыцарских отрядов: из Нормандии — во главе с нормандским герцогом Робертом, из Лотарингии — с Готфридом Бульонским, из Южной Франции — с графом Раймондом Тулузским, из Южной Италии — с Боэмундом Тарентским (Гаронтским). Весной 1097 г. отряды крестоносцев соединились в Константинополе, переправились в Малую Азию и двинулись в Восточное Средиземноморье. Захваты городов крестоносцы сопровождали грабежами и резнёй мусульманского населения. К Иерусалиму добралось не более 20 тыс. человек. Взять город им удалось только после длительной подготовки и отчаянного штурма. В 1099 г. крестоносцы овладели городом и его округой, и основали Иерусалимское королевство. Первым правителем этого королевства стал 22 июля 1099 г. Готфрид Бульонский [13, с. 89].

Всего на Востоке крестоносцы основали четыре государства: графство Эдесское, возглавляемое братом Готфрида Бульонского Балдуином; княжество Антиохийское, возглавляемое Боэмундом; графство Триполи, возглавляемое Раймондом Тулузским. Центром этих государств считалось Иерусалимское королевство; правители Эдессы, Триполи и Антиохии формально считали себя вассалами Готфрида Бульонского.

Идея крестовых походов завоевала популярность; тем более что Урбан II объявил прощение грехов и спасение души для добровольцев; нарушения закона, в которых был ранее изобличён участник похода, прощались, а дела по этим нарушениям — останавливались [24, с. 133]. Поэтому в рядах крестоносцев было много преступников и даже изуверов. Захватывая мусульманские города, они в религиозном экстазе убивали взрослых, варили в котлах и жарили младенцев. Во время захвата Иерусалима город в буквальном смысле утопал в крови. Арабский историк Ибн ал-Асир писал, что в одной только мечети ал-Акса было уничтожено 70 тысяч мусульман; хотя он же сообщает, что мусульманам, осаждённым в часовне Давида, они обещали сохранить жизнь и сдержали своё слово после того, как осаждённые капитулировали [24, с. 138].

В начале XII в. крестоносцы создали духовно-рыцарские ордена: Тамплиеров (храмовников), Иоаннитов (госпитальеров) и Тевтонский (немецкий). Члены духовно-рыцарских орденов считались одновременно монахами и рыцарями. Они давали монашеские обеты и зависели непосредственно от папы римского.

После того как в 1144 г. мосульский эмир освободил от крестоносцев Эдессу, католическая церковь выступила с проповедью нового крестового похода. Второй крестовый поход в Переднюю Азию (1147 – 1149 гг.) возглавили французский король Людовик VII и император Конрад III. Этот поход оказался неудачным. На северо-востоке также неудачно закончился крестовый поход немецких феодалов в земли полабских славян.

Во второй половине XII в. мусульмане усилили сопротивление крестоносным государствам: они угрожали Иерусалимскому королевству с севера, северо-востока; усилилась угроза и с юга. Египетский султан-полководец Саладин объявил крестоносцам «священную войну», разгромил их в сражении при Тивериаде и захватил важнейшие портовые города, а в 1187 г. — и Иерусалим. В пользу Саладина обернулось то обстоятельство, что его армия не устраивала в побеждённых городах резни. Захваченные в плен христиане отпускались на свободу за выкуп: за мужчину нужно было выплатить 10 золотых динаров; за женщину — 5 динаров, за ребёнка — 1 динар. Те, за которых не было получено выкупа, обращались в рабство: таких насчитывают 8 тысяч [24, с. 116]. Впрочем, источники говорят и о том, что 10 тысяч пленных были отпущены Саладином без какого-либо выкупа [24, с. 116].

Действия Саладина послужили поводом к организации третьего крестового похода (1189 – 1192 гг.). В нём участвовали три западноевропейских государя (король Англии Ричард I Львиное Сердце, король Франции Филипп II Август и германский император Фридрих I Барбаросса). Но, несмотря на такую масштабную поддержку, этот поход нельзя назвать результативным: самую важную свою задачу крестоносцы так и не выполнили. Иерусалим остался в руках у мусульман, а владения крестоносцев к этому времени сократились до территорий Антиохийского княжества, графства Триполи и города Тир.

В конце XII в. папа Иннокентий III (1198 – 1216 гг.) инициировал и благословил четвёртый поход в Переднюю Азию. Ближайшей целью этого похода был Египет, т.к. крестоносцы рассчитывали, что захватом этой страны они облегчат последующий захват Иерусалима [13, с. 320]. Переправиться через море крестоносцы рассчитывали на венецианских кораблях. Но трудности, возникшие с выплатой сумм, которые потребовала за свои услуги Венеция, привели к иному обороту событий: в обмен на уступки со стороны Венеции крестоносцы разграбили далматинский город Задар (Зары). Это вызвало неудовольствие со стороны Рима, т.к. Задар был городом христианским [13, с. 326]. Позже силы крестоносцев были перенаправлены на Византию.

В 1204 г. ими был разграблен Константинополь, захвачены многие владения Византии на Балканах. Изъятая из состава Византии территории была поделена на ряд крестоносных государств: в Константинополе и его округе была основана Латинская империя. Византии удалось сохранить лишь некоторую часть прежних владений: Эпир, часть Албании и некоторые владения в Малой Азии. Папство открыто не поддержало такой разворот событий, но негласно приветствовало разгром Константинополя. Выразив формальное возмущение насилиями, совершёнными в христианском городе, Иннокентий III в скором времени объявил разгром Константинополя «чудом божьим», а произведённые в этом городе грабежи — божьей карой за вероотступничество византийцев [8, с. 186].

Государствам, созданным крестоносцам на византийских территориях, на севере оказывали сопротивление болгары и албанцы; из северо-западной части Малой Азии на Латинскую империю нападали византийцы. В 1261 г. Латинская империя пала, а Византийская империя при поддержке Генуи была восстановлена под властью династии Палеологов. Однако оправиться от нанесённого удара и восстановить прежнее могущество Византия уже не смогла.

Самые большие выгоды от завоевания Византии имела Венеция, получившая в распоряжение важнейшие береговые пункты в Южной и Восточной Греции, предместья Константинополя (Галату), остров Крит и ряд островов архипелага. Кроме того, венецианцам удалось обеспечить себе выход в Чёрное море и вытеснить с территории Балканского полуострова своих конкурентов-генуэзцев [17, с. 251]. В самом Константинополе венецианцы заняли особый квартал.

Последующие крестовые походы на Восток не имели существенного значения. После четвёртого похода на Западе почти не было желающих участвовать в далёких, опасных, а по своим результатам — убыточных, походах. Достигнутые результаты устраивали купечество, т.к. посредническая роль Византии в торговле между Западом и Востоком была подорвана. Торговые пути через Средиземное море временно оказались под контролем государств Европы, что позволило активизировать их непосредственные связи с Востоком. Таким образом, идея крестового похода на Восток становилась

всё менее популярной, а европейскими государствами (в особенности, Германией) и католической церковью были открыты новые возможности для колонизации — в Прибалтике.

Во второй половине XIII в. в политической карте Ближнего Востока начали происходить существенные изменения: здесь появились монгольские ильханы Хулагуиды. Укрепившись в Иране и Закавказья, захватив Багдад, казнив аббасидского халифа Мустасима (1258 г.), они приступили к войне с Сирией. Крестоносцам удалось войти в союз с новой силой; правда, Хулагуиды рассматривали новых союзников как своих вассалов [13, с. 454]. Этот союз способствовал расширению внешнеполитического кругозора Хулагуидов: с 60-х гг. XIII в. они вели дипломатическую переписку с римскими папами, вели переговоры с Генуей, Англией и Францией. В отношениях с Западом, особенно с Генуей, Хулагуиды пытались расширить торговые связи. Характерно, что Генуя считалась союзницей Хулагуидов, а её соперница Венеция находилась в дружеских отношениях с Египтом.

Во второй половине XIII в. (1260 – 1303 гг.) Хулагуиды предприняли ряд походов в Сирию и Палестину, но потерпели поражение, что привело к гибели и государства крестоносцев. В 1268 г. египетские войска взяли Антиохию [13, с. 461], в 1289 г. – Триполи Сирийский [13, с. 480], а затем Бейрут, Тир, Сидон и Акру (1291 г.) [13, с. 484].

Вместе с крахом крестовых походов упразднялась идея построения в Большом Средиземноморье европейского политического, экономического и идеологического пространства. Римская церковь, ранее претендовавшая на главенство на этом пространстве, теперь обратилась к борьбе за доминирование над светской властью в странах Западной Европы. Претензии пап обосновывались идеологическими и духовными традициями императорского Рима: себя римские папы считали наследниками римских императоров.

Была выработана концепция прозелитизма, оправдывающая насильственное присоединение к христовой вере народов, завоёванных светскими властями. Допускались и завоевательные походы в некатолические христианские страны. Для реализации этой концепции Иннокентий III (1198 – 1216 гг.) в 1204 г. разослал во все страны миссионеров, писал письма сербским и болгарским государям, русским князьям, приглашая всех подчиниться Западной Церкви. В 1215 г. был созван собор, принявший униатскую систему католической пропаганды в православных странах.

В Европе против претензий папства на создание всемирного католического государства восстал только император Фридрих II. Римские папы (Григорий IX и Иннокентий IV) восстановили против него врагов в Италии и Германии. На Лионском соборе (1245 г.) Фридрих II был предан анафеме [5, с. 141]. В конце концов, против Фридриха II начали организовывать крестовый поход: только тогда он вынужден был смириться. С 1268 г. папы не имели соперников в Италии, германские Габсбурги признали себя ленниками пап, папская курия полновластно хозяйничала в немецких землях. В каноническое право было возведено учение о превосходстве папской власти над светской и о праве пап вмешиваться в дела правителей. Таким образом, XIII в. стал временем торжества теократической идеи господства католической церкви. Римский престол стал вершителем всех церковных, нравственных и политических процессов.

В руках римских понтификов сосредоточилась колоссальная власть. И это вызвало активизацию противодействующих сил. Характерно, что во всех странах Запада в это время появились защитники светской власти. Оппозиция католической церкви приобрела политический, национальный и социальный характер. На подрыв папского влияния работала концепция Марсилия Падуанского о народовластии как источнике государственной власти [23, с. 23]. Германия в 1338 г. стала рассматривать себя независимой от Рима [28, с. 159]. В Англии при Эдуарде III в 1343 г. было запрещено обнародование папских булл, противоречащих указам короля и ущемляющих права его подданных, а в 1353 г. было запрещено передавать дела английских подданных в папскую курию [29, с. 79]. В Италии съезд гибеллинов, собравшийся в 1327 году, объявил папу еретиком [5, с. 169]. Эффективно противостоять этим движениям папство не могло; тем более что лозунги и аргументы, которыми оперировали католики, стали к тому времени устаревшими.

Православные христиане, в отличие от католиков, изначально рассматривали церковь как инстанцию, обладающую духовной и организационной самостоятельностью, но в то же время политически подчиненную государству. Например, для отношений светской и духовной властей в Древней Руси характерно отсутствие конфликтов из-за власти. Главой православных признавался константинопольский патриарх; под его руководством создавались православные церкви в разных странах. Когда после крестовых походов и разгрома Константинополя в 1204 г. позиции Византии ослабли, его главенство всё больше стало становиться формальностью. В это время большинство православных церквей стали автокефальными. Впрочем, это не означало разрушения православного единства: духовное и нравственное влияние Константинопольского патриарха сохранялось, несмотря

на то, что единый организационный центр православия был упразднён и православные церкви отдельных государств стали самостоятельными.

В XV – XVI вв. в Европе и Большом Средиземноморье произошли существенные изменения. Во-первых, в это время были сделаны географические открытия, оказавшие определяющее влияние на дальнейший ход истории. Во-вторых, в XVI в. Западная Европа оказалась расколотой на католический и православный мир, что повлекло за собой значимые религиозно-идеологические изменения. В-третьих, произошли значимые изменения в культуре Европы, отразившиеся в процессах эпохи Ренессанса (Возрождения).

Предпосылкой географических открытий XV – XVI вв. стало развитие представлений европейцев о пределах обитаемой Земли. С античных времён Земля представлялась европейцам разделённой на пять поясов, из которых только два пояса с умеренным климатом были пригодны на жизни. На полюсах, согласно этой теории, царит вечный холод; а на экваторе море закипает от жары. Экваториальная Атлантика на средневековых картах именовалась Морем Мрака.

Однако в XIII веке новые представления о мире внёс венецианский путешественник Марко Поло (1254 – 1324 гг.) в своём труде «Книга о разнообразии мира». В 1271 – 1275 гг. он сопровождал отца и дядю в путешествии на Восток: в Акру, Среднюю Азию и, по Великому Шелковому пути, в Китай ко двору хана Хубилая. Находявшись некоторое время на службе у хана, Марко путешествовал по Монгольской империи. А на обратном пути он и его спутники посетили Суматру, Южную Индию, Персию. В 1295 г. Марко Поло вернулся в Венецию и через несколько лет опубликовал воспоминания о путешествии на Восток. Книга пробудила у европейцев интерес к Востоку и его богатствам [7, с. 90]. Путешественники доказали, что на востоке Азия омывается океаном. На картах также стали уточняться контуры Африки: она всё чаще изображалась в виде отдельного, суживающегося к югу, материка.

Громадное значение имело завершение процесса Реконкисты на Пиренейском полуострове. Португалия, освободившаяся от мусульманского владычества, имела потребность в защите своих берегов и торговых кораблей от пиратов. В связи с этим король Диниш I основал военный флот. Португальцы успешно использовали и усовершенствовали карты и навигационные приборы арабов. Однако главным условием успеха стали преобразования каравелл, которые позволяли им далеко уходить от побережья, в течение долгих месяцев находиться в автономном плаванье, а также – перевозить большие грузы.

В 1410 г. французский епископ Пьер д'Альи издал труд «Картина мира», где были обобщены высказывания античных и средневековых ученых о шарообразности Земли. Основываясь на собранном материале, епископ утверждал, что при попутном ветре преодолеть путь от Испании до Индии можно в течение нескольких дней. Под влиянием его взглядов португальские короли с 1415 г. начали снаряжать экспедиции вдоль западного побережья Африки для открытия морского пути в Индию. В конце XV в. флорентийский врач и космограф Паоло Тосканелли создал карту, на которой Атлантический океан помещался между Европой с востока и Японией, Китаем и Индией с запада. При помощи своей карты Тосканелли обосновывал возможность пройти в Индию через этот океан [6, с. 211]. Сторонники его концепции убедили правителей Испании снарядить экспедиции через Атлантический океан. В результате, как известно, был открыт новый континент, позже названный «Америкой».

Особой страницей в политической жизни Европы стала Реформация — массовое социально-политическое движение, направленное на преобразование католицизма и предоставление индивиду права выбора и самостоятельного решения проблем участия в общественных и государственных делах. Реформация, в сущности, была явлением религиозной сферы, однако порождённое ей новое христианское направление, протестантизм, оказало влияние и на политическую жизнь позднего средневековья.

Религиозные движения, оппозиционные католицизму, которые по смыслу можно назвать «протестантскими», существовали и ранее. Например, возникшее в первой половине XV в. движение гуситов, которое считается национально-освободительным, получило общеевропейский резонанс как движение против католицизма. Его история началась с официального протеста против решения о сожжении Яна Гуса, подписанного 2 сентября 1415 г. 452-я представителями знати. Со временем движение гуситов разделилось на два основных крыла: умеренное (чашники) и радикальное (табориты – по названию горы Табор, где был расположен их лагерь). Борьба последователей Гуса была успешной до тех пор, пока противникам гуситов не удалось внести раскол в их ряды. В 1433 г. на Базельском соборе было постановлено удовлетворить почти в полном объёме требования, которые чашники изложили в «Пражских компактах» [4, с. 17]. После этого позиция чашников изменилась в пользу католиков. В 1434 г. объединённые силы католиков Священной Римской империи и чашников

разгромили ополчение таборитов в битве при Липанах. На этом история гуситского движения завершилась [4, с. 18]. Однако само оно полностью не исчезло и стало предтечей Реформации. Под другими названием некоторые группы гуситов сохранились и в настоящее время.

Начало Реформации было положено публичным выступлением Мартина Лютера, руководившего кафедрой библейской теологии в Виттенбергском университете. Это выступление произошло 3 октября 1517 г. В этот день Лютер озвучил 95 тезисов, направленных против католических верхов и поддерживаемой ими торговли индульгенциями. Учение Лютера вскоре нашло последователей, а в итоге Реформация охватила большинство стран Западной и Центральной Европы. Римский император Карл V, вынужденный как-то реагировать на эти события, провел в 1521 г. конгресс (рейхстаг) германских князей, принявших так называемый «Вормсский эдикт». Здесь Карл объявил о создании Всемирной католической империи Габсбургов, в состав которой вошла Священная Римская империя германской нации.

Протестантские представления о мире политики соответствовали или были близки идеям Просвещения и стали идейной базой многих политических преобразований в Старом и Новом Свете. Согласно взглядам основателей главных направлений протестантизма и руководители отдельных протестантских церквей, единственный источник истины — это Библия. Толкования библейских истин, которые даются авторитетами католической церкви, не имеют такого же значения, а, следовательно, не должны восприниматься как незыблемые законы. С борьбой католичества и протестантизма, развернувшейся со второго десятилетия XVI в., связаны религиозные войны, а также политическое и военное противостояние в Европе, которое вылилось в Тридцатилетнюю войну (1618 — 1648 гг.) и завершилось созданием Вестфальской модели международных отношений. Идеи протестантизма (и особенно — кальвинизма) легли в основу идеологии английской революции. Ими же была порождена идея строительства Нового Иерусалима на Американском континенте и, в последней четверти XVIII в. — борьба североамериканских колоний против владычества Великобритании.

Достижения стран Большого Средиземноморья в области культуры дали начало эпохе Возрождения. В этот период сформировалась система философских взглядов, получившая развитие в концепциях мыслителей, в исторической литературе называемых «гуманистами».

Несмотря на господство католической церкви, Большое Средиземноморье оставалось и в средние века центром разработки и распространения новых общественных, научных, творческих и других прогрессивных идей. Периодически в истории Европы наблюдаются периоды «возрождений», не получивших всеобщего характера: в IX в. — «каролингский Ренессанс»; во второй половине X в. — «оттоновский Ренессанс». В XIII в. носители передовых идей группировались при дворе императора Священной римской империи германской нации Фридриха II и пользовались его покровительством. Когда же Фридрих умер, они ушли из Ахена в итальянские города и стали предшественниками эпохи Возрождения в архитектуре, скульптуре, литературе, живописи, театре и т.д. Вдохновителями эпохи Возрождения в XIII — XIV вв. стали Абельяр, Данте Алигьери, Франческо Петрарка, Джованни Боккаччо, Сандро Боттичелли и др. В это время появились новые архитектурные стили: романский, готический, барокко и другие.

Отметим, однако, что Ренессанс, который рассматривается как этап европейской истории, не имеет чисто европейского происхождения. Он с полным правом может быть назван явлением «средиземноморского» масштаба, т.к. формирование гуманизма основано также на достижениях арабской и византийской культуры.

Связи Западной Европы и Византии нельзя сводить лишь к торговому соперничеству и военным конфликтам. Со времён Крестовых походов прежние запад и восток Римской империи возобновляют взаимодействие в культурной сфере: но уже как два обособленных и отнюдь не всегда понимающих друг друга мира. Европейцы, совершающие поездки в Константинополь, нередко привозили оттуда ценные рукописи древних авторов. Византийские интеллектуалы нередко посещали Италию и даже оставались там на постоянное жительство. После 1453 г. именно Италия, где зародился гуманизм, стал главным в Западной Европе центром эмиграции византийцев. Поэтому вполне объясним характерный для итальянского Ренессанса интерес к образцам античной культуры и древнегреческому языку, который становился всё более популярным именно благодаря эмигрантам и беженцам из Византии.

Напомним, что с VIII — IX вв. основными хранителями достижений античной культуры стали Византия и Арабский халифат. Именно там в это время существовали главные научные и просветительские центры. Особое значение для арабско-европейских культурных связей приобрел Кордовский эмират, возникший в завоеванной арабами в начале VIII в. Испании. Главный город эмирата, Кордова, достиг вершины могущества и богатства в X в. К этому времени он имел торговые

связи со странами Европы, Африки, Азии, вплоть до Индии и Китая. При эмире Абдаррахмане III (891 – 961 гг.) было много густонаселённых городов; наука и искусство переживали период расцвета. Кордова во время эмирата приобрела известность как «второй Багдад», «украшение мира» и «обитель науки»: здесь в X в. насчитывалось 100 тыс. жителей – больше, чем в любом другом городе Европы [15, с. 40]. Было выстроено большое количество мечетей, 800 школ, 600 гостиниц, 900 бань и 50 больниц. В городе было 70 библиотек, а самая большая из них – библиотека Хакема II, открытая в 915 году, насчитывала 400 тысяч томов, среди которых были редчайшие манускрипты [15, с. 41]. Библиотека в Кордове превосходила то, чем в то время располагала вся христианская Западная Европа. В городе работал целый штат переписчиков, чьё мастерство высоко ценилось в тогдашнем мире: Кордова считалась одним из крупнейших книжных центров мира той эпохи [15, с. 41]. Кордовский университет был самым знаменитым в Европе, в нем обучалось 10 тысяч студентов.

С IX – X вв. прервавшиеся во время арабских завоеваний связи частей Средиземноморья, стали восстанавливаться. В Европу стали проникать переводы работ античных авторов, которые делались в арабских центрах, но были совершенно забыты в Европе.

Арабский мир в VIII – XIII вв. дал немало личностей, чья деятельность повлияла на более позднюю европейскую мысль. Так, уроженцем Кордовы был величайший арабский философ Аверроэс (1126 – 1199 гг.) [25, с. 135]. Арабский государственный и общественный деятель, социальный философ и историк Ибн Хальдун (1332 – 1406 гг., Тунис – Гранада – Биджайи – Каир) в трактате «Большая история» пытался создать самостоятельную комплексную науку об обществе, которую сам он назвал «наукой о культуре». Ибн-Хальдуну принадлежит концепция, согласно которой общественное развитие происходит закономерно, обусловлено географической средой и историческими циклами подъема и упадка. Ибн Хальдуну принадлежит вывод, что разделение труда и взаимный обмен определяют культуру государства и характер правления в нём, а это, в свою очередь, способствует уровню социальной солидарности правителей и подданных [11]. Мы видим, что арабский историк проводил мысли, которую позже обосновывали мыслители XVIII – XIX вв.

Родоначальником гуманистической культуры Возрождения считается основоположник итальянской национальной поэзии Франческо Петрарка (1304 – 1374 гг.), который осуждал раздробленность Италии и междоусобицу в рядах элиты. Итальянский государственный деятель и историк Франческо Гвиччардини (1483 – 1540 гг.) излагал свои воззрения в политических сочинениях и фундаментальном труде «История Италии», где описывались события войн Италии с Францией в 1494 – 1534 гг. Богатый вклад в наследие эпохи Возрождения внёс выдающийся гуманист Эразм Роттердамский. Взгляды другого гуманиста Томмазо Кампанеллы, представлявшие собой смесь фантастических и здравых представлений о жизни в городе Солнца, позже рассматривались как начало утопического социализма. Кампанелла имел много интеллектуальных последователей, в том числе Декарта.

Одним из наиболее известных мыслителей новой волны был Никколо Макиавелли. В своём произведении «Государь» он заложил основы политической науки: ввел понятия «государство» и «республика» в их современном значении, обосновал связь политики и форм государства с социальной борьбой, сформулировал принцип «цель оправдывает средства». Согласно Макиавелли, государь в качестве частного лица обязан соблюдать общепринятые нормы поведения. Но этими требованиями допустимо пренебречь, если от этого зависит процветание и сила государства. Как альтернативу схоластике и политике папского престола и духовенства, Макиавелли выдвинул концепцию рационализма и реализма, а феодальной раздробленности он противопоставил идею централизации в форме абсолютной монархии. Государство рассматривалось как высшее проявление человеческого духа, а служение ему – целью, смыслом и счастьем человеческой жизни. Необходимость существования государства обосновывалась потребностью насильственного обуздания эгоистической природы человека. Тем самым государству должны были быть переданы от церкви воспитательные функции.

Таким образом, эпоха Возрождения превратила народы Большого Средиземноморья в инициаторов прогрессивных идей, которые наряду с торговыми связями способствовали, вопреки религиозному и политическому противостоянию, сближению стран этого региона.

Однако в то же время с XIV в. с востока на Европу стала надвигаться новая мощная угроза. На роль средиземноморского лидера в конце XIV в. начала претендовать Османская империя.

Предки турок-осман — алтайского происхождения. Под именем турок стали известны кочевые племена огузов, обитавшие недалеко от Китая [1, с. 7]. Около V в. они расселились в землях Турана (Туркестана), выдавив оттуда авар. В 562 и 568 гг. источниками зафиксированы их посольства в Константинополе. В IX и X вв., под влиянием арабов, турки начали принимать ислам. В X в. они

захватили Бухару, Персию и основали царство Газневидов. При султани Мелеке (1072 – 1092 гг.) царство турок-сельджуков достигло расцвета, но такое состояние оказалось недолговечным: при наследниках Мелека сельджукское царство распалось [24, с. 20-21]. В XIII в., под давлением орд Чингисхана, турки двинулись из Хорасана в Армению, а затем — в Малую Азию. Там они помогли султану Сельджукской Коньи в борьбе с Византией, и за эту заслугу получили для расселения земли между городами Ангора и Брусса (правда, без самих этих городов).

Название «Османская империя» происходит от имени Османа (1258 – 1326 гг., правил с 1288 г.), долгое время расширявшего свои владения за счёт территорий обессиленной Византии. Сын и наследник Османа Орхан (правил 1326 – 1359 гг.) считал своим призванием объединение под своей властью всех правоверных. В только что завоеванной Бурсе (или Брусе, 1326 г.) он выстроил роскошный дворец с высокими воротами. От них турецкое правительство и получило название «Оттоманской Порты» (часто так называли и все турецкое государство). В 1328 г. Орхан ввел в своём государстве централизованное управление. Подвластная ему территория была разделена на три провинции (пашалыка). Эти крупные единицы делились на округа (санджаки). Гражданское управление было соединено с военным, но заняло подчинённое положение. Благодаря реформам Орхана в Османской империи была создана военная сила, которая не имела себе равных в Европе того времени [12, с. 42].

В XIV в. турки начинают завоёвывать Балканский полуостров. Началом этого стал захват Галлиполи, города на европейском берегу пролива Дарданеллы, в 1354 г. Для противостояния Османской империи и защиты христианства в Европе в 1396 г. против нее был предпринят крестовый поход, который согласились финансировать Венеция и Генуя. Под знамена императора Священной Римской империи Сигизмунда, являвшегося к тому же королем Венгрии, Германии, Богемии и Ломбардии, собрались венгерские, польские, чешские, французские и другие рыцари Европы. Они безуспешно попытались разбить войска Баязида I [26, с. 54].

Таким образом, становилось очевидным появление на востоке новой мощной силы, представляющей собой опасность для Европы. Но для полного проявления этой силы было ещё далеко. В начале XV в. позиции Османской империи даже ослабли: в 1402 г. она потерпела поражение от Тамерлана [1, с. 73-74]. Но к середине XV в. силы турок были восстановлены и даже укреплены. Исключительное значение для дальнейшей истории имел окончательный разгром Византийской империи и взятие Константинополя в 1453 г. Турция превратилась в исключительно военное государство, что, впрочем, сочеталось с заимствованиями достижений греческой культуры и поддержкой торговли, земледелия и промышленности в подчинённых областях.

Подытоживая сказанное, отметим, что утверждение Османской империи стало рубежным событием в истории Большого Средиземноморья. Пространство вокруг Средиземного моря оказалось безнадежно расколото религиозными противоречиями, объединить его стало невозможно. Причины этого: агрессия крестоносцев, рост мощи Османской империи и зарождение новых правил, по которым строили взаимоотношения друг с другом и с внешним миром европейские государства. Эти обстоятельства оказались важной предпосылкой формирования тех взаимоотношений, которые в трансформированном виде сохранились до наших дней.

Список литературы

1. Бальфур, Д. П. Османская империя. Шесть столетий от возвышения до упадка. XIV – XX вв. / Д. П. Бальфур; пер. с англ. Л. А. Игоревского. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2017. — 639 с.
2. Буайе, Р. Викинги. История и цивилизация / Р. Буайе; пер. с фр. М.Ю. Некрасов. — СПб.: Евразия, 2012. — 416 с.
3. Викинги: набеги с севера / Пер. с англ. Л. Флорентьева. — М.: ТЕРРА, 1996. — 168 с.
4. Войны гуситов. 1419-1436 // Военно-исторический альманах «Новый солдат» — 2002. — №96. — Артемьевск: Военно-исторический клуб «Ветеран». — 34 с.
5. Гергей, Е. История папства / Е. Гергей; пер. с венг. — М.: Республика, 1996. — 463 с.
6. Дитмар, Д. Б. От Птолемея до Колумба / Д. Б. Дитмар. — М.: Мысль, 1989. — 253 с.
7. Дреж, Ж.-П. Марко Поло и Шёлковый путь / Ж.-П. Дреж; пер. с фр. И.С. Бородычевой. — М.: ООО «Астрель», 2006. — 192 с.
8. Заборов, М. А. Папство и крестовые походы / М. А. Заборов. — М.: Издательство Академии наук СССР, 1960. — 264 с.
9. Зубарь, В. М., Павленко Ю. В. Херсонес Таврический и распространение христианства на Руси / В. М. Зубарь, Ю. В. Павленко. — К.: Наукова думка, 1995. — 208 с.

10. Зюмтор, П. Вильгельм Завоеватель / П. Зюмтор; пер. с фр. В.Д. Балакина. — М.: Молодая гвардия, 2010. — 309 с.
11. Игнатенко, А. А. Ибн Хальдун / А. А. Игнатенко. — М.: Мысль, 1980. — 160 с.
12. Кинросс, Л. Расцвет и упадок Османской империи / Л. Кинросс; пер. с англ. М. Пальникова. — М.: КРОН-ПРЕСС, 1999. — 696 с.
13. Куглер, Б. История крестовых походов / Б. Куглер. — Ростов н/Д.: Феникс, 1995. — 512 с.
14. Кузьмин, А. Г. Крещение Киевской Руси / А. Г. Кузьмин. — М.: Алгоритм, 2012. — 272 с.
15. Лалагуна, Х. Испания: история страны / Х. Лалагуна; пер. с англ. Е. Габитбаевой, М. Башкатова. — М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2009. — 352 с.
16. Лебедев, Г. С. Эпоха викингов в северной Европе и на Руси / Г.С. Лебедев. — СПб.: Евразия, 2005. — 640 с.
17. Луццато, Дж. Экономическая история Италии (античность и средние века) / Дж. Луццато. — М.-Л.: Издательство иностранной литературы, 1954. — 456 с.
18. Мельникова, Е. А. Варяги, варанги, вэринги: скандинавы на Руси и в Византии // ВВ. — 1998. — № 55. — с. 155-164.
19. Мельникова, Е. А. «Ряд» легенды о призвании варягов в контексте раннесредневековой дипломатии // Древнейшие государства на территории СССР. 1990 год / Е. А. Мельникова, В. Я. Петрухин. — М., 1991. — с. 219-229
20. Петрухин, В. Я. Крещение Руси. От язычества к христианству / В. Я. Петрухин. — М.: АСТ: Астрель, 2006. — 222 с.
21. Принятие христианства народами Центральной и Юго-восточной Европы и крещение Руси. — М.: Наука, 1988. — 272 с.
22. Роэдаль, Э. Мир викингов / Э. Роэдаль. — СПб.: Всемирное слово, 2001. — 561 с.
23. Социально-экономические и политические реалии Западной Европы начала XIV в. и их влияние на взгляды Марсилия Падуанского // Марсилиус Падуанский. Защитник мира / Пер. с фр. А. Есенова. — М.: Дашков и Ко, 2014. — С. 20-24.
24. Тат, Ж. История крестовых походов / Ж. Тат. — М.: Олимп, 2003. — 192 с.
25. Уотт, У. М. Мусульманская Испания / У. М. Уотт, П. Какия; пер. с англ. С. И. Дунаевецкого. — М.: Главная редакция восточной литературы «Наука», 1976. — 199 с.
26. Финкель, К. История Османской империи. Видение Османа / К. Финкель; пер. с англ. — М.: АСТ, 2010. — 829 с.
27. Хилл, П. Альфред Великий и война с викингами / П. Хилл. — СПб.: Евразия, 2014. — 256 с.
28. Хоус, Дж. Краткая история Германии / Дж. Хоус; пер. с англ. Т. Ю. Гутман. — М.: Азбука-Аттикус, 2018. — 198 с.
29. Штокмар, В. В. История Англии в Средние века / В. В. Штокмар. — СПб.: Алетейя, 2005. — 203 с.

Статья поступила в редакцию 29.10.2018

Kabachenko, A. P., Chikharev, I. A., Matrosov, M. A. *The History of the Mediterranean Macro-Region in the 10th – 15th centuries.*

The article deals with the history of the Mediterranean macro-region from the medieval era, starting with the late stage of the Great Migration (the Viking invasion in the Mediterranean region and the Varangian penetration in Rus') and ending with the formation of the Ottoman Empire in the second half of the 15th century.

Keywords: Mediterranean macro-region, history of the Mediterranean countries, history of the Black Sea countries, Vikings, Christianization of Kievan Rus', Crusades, reformation, the Ottoman Empire.

УДК 94(292.471)

В статье прослеживается история Крыма и Севастополя с древнейших времён до наших дней, с появления на Крымском полуострове первых цивилизаций в эпоху Великой греческой колонизации и заканчивая событиями Русской весны 2014 г. Уделяется внимание моментам, обусловленным внутренним делением Крымского полуострова на субрегионы, каждый из которых проходил свой неповторимый исторический путь в рамках внутренне целостного общекрымского и севастопольского исторического развития.

Ключевые слова: история, Черноморский регион, Черное море, международные отношения, межнациональные конфликты, межгосударственные конфликты

А. П. Кабаченко, доцент, канд. филос. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: aleksandr-kabachenko@yandex.ru

В. В. Коваленко, доцент, канд. ист. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: cowlalcnko.vitalij@yandex.ru

И. А. Чихарев, доцент, канд. полит. наук,

Директор института общественных наук и международных отношений

Севастопольский государственный университет

E-mail: ichikharev@yandex.ru

М. А. Матросов, магистрант

Севастопольский государственный университет

E-mail: mikelonster@gmail.com

МЕСТОРАЗВИТИЕ КРЫМА И СЕВАСТОПОЛЯ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАШИХ ДНЕЙ

Месторазвитие Севастополя и Крыма с древнейших времён отличалось своеобразием. Крым рассматривается обычно как единое пространство, отличное даже от соседних Северного Причерноморья и Прикубанья. Вместе с тем по своим географическим и климатическим условиям он внутренне подразделяется на субрегионы, каждый из которых прошёл свой неповторимый исторический путь. В античные и византийские времена обособленно существовал Херсон с юго-западным нагорьем. Керченский полуостров (Боспор) в то же время был постоянным объектом нападений извне и поэтому этот регион развивался, подстраиваясь под селившиеся в нём народы. Татары почему-то не селились в прежних центрах Крыма — Херсоне и Боспоре, а предпочитали занимать остальную часть полуострова. Разнообразие мест их проживания стало причиной разнообразия крымскотатарского языка: в нём чётко выделялись южнобережный, горный и степной диалекты.

Археологические материалы показывают, что люди населяют Крым не менее 100 тысяч лет [12]: в пещерных стоянках обнаруживаются кости носорогов, мамонтов, северных оленей, медведей, диких и одомашненных лошадей и других животных. В V тысячелетии до н.э. фиксируется массовая миграция из горных пещер в степи, а за 2000 лет до н.э. прослеживается наличие скотоводства, земледелия, строительства каменных сооружений. В Крымском регионе довольно рано зародилась торговля: местные племена поддерживали связи с населением Северного Причерноморья и даже Малой Азии с Эгеидой.

В середине VII в. до н.э. в Причерноморье проникает эллинская цивилизация. Первопроходцами в этом процессе были ионийцы, прибывшие сюда с берегов западной Малой Азии. Первая колония, Борисфенида, была основана ими на о. Березань, позже неподалёку от неё был основан г. Ольвия. На территории Крыма первые греческие поселения возникли в VI в. до н.э. [14, с. 27]. Основные пункты эллинского присутствия в Крыму представляли собой полисы, существовавшие независимо даже от

своей метрополии и включавшие в себя городское поселение и окружающую его сельскохозяйственную зону (хору).

Взаимодействие местного населения Крыма с эллинами порождало синкретические религиозные культы. Например, в культе Великой Богини Матери соединялись черты женских божеств ряда народов: сирийской Кибелы, греческой Артемиды, египетской Изиды [6, с. 41]. Отмечается и культ женского божества, сочетавший черты таврской богини Девы и эллинской Артемиды [6, с. 42]. Характерно, что этот культ — культ богини Девы — известен только в Херсонесе, граждане почитали её своей царицей и защитницей города, чеканили образ на монетах, клялись именем [7, с. 33].

Ещё с VII в. до н.э. в Крыму поселились скифы [9, с. 25], ближе к III в. до н.э. — сарматы [8, с. 38]. В конце II в. до н.э. эти народы признали зависимость от царя Понтийского государства Митридата VI Евпатора. После того, как он потерпел поражение в войнах с Римом и вынужден был покончить жизнь самоубийством в Пантикапее (современная Керчь), в Крыму обосновались римляне. Их военной и морской базой в Северном Причерноморье стал Херсонес. Со временем в полисах стали возникать общины представителей монотеистических религий: иудаизма и христианства.

Церковное предание рассказывает, что первым проповедовал христианство в Крыму апостол Андрей Первозванный, миссия которого проходила от Боспора до Херсонеса [16, с. 43]. Во время гонений на христиан в Римской империи местные каменоломни стали местом ссылки: так, здесь на каторжных работах трудился, рядом с тысячами единоверцев, третий епископ Рима, святой Климент [16, с. 43]. Добываемый здесь белоснежный камень использовался для строительства оборонительных сооружений, общественных и частных зданий Херсонеса и его хоры и даже вывозился за пределы Крыма.

В эпоху угасания античности Херсон превращался из языческого города в христианский. Ему удалось пережить вторжения эпохи Великого переселения народов, и с IV в. до начала XIII в. город был форпостом Византии в Таврике. Византийская империя удерживала под контролем юго-западный Крым, временами её влияние распространялось на всю Таврику и даже выходило за её пределы. Важным инструментом византийской политики в регионе стало распространение среди местного населения православного христианства.

Крым неоднократно становился объектом вторжений готов, гуннов, хазар и переходил под их контроль. Язычники волна за волной оседали в окрестных долинах и, попадая под влияние более высокой культуры, со временем переходили в христианство, выстраивали в связи с этим союзнические отношения с Византией. Вторжения на полуостров извне обычно не затрагивали Херсон, за исключением похода русского князя Владимира в 988 г. Город отчаянно сопротивлялся и открыл ему ворота лишь после того, как был разрушен водопровод [16, с. 61]. В Херсоне киевский князь и его дружина приняли святое Крещение, здесь же состоялось бракосочетание Владимира с византийской принцессой Анной.

Со временем Византийская империя слабела и вместе с ней терял своё прежнее значение Херсон. После захвата крестоносцами Константинополя в Крыму стали возникать фактории венецианцев и генуэзцев. В юго-западной части полуострова усилилось княжество Феодоро, возникновение которого связывают с Феодором II Гаврасом, выходцем из знатного византийско-армянского рода, представители которого правили в Трапезунде в первой половине XII в. и стремились к обособлению от Византии. Предполагаемый основатель крымской княжеской ветви, Константин Гаврас, за участие в заговоре против императора Иоанна Комнина был в 1130 г. отправлен в ссылку, вероятно в Херсон. Здесь его потомки смогли добиться власти над византийской территорией в Юго-Западной Таврике [4, с. 359].

Имена самых ранних правителей Феодоро неизвестны. Первым в источниках упоминается после 1362 г. князь Димитрий [15, с. 36]. В 1381 г. хан Золотой Орды Тохтамыш, в благодарность за оказанную ему в борьбе с Мамаем помощь, передал генуэзцам принадлежащий княжеству участок побережья [5, с. 313]. Известно о разрушении Мангупа в 1395 г. армией Тамерлана [10, с. 50]. Независимость Феодоро была вскоре восстановлена и княжество стало расширять свои территории и добиваться выхода к Чёрному морю.

В 1433–1434 гг. во время правления князя Алексея I в состав княжества Феодоро вошёл отвоёванный у генуэзцев укрепленный пункт Чембало (на территории современной Балаклавы) [4, с. 361]. В 1441 году с генуэзцами был заключён мир [10, с. 179], однако и в дальнейшем феодориты укреплялись в отбитых у них городах: Алуште, Партените, Херсоне и Горзувитах. В 1450-е гг. была отстроена крепость Фуна и укреплен Мангуп [10, с. 362]. Последние князья Феодоро успешно

налаживали внешние связи посредством династических браков: они породнились с правителями некоторых стран Европы, наследниками престолов Молдавии, Трапезундской империи и Московского государства [15, с. 49]. Княжество Феодоро было многонациональным: здесь мирно сосуществовали потомки тавроскифов, сармато-аланов, крымских готов, греки и караимы. Позже туда переселилось много аийских армян.

Степная часть Крыма после победы монголов над половцами в 1237 г. вошла в состав Улуса Джучи или Золотой Орды. В 1243-1246 г. хан Бату установил ордынский протекторат над княжеством Феодоро [11, с. 23], правители которого продолжали вести вели успешную торговлю в Большом Средиземноморье. В случае отказа выплаты дани полуостров подвергался опустошительным набеги. Особенно жестоким был поход Ногая, во время которого были разрушены многие крымские города. Не менее жестокими были нашествия литовских войск. В 1363 году Великий князь Ольгерд после разгрома татар на Днепре вторгся в Крым, опустошил Херсонес и увёз из него церковные ценности. Не менее опустошительным был поход другого литовского князя - Витовта [5, с. 333].

Внутренняя междоусобица в Золотой Орде и ослабление этого государства привели к распаду и образованию нескольких ханств. Одним из них стало Крымское во главе с представителями династии Гераев [13, с. 15]. Турки-османы, захватившие в 1453 г. столицу Византии Константинополь, постепенно присоединяли бывшие владения империи. В 1475 году пришла очередь Крыма. В течении короткого времени были захвачены владения генуэзцем и большая часть территории Феодоро. Но на осаду столицы княжества турки потратили пять месяцев. Феодоритам и прибывшим им на помощь войскам из Молдавии совместными усилиями нанести тяжёлые потри противнику.

Однако в итоге сопротивление защитников Мангупа было сломлено: осаждавшие имели преимущество в использовании артиллерии [4, с. 362-363]. Крепость пала, женщины и дети 15-тысячного города попали в рабство, мужчины, в том числе последний правитель Феодоро, князь Александр, были казнены. Территории генуэзских колоний, земли феодоритов и ряд других приморских поселений, в том числе и совершенно заброшенного Херсона, перешли под власть султана. На них были образованы турецкие административные округа - кадылыки. Остальная часть полуострова оставалась в составе Крымского ханства, с 1478 года ставшего вассалом Османской империи [2, с. 91]. Формально ханство продолжало считаться независимым, однако внешнюю политику вело, как правило, в соответствии с интересами сюзерена.

Безраздельное господство Османской империи в Северном Причерноморье, которое было установлено в третьей четверти XV в., в следующем столетии начало идти на спад. В середине XVI в. московская флотилия появилась на берегах западного Крыма, в XVII в. туркам пришлось выдержать ряд войн с запорожскими и донскими казаками, с XVII в. подступать к Крыму начало Московское государство, провозглашённое в 1721 году Российской империей. Через полвека полуостров был занят Крыма российскими войсками в ходе Первой русско-турецкой войны.

По условиям Кючук-Кайнарджийского мирного договора, заключённого летом 1774 г., Крымское ханство было признано независимым государством, на внешнюю политику которого не имели права оказывать влияние другие государства [13, с. 15]. Однако наличие на полуострове влиятельных протурецких сил вело к расколу внутри самого крымского общества. Пророссийски настроенный хан Шагин-Герай справиться своими силами с ситуацией не смог и пригласил на помощь русские войска. В ходе дальнейшего развития конфликта хан отрёкся от престола. 8 (19) апреля 1783 года Екатерина II издала манифест, которым объявила о включении Крымского ханства в состав Российской империи.

Сразу после этого Россия приступила к обустройству на полуострове базы для создававшегося на Чёрном море военного флота. 3 июля 1783 г. были заложены первые каменные здания города, названного Севастополем, что переводится с древнегреческого как «город, достойный поклонения». По русской традиции одним из первых зданий стала церковь Святого Николая Чудотворца – покровителя мореходов. В первые десятилетия своего существования Севастополь возводился из камней, взятых в руинах Херсонеса, а затем и в каменоломнях Инкермана. Основание российской крепости на берегах одной из лучших в мире бухт ознаменовало стратегическое изменение расстановки политических сил не только в Причерноморье, но и за его пределами.

В истории довольно часто можно наблюдать повторяемость масштабных событий, позволяющую говорить о циклах с периодичностью от 50-ти до 1000 лет. Они проявлялись в истории не только цивилизаций, но и пространств, находящихся между ними. Ярким примером может служить история Крыма, раз в несколько столетий то переходившего из сферы доминирования Евразии под

власть Средиземноморья, то возвращавшегося обратно. При этом контроль юго-западной оконечности полуострова две тысячи лет обозримой истории оставалась форпостом цивилизаций Средиземноморья – языческой греко-римской, православной византийской, мусульманской османской. Вот почему первое известное нам прочное утверждение здесь «северной» православной цивилизации, духовной «дочери» Византии, стало событием, имевшим не только зримое, но и сакральное, метафизическое значение.

Превращение России в региональную державу не только на Балтийском море, но и на Черном и Средиземном морях, тревожило Османскую империю. Но её покровители в Европе негативную реакцию высказывать не спешили: против действий России открыто выступила только Франция. Президенту Коллегии иностранных дел И. А. Остерману пришлось напомнить французскому посланнику, что Екатерина II сквозь пальцы смотрела на захват Францией Корсики в 1768 году.

Российская императрица предвидела негативную реакцию европейских государств, но в апреле 1783 года писала Г. А. Потёмкину: «Я твёрдо решилась ни на кого не рассчитывать, кроме нас самих». Как она и ожидала, европейская дипломатия стала подталкивать Османскую империю к реваншу, обещая помощь в войне с Россией. Французские офицеры готовили турецкую армию к неизбежным боевым действиям. Особенно активную деятельность западные государства развернули в связи с путешествием Екатерины II в 1787 г. в «полуденные края». Уже 13 сентября этого года Турция объявила войну России. Она рассчитывала на победу, считая Черноморский флот и его личный состав не готовыми к серьёзным боевым действиям.

Однако эти расчёты не оправдались. 3 (14) июля 1788 г. турецкий флот потерпел поражение у острова Фидониси, несмотря на численный перевес. 8 июня 1790 г. турки вынуждены были покинуть поле боя в Керченском проливе с большими потерями. В августе того же года в сражении между Гаджибеем (будущая Одесса) и островом Тендра Черноморский флот под командованием Ф. Ф. Ушакова одержал очередную победу. Решающая морская битва состоялась 31 августа 1791 г. у мыса Калиакрия, в которой турецкий флот потерпел сокрушительное поражение. В итоге флот Османской империи был вытеснен из Чёрного моря. Лишённая поддержки с моря сухопутная турецкая армия прекратила боевые действия.

29 декабря 1791 г. в г. Яссы был подписан мирный договор, согласно которому границы России дошли до реки Днестр, Турция окончательно признала вхождение Крыма в состав Российской империи. За российскими судами было подтверждено право свободного прохода через проливы Босфор и Дарданеллы. Всё это время Великобритания вела систематическую работу по освоению османского наследия, известного в исторической науке и дипломатии как «Восточный вопрос». Она заключила с Турцией договор о свободном распространении на турецкой территории своих товаров и таким образом постепенно наращивала свое влияние. Великобритании также удалось использовать в свою пользу антиосманское восстание в Греции.

В XIX в. в Причерноморье переплетались всё сильнее интересы множества стран, в том числе России. В 1831 г. Турция отказалась выплатить вознаграждение Египту за участие в борьбе с греческими повстанцами. В 1831-1832 гг. турки были разбиты египтянами, в сражении у г. Конья в декабре 1832 г. в плен попал визирь. Из других стран помощь султану предложила только Россия. Дипломатические меры не увенчались успехом: египтяне продолжали наступление в направлении Стамбула. Лишь когда Турция попросила Россию об отправке к Константинополю эскадры кораблей и воинского контингента, они прекратили военные действия. В феврале 1833 г. русская эскадра и войска прибыли в пролив Босфор [15, с. 608].

Сразу после этого Великобритания стала добиваться соглашения между египтянами и турками, при этом потребовав удаления русских вооружённых сил из проливов. В мае 1833 г. под давлением Великобритании и Франции соглашение между противниками было подписано. Но за два дня до вывода русской эскадры и войск из Босфора был заключён русско-турецкий договор сроком на 8 лет. В соответствии с ним Россия выставляла необходимые для защиты Турции воинские контингенты, а турки обязались предоставить российским военным кораблям свободный проход через Черноморские проливы и закрывать проход военным судам нечерноморских держав [15, с. 609].

Позже, в связи с событиями второй турецко-египетской войны 1839 года, вновь проявили бурную дипломатическую активность западные страны. Великобритания привлекла Австрию и Пруссию к подписанию с Турцией конвенции об оказании помощи (15 июня 1840 г.). В случае нападения Египта на Турцию союзники обязались защищать Константинополь и проливы. Проход по ним военных судов других держав запрещался. Египетский паша признал себя вассалом султана,

обязался сократить армию, уничтожить верфи и распространить на Египет действие англо-турецкого торгового соглашения.

Результатом всех этих событий стала Лондонская конвенция от 13 июля 1841 г., принятая Великобританией, Россией, Австрией, Пруссией, Францией и Турцией. По её условиям проход через проливы контролировался коллективно европейскими державами. Тем самым Великобритания добилась нейтрализации России и Франции на Ближнем Востоке, превратила Турцию в свой сырьевой придаток и смогла получить доступ к её рынкам на льготных условиях. Подобных привилегий вскоре стали добиваться и другие европейские государства [15, с. 611].

В начале 1850-х гг. обострилось соперничество католической и православной церквей, претендовавших на христианские святыни в Палестине. Николай I потребовал поставить всех православных подданных Турции под российское покровительство, но его предложение было отклонено [15, с. 626]. К 1853 г. конфликт между сторонами перерос в вопрос территориальной целостности Османской империи [1, с. 200]. Русские войска в июле 1853 г. заняли Молдавию и Валахию. Эти действия носили характер демонстрации силы, но британская дипломатия использовала их для объединения усилий Великобритании и Франции для защиты Турции. Англо-французский флот вошёл в Мраморное море.

В сентябре 1853 г. по согласованию с англичанами Турция потребовала у России вывести войска из дунайских княжеств. Получив отказ, она двинула свои войска на дунайском и кавказском направлениях. Вскоре турки были оттеснены на Дунае и, несмотря на большой численный перевес, разбиты в Закавказье. В Синопской бухте эскадра адмирала Нахимова разбила турецкий флот. Тем временем англичане начали переговоры с европейскими странами о создании антироссийского союза. В марте 1854 г. Великобритания и Франция объявили России войну.

Попытки англичан и французов высадить десанты в Петропавловске-Камчатском и на Кольском полуострове были пресечены, турецкая армия разгромлена в Закавказье, на Дунае русские войска перешли в наступление и осадили крепость Силистру. Однако согласованность действий союзников изменила, в конечном итоге, расстановку сил. Русский флот был заперт союзниками в Кронштадте, Свеаборге и Севастополе. Дунайские княжества заняла австрийская армия. В сентябре 1854 г. войска союзников высадились в Крыму и подступили к Севастополю. Осада города длилась 349 дней и подняла славу героического город на уровень геополитики. К концу 1855 года стало ясно, что продолжение боевых действий не принесёт выгод ни одной из сторон.

Крымская война завершилась в марте 1856 г. подписанием Парижского трактата, основанного на предложениях Франции. Россия возвращала Турции г. Карс; союзники, в свою очередь, вернули России Севастополь и другие занятые ими города. Россия отказалась от покровительства православным, проживающим в Турции, однако сохранила своё присутствие на Святой земле. Молдавия и Валахия остались под протекторатом Турции и европейских держав. Россия теряла полный контроль над устьем Дуная, ей и Турции запрещалось иметь на Чёрном море военные базы и флоты. Парижским договором подтверждался особый режим проливов и гарантировались «независимость и целостность» Османской империи.

В октябре 1870 г. канцлер Российской империи А. М. Горчаков специальным циркуляром известил Англию, Францию, Австро-Венгрию, Италию и Турцию о том, что Россия более не считает себя связанной условиями Парижского трактата [3, с. 120]. По итогам конференции, проведённой в Лондоне, 1 (13) марта 1871 г. была подписана конвенция, которая подтвердила закрытие проливов для иностранных военных судов и отменила решения Парижского трактата 1856 г.

Восстановление военного флота в Чёрном море вызвало изменения и в жизни его главной базы – Севастополя. В июне 1873 г. город и его ближайшая округа были преобразованы в особое градоначальство. Возобновилась постройка военных судов, открылись артиллерийская и оптическая мастерские. К Севастополю была подведена железная дорога «Москва-Лозовая» [17, с. 61]. Среди руин древнего Херсонеса, в самой высокой части городища воздвигли собор в честь Святого равноапостольного князя Владимира. В 1905 году был открыт Памятник затопленным кораблям, ставший эмблемой города.

В XX в. Севастополь перенёс все испытания, которые обрушились на Россию – три революции, гражданскую и Великую Отечественную войны. Поднимались над ним флаги Германской империи, оккупировали войска Антанты, пытавшейся осуществить давнюю европейскую мечту о присвоении Крыма. Из Севастополя на кораблях Черноморского флота уходили в эмиграцию остатки Вооружённых Сил Юга России, потерпевших поражение в борьбе с Красной Армией. Вместе с ними

покидали Родину десятки тысяч мужчин, женщин, детей, рассеявшихся по всему миру. 70 лет жители Севастополя вместе со всем советским народом участвовали в эксперименте по построению социалистического общества. В их жизнь входили новые смыслы и ценности. Возродилась былая мощь Черноморского флота. Одновременно с социалистическим строительством шла борьба с «пережитками прошлого» и их материальными символами. Были переименованы практически все улицы и площади, названные именами защитников Севастополя.

Особое значение в истории города приобрела его оборона во время Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). Для севастопольцев и моряков Черноморского флота она началась 22 июня 1941 г., в 3 часа 15 минут. В это время немецкая авиация провела первую бомбардировку города. Через три месяца, когда немцы прорвались в Крым и взяли под свой контроль полуостров, началась Вторая оборона Севастополя. Она длилась 250 дней. За это время город был практически полностью разрушен: в 1944 г. из тысячи зданий государственного жилого фонда уцелело около 10-12, из 5000 домов частного сектора – не более 300. Была разрушена инфраструктура города. По состоянию на 20 мая 1944 г. в нём проживало менее 11 тысяч жителей, вместо довоенных порядка 100 тысяч.

После Великой Отечественной войны произошли два политико-административных изменения, оказавшие значительное влияние на дальнейшую судьбу полуострова. Законом от 25 июня 1946 г. Крым был лишён статуса автономной республики, существовавшего с 1921 г. и переведён на положение области. Через 8 лет, в 1954 г., Крымская область была передана Украинской ССР. При этом высшее руководство страны не только не интересовалось мнением населения, но даже не соблюдало юридические процедуры, предписанные Конституциями СССР и РСФСР.

В условиях Советского Союза вопрос об административной принадлежности Крыма и Севастополя не имел того значения, какое приобрёл позже. Так, в Конституции УССР 1978 г. указывалось, что Севастополь является, наряду с Киевом, городом республиканского подчинения УССР. В принятой в том же году Конституции РСФСР в числе городов республиканского подчинения РСФСР назывались только Москва и Ленинград. К концу 1980-х годов в Советском Союзе нарастали центробежные силы, расшатывавшие единство государства. В связи с этим перед жителями Севастополя явственно вырисовывалась перспектива оказаться в составе не России, а независимого государства Украина.

На референдуме 20 января 1991 г. 97 % голосовавших высказались за статус Севастополя как «главной базы Черноморского флота, города союзно-республиканского подчинения». Однако серьёзных результатов этот референдум не получил. Украина в период раздела советского пространства за короткое время переподчинила себе Киевский, Одесский и Прикарпатский военные округа. Командующие, не приветствовавшие происходящие изменения, были отстранены от своих должностей. Их сменили генералы, назначенные новыми властями. 6 декабря 1991 г. Верховной Радой был утверждён текст присяги Украине: все, кто желал продолжать военную службу, должны были подписаться под ней, однако с Черноморским флотом всё прошло отнюдь не так гладко, как видело украинское руководство.

Президент Украины Л. М. Кравчук потребовал, чтобы Черноморский флот уже 3 января 1992 г. присягнул на верность народу Украины. Вместо этого адмирал И. В. Касатонов 4 января объявил, что флот по-прежнему подчиняется маршалу авиации Е. И. Шапошникову, на которого решением глав государств СНГ было возложено командование Вооружёнными Силами СССР «до их реформирования», и Главнокомандующему ВМФ СССР адмиралу В. Н. Чернавину. Важную роль в этих событиях сыграло единодушие по отношению к происходящему как у военного руководства, так и у офицерского и рядового составов.

Борьба за флот перешла на межгосударственный уровень. 6 февраля 1992 г. Верховный Совет России принял постановление о необходимости сохранения единого флота на Чёрном море; Л. М. Кравчук ответил указом о юрисдикции Украины над Черноморским флотом. Со стороны Б. Н. Ельцина последовал закон о статусе российского Черноморского флота. Работа проводилась и на низовых уровнях: активизировалась работа по склонению офицеров, мичманов, старшин и матросов к принятию присяги на верность народу Украины.

2 декабря 1992 г. юридический отдел Верховного Совета РСФСР дал заключение, согласно которому указ Президиума Верховного Совета РСФСР «О выделении города Севастополя в самостоятельный административно-хозяйственный центр» от 29 октября 1948 г. не был ни изменён, ни отменён. Через пять дней VII Съезд народных депутатов РФ поручил Верховному Совету Российской Федерации рассмотреть вопрос о статусе города Севастополя. Выполняя это поручение, Верховный

Совет Российской Федерации 9 июля 1993 г. рассмотрел его, и, большинством в 166 голосов за, при одном воздержавшемся и отсутствии голосов против, «подтвердил российский федеральный статус города в границах городского округа на декабрь 1991 года» и поручил разработать соответствующие поправки в действовавшую на тот момент конституцию РСФСР 1978 г.

Решения Верховного Совета Российской Федерации по статусу города вызвали не только крайне негативную реакцию руководства Украины, но и критику со стороны высших должных лиц российской исполнительной власти. Борис Ельцин сказал, что ему «стыдно за это решение» и надо «постепенно и спокойно решать проблемы Черноморского флота и его города-базы». В Заявлении МИД РФ от 11 июля утверждалось, что решение Верховного Совета «расходится с линией Президента и Правительства Российской Федерации на реализацию интересов России в вопросах Черноморского флота, базирования ВМФ России на территории Украины, в Крыму и Севастополе».

28 мая 1997 г. в Киеве было подписано «Соглашение между Российской Федерацией и Украиной о статусе и условиях пребывания Черноморского флота Российской Федерации на территории Украины». С российской стороны его подписал премьер-министр Д. Черномырдин, с украинской – его коллега П. Лазаренко. 12 июня 1997 г. над российскими кораблями в Севастополе был поднят Андреевский флаг, заменивший флаг ВМФ СССР согласно Указу Президента РФ от 5 июня 1997 г. № 551 «О военно-морской символике Черноморского флота». Это соглашение дало надежду на то, что Севастополь не постигнет судьба Восточной Европы и Прибалтики, где покинутые Советским Союзом военные базы сразу же оказались занятыми США и их союзниками.

Несомненно, присутствие Черноморского флота в Севастополе стало важным фактором бескровного возвращения города и Крыма в лоно исторической Родины в ходе событий 2014 г., вошедших в историю как «Русская весна». Оно же породило интересную особенность постсоветского Севастополя. Город, формально считавшийся территорией Украины, не переставал восприниматься как база российского военно-морского флота и даже «город русской славы». Здесь действовали как украинские, так и российские учреждения; располагались и украинские, и российские военные части. В событиях 2013-2014 гг. решающую роль сыграло то, что симпатии большей части населения тяготели в сторону России.

События, связанные с распадом СССР, повлияли и на религиозную жизнь Крыма и Севастополя. Симферопольская и Крымская епархия, Севастопольское благочиние устояли перед пропагандой и посулами раскольников. В Севастополе Церкви были возвращены храмы, изъятые в советское время, и возводились новые. В Крыму и Севастополе возникли Общества православных педагогов, которые, наряду с другими церковными и общественными структурами, приступили к просветительской деятельности, направленной на противостояние захлестнувшим город адептам различных сект зарубежного происхождения.

С 2005 г. в Севастополе по благословению митрополита Симферопольского и Крымского начал работу созданный на общественных началах Православный народный университет. Цель этого учебного заведения, действующего по сей день, дать необходимые богословские знания каждому желающему, вне зависимости от его возраста и уровня светского образования. В 1998 году началось восстановление Владимирского собора в Херсонесе и уже через три года, 28 июля 2001 г., в присутствии Президента России Владимира Путина и Президента Украины Леонида Кучмы на куполе храма был установлен освящённый крест. 3 апреля 2004 г. был совершён чин освящения восстановленного Свято-Владимирского кафедрального собора в Херсонесе.

Севастополь проявил активность в противостоянии силам, поддерживавшим киевский «Евромайдан», который начался 21 ноября 2013 г. с протестных акций по поводу отказа президента В. Януковича подписывать Соглашение об ассоциации с ЕС. Вскоре этот повод был отодвинут на второй план, и оппозиция открыто перешла к требованиям отставки и перевыборов президента. 19 февраля 2014 г. началось очередное обострение обстановки в Киеве, приведшее к вооружённым столкновениям «евромайдановцев» с сотрудниками правоохранительных органов и многочисленным человеческим жертвам. То, что В. Янукович 21 февраля 2014 г. заключил с оппозицией «Соглашение об урегулировании кризиса», по условиям которого вооружённые сторонники «евромайдана» обязывались сдать оружие в обмен на амнистию, ситуацию не спасло.

В ночь на 22 февраля В. Янукович скрылся. На съезд депутатов, который состоялся 22 февраля в Харькове, он не явился, хотя его присутствие там ожидалось. Как выяснилось позже, в это время он попытался вылететь из Донецка в Россию, но самолёт был задержан. К 23 февраля Януковичу удалось добраться до Ялты. К концу того же дня он был вывезен из Севастополя в Новороссийск. Катер, на

котором президент Украины был эвакуирован, вышел из расположения 810-й бригады морской пехоты ЧФ РФ в районе Казачьей бухты. В последующие дни был организован вывоз имущества В. Януковича из правительственной резиденции на мысе Айя, а сама она была временно открыта для посещения горожанами.

С начала 2014 г. в Севастополе стали создаваться организации для охраны порядка в городе и пресечения провокаций. Ко времени момент февральского обострения в Киеве силы самообороны уже были сформированы в десятки и сотни. Началась запись в народные дружины. 23 февраля 2014 г. на въездах в город со стороны с. Оборонное и с. Верхнесадовое были установлены первые заградительные посты. Их наличие объяснялось в тот момент необходимостью борьбы с участвовавшими угонами автомобилей, однако обращали на себя внимание установленные рядом с этими постами противотанковые «ежи».

26 февраля в городе был создан Севастопольский комитет обороны (СКО), штаб которого располагался на ул. Сергеева-Ценского 3. В этот же день, по решению Координационного совета, были перекрыты блокпостами основные въезды в город. Всего было установлено 7 блокпостов: у с. Гончарное, Орлиное, Терновка, Верхнесадовое, Фронтное, Фруктовое и у ресторана «Шайба». Дороги частично перегораживались бетонными блоками, мешками и металлическими щитами. Находившиеся на блокпостах занимались проверкой проезжающих машин с неместными номерами. Недалеко от штаба СКО организовали пункт сбора помощи для дежуривших ополченцев.

Инцидентов за время существования блокпостов было не много. В ночь с 27 на 28 февраля 2014 г. задержали машину, которая пыталась провезти в Севастополь взрывчатку. 10 марта Координационный совет, опасаясь провокаций во время проведения референдума, постановил перевести блокпосты в усиленный режим работы. 11 марта руководителем Севастопольского городского управления по обеспечению жизнедеятельности города Алексеем Михайловичем Чалым было подписано постановление о задачах сил народной самообороны, означавшее переформирование их в организацию с единым штабом (руководитель — О. Росляков). 23 марта 2014 г., уже после присоединения города к России, постановлением Координационного совета все блокпосты на въездах в город были демонтированы.

Характерной чертой событий февраля-марта 2014 г. стало блокирование воинских частей Украины и стратегически важных объектов города и региона. Севастополь и прилегающая прибрежная зона были территориями, где находилось большое количество украинских военных кораблей, которые в любой момент могли начать военные действия. 28 февраля 2014 г. катером был блокирован выход из Балаклавской бухты, 3-5 марта – севастопольские бухты, где находились украинские корабли «Донбасс», «Шостка», «Славутич», «Тернополь», а также озеро Донузлав близ Евпатории. Последнее осуществлялось сначала ракетным катером, а затем — ракетным крейсером «Москва». 6 марта у входа в озеро был затоплен списанный крейсер «Очаков», позже — несколько других кораблей.

Происходило также блокирование и взятие под контроль отдельных воинских частей, расположенных на территории региона. Первыми действия такого рода произошли в отношении погранзаставы в Балаклаве, въездов на аэропорт «Бельбек», офиса компании «Укртелеком» - одного из важнейших поставщиков услуг Интернет и мобильной связи. По распространившимся в это время сведениям, блокирование погранзаставы осуществлялась 810-й бригадой морской пехоты ЧФ РФ. На протяжении 1-3 марта 2014 г. эта воинская часть переходила из рук в руки, но в итоге была взята под контроль «вежливых людей». Находившиеся в ней пограничники были эвакуированы в Одессу.

Блокирование аэропорта «Бельбек» началось в ночь с 27 на 28 февраля. В операции принимало участие порядка 300 военных; подъезды были перекрыты «ежами». События вокруг аэропорта «Бельбек» и расположенных рядом украинских воинских частей продолжались почти месяц. Полностью взять их под контроль удалось только после официального присоединения Крыма к РФ. 1 – 3 марта 2014 г. были блокированы ряд других военных объектов, находящихся на территории Севастополя – противоракетной части, расположенная на мысе Фиолент; воинских частей в Стрелецкой бухте; - 39-го учебного отряда ВМС ВСУ; командного пункта ПВО в Юхариной балке; - штаба ВМС ВСУ в Севастополе.

Переход под российский контроль большинства этих воинских частей произошёл уже после Общероссийского референдума о статусе полуострова, состоявшегося 16 марта 2014 года. 24 марта на Украине был издан указ о «передислокации» военных из Крыма на материковую часть государства. 28 марта министр обороны РФ С. Шойгу заявил о завершении организованного вывода подразделений, которые решили продолжать службу в вооружённых силах Украины. Таким образом, вывод

украинских войск с территории Крыма и Севастополя занял около 4 дней. Из двадцати с лишним тысяч военнослужащих обратно в Украину вернулось только 6 тысяч.

События февраля-марта 2014 г. не привели к нарушению со стороны России соглашений о базировании Черноморского флота, которые заключались с Украиной в предшествующие годы. Согласно их условиям Россия могла держать в Крыму и Севастополе не более 25 тысяч военнослужащих. Несмотря на то, что отмечалось несколько случаев перевозок техники и людских контингентов с материка, это условие продолжало выполняться. 26 февраля в Казачью бухту вернулась эскадра ЧФ РФ, выполнявшая спецоперацию в районе г. Сочи. На корабле было доставлено около 11 тыс. военнослужащих (бойцов десанта) с вооружением. 1 марта на десантном корабле «Николай Фильченков» прибыло 700 спецназовцев. Ещё одна перевозка была осуществлена 6 марта.

Значимой стороной общественной жизни в тревожные дни февраля-марта 2014 г. стали митинги, собрания, встречи с руководителями города и т.д. Центром её стала площадь Нахимова, в районе которой в далёком 1783 году были возведены первые здания Севастополя. 19 февраля митинг на площади был организован инициативной группой «Защитим Севастополь», в которую входили представители многих общественных организаций: «Союз рабочих Севастополя», общественная организация «За справедливость» и другие. В резолюции этого митинга озвучивалась просьба к руководству ЧФ РФ выделить подразделения морской пехоты для защиты города и установить на въездах блокпосты.

20 февраля на площади Нахимова состоялся митинг, на котором член партии «Русский блок» В. Бебнев заявил о готовности взять под контроль структуры СБУ, МВД и ВСУ в случае краха центральной власти в государстве. Другой выступающий, лидер «Русского блока» Г. Басов, на вопрос, что делать безоружным севастопольцам в случае встречи с вооружёнными боевиками, ответил: «Не переживайте, что нужно, мы найдём». 21 февраля на площади собралось около 200 человек. В этот день было в комендатуру ЧФ РФ передано обращение к ЧФ РФ о мерах к защите Севастополя, а вечером у Вечного огня зажгли свечи в память трёх погибших в Киеве правоохранителей.

22 февраля здесь встречали вернувшихся из Киева «беркутовцев». Правоохранители из Севастополя после крушения центральной власти в Киеве были распущены и прибыли домой. 26 февраля их попытались разоружить в штабе на ул. Щербака, 3. Сделать этого не удалось, а вскоре все «беркутовцы» исчезли из города в неизвестном направлении. 23 февраля на площади Нахимова прошёл многолюдный «митинг Народной воли», с которого ныне многие отсчитывают историю «Крымской весны». Количество участников этого митинга в разных источниках варьировалось между 20-тью и 30-тью тысячами человек.

Знаменательным решением стало избрание Алексея Чалого председателем городского Исполнительного комитета, который должен был обеспечить жизнедеятельность города в сложившихся непростых условиях. Во избежание захвата расположенного рядом здания городской администрации были выставлены охранные посты. Здесь велась запись в дружины добровольцев, проводились встречи с руководством города и представителями из Москвы, прибывшими в последние дни февраля для изучения обстановки в городе.

После 22 февраля, когда в Киеве не осталось законной центральной власти, управление жизнью Севастополя было распределено между Севастопольской городской государственной администрацией и Севастопольским городским советом. 23 февраля, одновременно с решением, принятым горожанами на «митинге Народной воли», государственная администрация опубликовала на своём сайте официальное обращение с признанием майданной Верховной Рады. На следующий день её председатель В. Яцуба заявил о сложении полномочий и выходе из Партии Регионов. Его место было занято первым заместителем Ф. Рубановым. Но уже вечером 24 февраля числа А. Чалым было организовано Управление по обеспечению жизнедеятельности города и Координационный совет при этом управлении. 2 марта Севастопольский горсовет передал свои полномочия Координационному совету, который до официального перехода в состав Российской Федерации оставался высшим органом власти в городе.

Координационный совет большое внимание уделял регулированию деятельности организаций самообороны и созданию системы управления жизнью города в сложившихся условиях. 26 февраля было учреждено специальное муниципальное учреждение милиции «Беркут», 1 марта создана Городская Служба Безопасности, 3 марта — городская прокуратура и морской торговый порт. В этот же день была прекращена запись в народное ополчение. 4 марта был выбран новый глава Севастопольской городской государственной администрации - Дмитрий Белик, 7 марта принято

постановление о воинском учёте в Севастополе, 11 марта - постановление «О задачах, возложенных на силы народной самообороны города Севастополя», 14 марта - постановление о гарантиях прав граждан на социальное обеспечение.

Севастопольский городской совет проводил важнейшие постановления, обеспечивавшие юридическую законность перехода Севастополя из одного государства в другое. 1 марта он проголосовал за решение об участии Севастополя в референдуме по вопросу статуса крымской автономии, который планировалось провести 30 марта. На следующий день было принято решение о неподчинении городских властей Киеву и о передаче исполнительной власти в городе Координационному совету.

6 марта горсоветом было принято решение о проведении в Севастополе 16 марта референдума по вопросу присоединения к России. Бюллетень референдума включал в себя два альтернативных вопроса: о присоединении Крыма к РФ или возвращении Конституции 1992 г., согласно которой Крым и Севастополь взаимодействовали с центральными властями Украины посредством соглашений. Последний вариант предполагал сохранение за Крымом и Севастополем статуса части Украины.

Времени на подготовку оставалось лишь 10 дней. При этом база данных избирателей Севастополя была заблокирована Центральным избирательным комитетом Украины. Тем не менее, проведение референдума было образцовым. За присоединение к России в этот день отдали свои голоса 95,6% севастопольских избирателей, явившихся на избирательные участки. 17 марта горсоветом было принято решение об особом статусе Севастополя в составе Автономной Республики Крым. В этом же документе оговаривалась деятельность управляющих организаций города на переходный период.

Завершением перехода Крыма и Севастополя стал договор между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов, заключённый 18 марта. 20 марта он был ратифицирован Государственной Думой, а 21 марта — Советом Федерации Федерального собрания РФ. В этот же день был подписан конституционный закон №6 о вступлении Крыма в состав РФ и образовании новых субъектов федерации — Республики Крым и города федерального значения Севастополь. Одновременно был создан Крымский федеральный округ с центром в Симферополе.

Возвращение Крыма в лоно России, всенародный подъём в связи с этим событием, продемонстрировали устойчивость в «культурной памяти» народа представления об особом сакральном значении полуострова, о Херсонесе - Севастополе как месте, с которого началось просвещение и объединение людей в едином духовном и культурном пространстве Руси. Посетив Севастополь в августе 2017 г., Президент России В. В. Путин на встрече с сотрудниками музея-заповедника «Херсонес Таврический» ещё раз подтвердил это. Отметив факт крещения здесь князя Владимира, он подчеркнул, что «после этого началось укрепление централизованного российского государства», что место «где мы сейчас находимся, имеет уникальное значение для нашего государства, нашего народа и для нашей государственности».

Список литературы

1. Анисимов, О. В. Франко-русский конфликт вокруг Святых мест в Палестине: периодизация и её значение / О. В. Анисимов // Труды кафедры Новой и Новейшей истории. — СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2010. — №4. — с. 194-201.
2. Бойцова, Е. Е. Между крестом и полумесяцем / Е. Е. Бойцова, В. В. Хапаев // История Крыма. — М.: ОЛМА Медиа групп, 2015. — С. 70-112.
3. Виноградов, В. Н. Британский лев на Босфоре / В. Н. Виноградов. — М.: Наука, 1991. — 160 с.
4. Герцен, А. Г. Княжество Феодоро: «от альфы до омеги» // Материалы по истории, археологии и этнографии Крыма. — Симферополь: Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, 2017. — №22. — С. 348-368.
5. Дельнов, А. Крым. Большой исторический путеводитель / А. Дельнов. — 2-е изд., исправ. и доп. — М.: Э, 2016. — 656 с.
6. Зубарь, В. М. Херсонес Таврический и распространение христианства на Руси / В. М. Зубарь, Ю. В. Павленко. — К.: Наукова думка, 1995. — 208 с.
7. Зубарь, В. М. Херсонес Таврический. Основные этапы развития в античную эпоху / В. М. Зубарь. — К.: Наукова думка, 1997. — 129 с.

8. Масыкин, В. В. Сарматы / В. В. Масыкин // От киммерийцев до крымчаков (народы Крыма с древнейших времён до конца XVIII в.). — 4-е изд., стереотипное. — Симферополь: Доля, 2007. — С. 36-44.
9. Масыкин, В. В. Скифы / В. В. Масыкин // От киммерийцев до крымчаков (народы Крыма с древнейших времён до конца XVIII в.). — 4-е изд., стереотипное. — Симферополь: Доля, 2007. — С. 25-35.
8. Мыц, В. Л. Каффа и Феодоро. Контакты и конфликты / В. Л. Мыц. — Симферополь: Универсум, 2009. — 528 с.
10. Почекаев, Р. Ю. Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды / Р. Ю. Почекаев. — 2-е изд., исправ. и доп. — СПб.: Евразия, 2012. — 464 с.
11. Рожкова, Ю. П. Новые данные о находках орудий древнего человека в юго-западном Крыму / Ю. П. Рожкова, А. Д. Шекина, В. Н. Комаров // Известия высших учебных заведений. Геология и разведка. — 2010. — №6. — М.: Российский государственный геологоразведочный университет им. С. Орджоникидзе. — С. 68-71.
12. Самигуллин, В. К. Крым: историко-правовой аспект / В. Самигуллин // Проблемы востоковедения. — Уфа: Академия республики Башкортостан, 2014. — №3(65). — С. 13-19.
13. Спивак, И. А. На эллинско-варварском пограничье / И. А. Спивак // История Крыма. — М.: ОЛМА Медиа групп, 2015. — С. 10-35.
14. Фадеева, Т. М. Княжество Феодоро и его князья. Крымско-готский сборник / Т. М. Фадеева. — Симферополь: Бизнес-информ, 2005. — 280 с.
15. Финкель, К. История Османской империи. Видение Османа / К. Финкель. — М.: АСТ, 2010. — 829,[3] с.
16. Хапаев, В. В. Северный форпост Византийской империи / В. В. Хапаев // История Крыма. — М.: ОЛМА Медиа групп, 2015. — С. 36-69.
17. Широкоград, А. Б. Битва за Крым. От противостояния до возвращения в Россию / А. Б. Широкоград. — М.: Вече, 2014. — 352 с.

Статья поступила в редакцию 23.10.2018

Kabachenko, A. P., Kovalenko, V. V., Chikharev, I. A. Matrosov, M. A. *The Regional Development of Crimea and Sevastopol from Ancient Times to the Present Day*

The article traces the history of Crimea and Sevastopol from ancient times to the present day, from the appearance of the first civilizations on the Crimean Peninsula in the era of the great Greek colonization and to the events of the Russian spring of 2014. The great attention is paid to the specifics of the Crimean Peninsula due to its division into subregions each of which took its own unique historical path within the framework of the internal integral all-Crimean and Sevastopol historical development.

Keywords: history, the Black Sea region, the Black Sea, international relations, interethnic conflicts, interstate conflicts

УДК 327(470+571)(262.1/.5-194)''14/17''

В статье рассматривается динамика и детерминанты развития внешней политики Российского государства в макрорегионе Большое Средиземноморье. Анализируется влияние экономических и политических интересов государств макрорегиона на изменение доминирующих векторов внешнеполитической активности России в макрорегионе. Констатируется, что в течении XV-XVIII веков в Большом Средиземноморье формировалась современная историко-геополитическая конфигурация мира, были заложены основы проецирующихся на современность международных противоречий.

Ключевые слова: Большое Средиземноморье, Россия, Османская империя, Крым, Закавказье, внешняя политика, международные отношения

Д. В. Маковская, канд. полит. наук
Севастопольский государственный университет
E-mail: DVMakovskaya@sevsu.ru

И. А. Чихарев, доцент, канд. полит. наук,
Директор института общественных наук и международных отношений
Севастопольский государственный университет
E-mail: ichikharev@yandex.ru

КРЫМ И РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО В БОЛЬШОМ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ В НАЧАЛЕ XV – КОНЦЕ XVIII ВЕКА

Говоря об особенностях месторазвития Крыма в пространстве Большого Средиземноморья в начале XV века, когда стали формироваться очертания современных историко-геополитических конфигураций, необходимо обратиться к пространственным параметрам этого макрорегиона. Автор концепции Большого Средиземноморья, Фернан Бродель говорил о его «расширительном понимании», настаивал на невозможности только географического и ограниченности какого-либо «пространственно-динамического» понимания Большого Средиземноморья.

По его мнению, «сосредоточивая в своих руках торговые пути, накапливая, возвращая, а иногда безвозвратно теряя богатства, Средиземноморье поддается измерению только на направлениях своей экспансии» [3, с. 239], которое в рассуждениях Фернана Броделя рассматривается в неразрывной связи экономики с географией. Центром расширительного понимания Большого Средиземноморья, его «резонатором» в терминологии Броделя, выступает непосредственно средиземноморский бассейн, а основным универсальным пространством, объединяющим все области Большого Средиземноморья как «экономического мира» является море, обеспечивающее торговлю и водные коммуникации, позволяющее цивилизационно разным странам и народам встречаться в пространстве единого макрорегиона.

В рамках данного понимания очевидно, что Крым являлся своеобразной проекцией Большого Средиземноморского пространства, отражая его цивилизационное разнообразие, являясь мостом между Европой и Азией, сосредоточением разнообразия разных культур, экономик, традиций, мировоззрений.

К началу XV века Крым развивался под влиянием западноевропейской культуры, исламской и православной традиции, сформировавшими его уникальные характеристики. Народы и государства, размещавшиеся на территории полуострова, в большей или меньшей степени реагировали на все процессы, происходящие в Большом Средиземноморье.

Кроме того, к началу XV века Крым являлся одним из ключевых центров диагонального торгового пути, соединяющего западное Средиземноморье со странами Востока – Индией и Китаем.

Этот торговый путь проходил через колонии Генуи, ставшей после победы над Венецией монопольной хозяйкой морских торговых путей, проходящих вдоль побережья Крыма, обеспечивающих транзитную торговлю через Крымский полуостров. Монопольные права на торговлю генуэзцев сначала легитимировала Византийская империя, а затем Золота Орда, которой необходимы были торговые посредники для работорговли. Морские пути соединяли Крымский полуостров с Италией, Ближним Востоком, Сирией и Египтом, с Дальним Востоком, Индией, Китаем, Константинополем, Персией. Торговые пути Крыма в XV веке соединяли Константинополь и Иран. Через Крым проходили многие сухопутные караванные пути из Европы, Московского государства и Приуралья [1, с. 43]. Значительную роль в посреднической торговле играл Трапезунд, став центром международной торговли Малой Азии, Закавказья и Передней Азии [8, с. 203].

После распада Золотой Орды на отдельные ханства в результате походов среднеазиатского эмира Тамерлана, в Крыму сформировалось Крымское ханство, управляемое династией Гиреев. Власть основателя династии чингизида Хаджи-Девлет Гирея, который в 1443 году был провозглашен крымским ханом, признали генуэзцы. Территориально Крымское ханство охватывало Крым, Северное Причерноморье и Таманский полуостров.

В декабре 1475 года Крымское ханство превратилось в вассала Османской империи. Территория княжества Феодоро и южный берег Крыма от Кефе до руин Херсонеса стал «султанским санджаком» [1, с. 49]. Крымское ханство пользовалось правами внутривосточной автономии и правом дипломатических отношений с иностранными государствами.

Османская экспансия затронула не только Крым, коренным образом преобразовав политический и экономический ландшафт Большого Средиземноморья. После захвата Константинополя в 1453 году вследствие дальнейшей экспансии османов, Черное море фактически стало «Османским озером». Османы установили жесткий контроль над проливами, значительно сократили вход иностранных судов в Черное море, почти прекратили коммерческую деятельность иностранцев в этом районе.

Полностью контролируя восточную и центральную часть Большого Средиземноморья, Османская империя стала одним из крупнейших государств мира и фактически подчинила всю торговлю в Черном море, ставшую ведущей отраслью османской экономики. Подданные Османской империи полностью владели торговлей в Черноморском бассейне, тем более после полного вытеснения представителей итальянских городов-государств и получения контроля над проходом через проливы. Иностранное купечество утратило данный регион для своей коммерческой активности. Освободившуюся нишу в торговле заняли местные купцы, в том числе и трапезундские, деятельность которых была в первую очередь подчинена удовлетворению потребностей Османской империи, в том числе обеспечению продовольствием и товарами столицы османского государства [6].

Таким образом, во второй половине XV века резко меняется характер средиземноморской торговли, которая переживала острый кризис. Наличие множества посредников, удорожавшее стоимость товаров, османское завоевание Ближнего Востока, уменьшило объем левантийских товаров и ограничило торговлю с Востоком, что порождало необходимость установления прямых связей со странами-производителями.

После Османских завоеваний в Большом Средиземноморье в поисках альтернативного пути в Индию в наибольшей степени были заинтересованы не итальянские торговцы, которые продолжали получать достаточно большие прибыли от торговли в данном регионе как монополисты, а купцы и феодалы государств стран Западной Европы, прилегающих к Атлантическому океану. Этими странами в первую очередь были Испания и Португалия. Испанцы контролировали важнейшие опорные точки торговли западного Средиземноморья, где могли соперничать с Генуей. Португальцы соперничали с Италией на морских коммуникациях в Атлантике, проходившим к побережью Британских островов, а также осуществляли морскую экспансию к побережью Западной Африки, на Канарские острова, острова Зеленого Мыса.

Контроль над торговлей по Средиземноморью был установлен итальянскими городами-республиками еще ранее. Торговые пути в Северном и Балтийском морях полностью контролировались союзом немецких городов. Соответственно, вектор экспансии Португалии и Испании мог быть направлен только в сторону Атлантического океана. Кроме того, активность европейцев, стремившихся установить прямые связи с Западным Суданом, поставщиком рабов, золота и слоновой кости, нацеливалась на освоение западноафриканского побережья, доступ к которому ограничивали принявшие ислам государства Северной Африки и пустыня Сахара. В период после открытия морского пути в Индию и вплоть до открытия Суэцкого канала, основная торговля государств Европы с Китаем и странами бассейна Индийского океана проходила не через Средиземное

море, а через Атлантический океан, мимо мыса Доброй Надежды. Испания и Португалия, расширяя сферы своего влияния, трансформировались в огромные колониальные империи, соперничавшие друг с другом.

Изменения конфигураций морских сообщений проецировались на складывающуюся систему международных отношений в регионе, равно как процессы в международных отношениях отражались на расстановке сил в макрорегионе. В частности, борьба между Французским королем и папским престолом за господство в Европе способствовали сближению Франции с османами и французам были предоставлены широкие льготы в средиземноморской торговле, откуда впоследствии их пыталась оттеснить Англия, используя для этого русско-турецкие конфликты.

Борьба за византийское наследие и внешняя политика Российского государства

Процессы, происходившие в Большом Средиземноморье, не могли не затронуть Московское государство, которое к XV веку утратило прямые выходы к южным морям, но было тесно связано с регионом через торговые, религиозные и династические связи. Серьезное негативное влияние на процессы государственного строительства русских земель оказало монгольское вторжение. К XV веку русские земли подошли в состоянии политической и территориальной дезинтеграции, утратив сложившиеся в XI-XII веках геополитические ориентиры. На псковские, новгородские и тверские земли огромное давление оказывало Великое княжество Литовское. Более того, даже добиваясь права на объединение русских земель, Московское княжество оставалось вассалом Золотой Орды, которая в декабре 1408 года уничтожила его основные города.

Утратив практически все международные связи, к XV веку Москва стала предметом пристального внимания со стороны европейских государств. Геополитические последствия заключения унии Восточной и Западной христианских церквей во Флоренции в 1439 г., завоевание турками Константинополя в 1453 году, универсалистские устремления папства, которое стремилось оформить свое церковно-политическое доминирование в Европе, необходимость реализации идеи антиосманской коалиции, сделало Московское государство одним из наиболее желанных союзников для европейских государств.

Попытки вовлечь Москву в борьбу с османами и Русскую православную церковь в унию прослеживались уже в 1432 г., когда константинопольский патриарх не принял избрание митрополитом Русской православной церкви епископа Рязанского Ионы и попытался навязать русской церкви митрополита Исидора, принявшего условия Флорентийской унии 1439 года. Уния предполагала признание восточной церковью канонической власти Католического Рима, признание религиозных догматов католичества, сохранение обрядов и литургических языков восточной церкви. Папа Евгений IV даровал Исидору сан кардинала-пресвитера и признание главой христианской церкви Польши, Ливонии, Литвы и России. Но в Москве уния вызвала категорическое неприятие, и митрополит Исидор был взят под стражу. Собор русских иерархов осудил латинскую ересь византийского богослова и заявил о его низложении.

В итоге в 1464 году иерусалимский патриарх благословил автокефалию Русской церкви, которую возглавлял митрополит Феодосий. Произошла фактическая национализация Русской православной церкви, которая значительно сузила ее паству и территориальное распространение. Но при этом, Москва приобрела статус мирового православного центра, возрос авторитет московского самодержавия, Москва стала признанным центром объединения русских княжеств, и после завоевания турками Константинополя, осталась единственным политически независимым православным государством. Тем более что к этому времени константинопольский патриарх избирался правителями Османской империи, являлся подданным османов.

Но с нарастанием захватнической активности османов, Москва интересовала европейцев не как религиозный центр, а как потенциальный участник антиосманской коалиции.

После провала попыток втягивания Русской церкви в унию, «Святой престол» для вовлечения Московского государства в свою сферу влияния, заключения унии и формирования антиосманской коалиции начал в 1469 году переговоры о браке Ивана III с дочерью «деспота аморейского» Софьей Палеолог.

В 1473 г. брак состоялся, но не оправдал надежд, возлагаемых на него папским двором. Через брак с Софьей Иван III установил родственную связь с Византией и «приобрел формальные и положительно юридические права на то, чтобы считаться преемником императоров византийских...». У Византии был позаимствован герб Восточной Римской империи, который до сих пор остается символом российского государства.

После стояния на Угре и избавления от татаро-монгольского ига в 1493 году, Иван III полноправно принимает титул самодержца и в международной документации называется «Божьей милостью царь всея Руси» или «государь великий, царь всея Руси», хотя обладает пока титулом князя. Именно так Иван III именовался в грамотах немецкого императора уже в 1489 году. При этом европейские императоры пытались выстроить отношения патроната с московским князем, предлагая ему короноваться [4, с. 61].

Примечательно, что на статус Третьего Рима претендовала не только Москва. Завоевавший Константинополь султан Османской империи заявлял, что Первый Рим был языческий, Второй Рим – христианский, а Третий Рим – мусульманский, провозгласил себя римским цезарем и предъявил претензии на родство с византийской династией Комнинов через свою супругу-гречанку. Апеллируя к династическому родству с домами Комнинов и Палеологов, на византийское наследие претендовали владетели княжества Феодоро, которые даже использовали соответствующую геральдическую символику, а князь Олубей именовал себя василевсом.

Права на византийское наследие предъявлял господарь Молдавский, воевода Стефан III Великий, упорно сопротивлявшийся турецкой экспансии. Эти права давал ему брак на феодоритке Марии, княжне Мангупской, состоявшей в родстве с Палеологами и Трапезундскими Комнинами. По мнению историков, Стефан Великий мог претендовать на византийский трон в случае, если бы смог изгнать османов из Европы, чему не суждено было сбыться.

Тем не менее, достаточной политической волей и государственной мудростью, для того, чтобы принять на себя византийское наследие и в дальнейшем выступать в качестве оплота православия, обладало только набирающее силу Московское государство, которое в начале XV века стало центром объединения русских земель с ярко выраженной имперской направленностью. Развитие идеи «Москва-Третий Рим» получила свое духовно-философское обоснование в трудах игумена псковского Спасо-Елеазаровского Великопустынского монастыря старца Филофея.

Преимственность византийской традиции проявлялась в изменении статуса главы Российского государства. Если Иван III официально обладал княжеским титулом, то уже его потомок Иван IV Грозный уже венчался на царство, получив царский титул. Первым российским императором стал Петр I, которому Сенат в честь окончания Северной войны преподнес титул «Император Всероссийский», уравнив Российскую империю в статусе с ведущими мировыми державами. Но наиболее очевидно, в геополитическом преломлении, реализация концепции «Москва - Третий Рим» проявилась в защите христианских славянских народов, чьи земли были аннексированы Османской империей.

В рамках называемого «балканского вопроса», в XVIII веке Россия оказывала существенное влияние на появление на территории Турции независимых национальных государств. По мере укрепления позиций России на международной арене балканские народы стремились установить с ней связи, попасть в орбиту влияния Российского государства, надеясь на помощь единоверцев в освобождении от османского ига.

Начиная с правления Петра I на территорию Российского государства переселялось значительное количество сербов, которым предоставлялись удобные земли для проживания, были созданы сербские поселения, сербские воинские формирования. Позже идея освобождения славянских народов стала идеологической составляющей внешней политики Российской империи.

Большое Средиземноморье во внешней политике Российского государства

Взаимодействие Московского государства с пространством Большого Средиземноморья в этот период формирует основу так называемого восточного вопроса, который до сих пор останется одним из важнейших геополитических направлений деятельности российского государства. В период правления Ивана III он складывался во взаимоотношениях с Османской империей, Крымом, Казанью, ногайской ордой, которые препятствовали осуществлению естественной геополитической задачи Российского государства – созданию связанных речной и морской гидрографических систем. Отсутствие выходов к Балтийскому и Черному морям делало эту систему только речной, что лишало государства преимущества использования морских пространств как средства коммуникации.

Как уже говорилось, Московское государство было отрезано от выходов к южным морям, к макрорегиону Большого Средиземноморья, которое восполнялось активными торговыми и посредническими взаимодействиями с Крымом и с Османской империей.

В 1492 году Порты отправила в Москву посольство, а в 1497—1499 годах Стамбул впервые посетили русские послы. Дипломатические отношения между государствами были взаимовыгодными. Султан пытался не допустить Ивана III к участию в антиосманской коалиции. Иван III, со своей

стороны, был заинтересован в союзнических отношениях с Османской империей и ее вассалом Крымским ханством, чтобы использовать в своих целях вражду крымского хана с Золотой Ордой, Польшей и Литвой. Например, Иван III использовал крымских татар для набегов на киевские и подольские земли, постепенно готовясь к войне с Казанью, куда после ее взятия в 1487 году был посажен московский ставленник царь Эмин.

Оба государства были заинтересованы в развитии торговых отношений. Русские купцы активно действовали на территории империи, существовали династии купцов, которые торговали с Крымом и Малой Азией. Поэтому все попытки включить Ивана III в союз европейских правителей против мусульманской Порты, которые предпринимались как папским престолом, так и Священной Римской империей Германской нации, оканчивались только заверениями московского князя о его необходимости.

Взаимоотношения с Крымом, где с середины 70-х годов XV ст. правила династия Гиреев, стали одним из основных векторов внешней политики Российского государства. В Крым регулярно с 1482 года направлялись посольства, которые ставили вопрос о союзах против литовского князя и польского короля, поднимали вопрос о взаимоотношениях с царем Ахматом. Через Крым велась активная торговля, в которой в первую очередь была заинтересована Москва, проходили пути дипломатических сообщений.

Окончание княжения Ивана III фактически совпадает с обострением отношений с Крымским ханством, где дружественного российскому государству Менгли-Гирея сменяет Муххамед-Гирей, организатор активизировавшихся с 20-х годов XVI века набегов на южные границы Российского государства. К набегам активно подключается Казань, находящаяся в союзнических отношениях с Крымом, и они к 30-м года XVI века становятся основными врагами Москвы. Периодическое улучшение отношений в итоге приводит к длительному периоду конфронтации с Крымом, начавшемуся в 1545 году, и совпавшее с началом борьбы за присоединение к Российскому государству Среднего Поволжья [4, с.91].

Это становится основной задачей Российского государства в период правления Василия III и Ивана IV, которая осуществляется путем сохранения на казанском престоле своего ставленника или новых военных походов. Кроме того, Москва была заинтересована в союзнических отношениях с ногайской ордой, что давало возможность торговли с Востоком через Астрахань.

В 1552 году войска Ивана IV взяли Казань, в 1556 году - Астрахань. Эти победы обозначили новую задачу для внешней политики Московского государства на южном направлении – признание необратимости присоединения Среднего, а впоследствии Нижнего Поволжья к Российскому государству, что подразумевало осложнение отношений с Ногайской ордой, Крымским ханством и с Османской империей, ставившей своей задачей защиту «мусульманских юртов» в Восточной Европе. Наиболее болезненными были отношения с Крымом, сохранявшим практику постоянных набегов на южные границы Российского государства, и пытавшимся захватить Москву в 1540 и 1571 - 1572 годах.

Во взаимодействиях с Османской Портой Российскому государству удавалось сохранить спокойные отношения, за исключением похода на Астрахань 1569 года, до 70-годов XVII века. Расширяя свои границы, Россия постепенно приближалась к побережью Черного моря, к территориям, контролируемым Портой, успешно боролась против набегов кочевников.

В середине XVII века одним из наиболее актуальных для Московского государства был вопрос взаимоотношений с Украиной, которая вела войну с Речью Посполитой и находилась на грани разгрома. Гетман Богдан Хмельницкий неоднократно обращался к Алексею Михайловичу с просьбой принять Украину в российское подданство.

Борьба за Украину, а затем за Белоруссию продолжалась на протяжении всей второй половины XVII века, в которой основными противниками Москвы сначала была Речь Посполитая, с 1677 по 1700 год - Турция и Крым. Переяславский договор, предусматривавший вхождение Гетманщины в состав Московского государства на правах широкой автономии, существенно повлиял на развитие геополитических процессов и расстановку сил в Европе, где существенно усилились позиции Москвы, продолжилось ее расширение на запад и Юг. Кроме того, значительно возрос вес Московского государства среди славянских народов Балкан и уже в XVII веке были озвучены первые проекты их освобождения из-под гнета османов. 1667 году было заключено Андрусовское перемирие, в 1686 году – Вечный мир, по условиям которого России возвращались земли, захваченные в начале века Речью Посполитой.

Решение проблем, стоящих перед Российским государством, происходили в контексте ее взаимоотношений с европейскими государствами. Действуя ситуационно, российские дипломаты

вступали в союзы с Речью Посполитой, Австрией, Швецией в борьбе против Крыма и Турции, и в союз со Швецией и Турцией в борьбе против Речи Посполитой.

Неудачи в ливонской войне, шведско-польская интервенция несколько поколебали престиж России в Европе, но уже к середине XVII века Россия восстанавливает утраченные связи, расширив их на государства Закавказья. Кроме того, к концу XVII века южные рубежи России уже надежно защищены цепью оборонительных сооружений, которые стали базами для походов на Крым и отвоения выхода к Черному морю.

Необходимые для этого международные условия были сформированы к 80-м годам XVII века, когда в 1683 году войска Османской Порты осадили Вену. Для императора Священной Римской империи германской нации возникла прямая угроза потери не только части владений, но и трона, от чего его спасли стремительные действия войск польского короля. Османские войска активно наступали на территорию Речи Посполитой, отобрав у нее часть стратегически важных городов, а в 1678-1681 годах осуществили попытку захвата украинских земель, вошедших в состав Российского государства.

Для сопротивления агрессии Порты Австрия, Польша, Венеция и несколько германских княжеств сформировали Священную лигу, к которой в 1697 году примкнула Россия, уже возобновившая войну с Турцией. Вхождение России в состояние войны с Турцией обуславливалось как защитой своих территорий, так и необходимостью получения доступа к ключевым морским путям сообщения.

В 1696 году Россия смогла захватить турецкую крепость Азов, обеспечив доступ российским судам в Азовское море и имея возможность контролировать территорию Крымского ханства с моря.

Но Австрия и Венеция, добившись необходимых для себя результатов от участия в антиосманской коалиции, стали постепенно сокращать своё военное участие и России угрожала опасность остаться один на один с превосходящим по мощи соперником. Это вынудило Петра I предпринять все возможные меры для активизации антиосманской коалиции и привлечения в нее новых участников, организовав Великое посольство в Европу. Но раздраемая внутренними противоречиями Европа не смогла договориться о дальнейших совместных действиях. Более того, за спиной Петра I велись закулисные переговоры членов коалиции с Портой о заключении мирных договоров и перераспределении территорий.

В этих условиях, молодой император смог избежать международной изоляции и даже заполучить поддержку, хоть и формальную, Речи Посполитой и Австрии. Но нерешенные проблемы с Турцией препятствовали реализации внешней политики Петра Первого на Севере. Турецкий вопрос на тот момент решался на Конгрессе стран Священной лиги и Османской империи в Карловицах. На этих переговорах Россия фактически впервые озвучила вопрос о черноморских проливах. Угроза срыва переговоров заставила Россию отказаться от дополнительных требований и подписать в январе 1699 года перемирие на два года на условиях «кто чем владеет, да владеет». Но Османская империя навсегда прекратила расширение в западном направлении, а геополитическое доминирование перешло к государствам Западной Европы.

Следующая попытка добиться подписания не перемирия, а мира, с учетом доступа к Черному морю, был предпринята российскими послами в августе 1699 года. Итогом стало заключение 3 июля 1700 года Константинопольского мира (перемирия на 30 лет), которое сохраняло за Россией Азов, Таганрог и земли по нижнему течению Днепра. Это развязало руки Петру I и в день получения известия о мире, он объявил войну Швеции.

Константинопольский мир можно считать одной из наиважнейших вех в вопросе взаимоотношений России и Крыма. Его условия позволяли России прекратить ежегодный откуп крымскому хану от набегов, запрещали ему набеги на российские границы и позволяли прекратить с ханством официальные дипломатические отношения как с вассалом турецкого султана.

Отношения с Крымским ханством были поручены украинскому гетману И. Мазепе, измена которого и выступление на стороне Карла II в Северной войне положила начало последовавшей более чем через полвека окончательной ликвидации ее автономии. Победа в Полтавской битве в 1709 году не только значительно повысила авторитет России на международной арене, но и вызвала тревогу в Османской Порте, где одерживала победу «партия войны», стремившаяся отобрать у России ее территориальные приобретения.

Но к началу XVIII века Османская империя уже находилась в состоянии системного кризиса, что значительно снижало ее возможности в реализации внешней политики [5]. В системе международных отношений зарождался «восточный вопрос», связанный с борьбой за «османское наследство», т.е. распределение территорий Османской империи или сфер влияния над ними.

В первой половине XVIII века прослеживаются несколько конфликтов между Россией и Османской империей. При этом Россия постепенно начинает реализовывать потенциал идеологии «Москва-Третий Рим», повысив военную активность на подвластных турецкому султану балканских землях, в частности осуществив Прутский поход 1711 года, и развивая антитурецкую пропаганду на этих территориях. Султан объявлял войну России в 1710, 1712 и 1713 годах в союзах со Швецией и Речью Посполитой. Россия вынуждена была идти на потери территории, и по Адрианопольскому миру 1713 года Османская империя получила всю территорию Запорожья. 1735 году борьба России с Турцией было возобновлена. Целью России оставалось обеспечение выхода в Черное море, укрепление своих позиций на Азовском и Черном морях, обеспечение безопасности южных пределов.

Долгое время основным союзником в борьбе против Османской империи была монархия Габсбургов и Иран, который в соответствии с заключенным договором обязывался оказывать России поддержку в случае войны против турецкого султана. Кроме этого, Россия обеспечила себе сближение с Англией, Данией, дружественные отношения с Польшей, Швецией. В 1736 году была объявлена война Турции и возвращены Азов, Очаков, Хотын, Яссы. Русские войска дважды захватывали Крым. Но русско-турецкий мирный трактат 1739 года лишь в крайне ограниченном объеме удовлетворил требования России.

Кроме того, монархия Габсбургов начала проявлять недовольство продвижением России на Восток, что вынудило Россию сблизиться с «северными дворами» - Пруссией, Данией и Швецией. После длительного периода охлаждения отношений были достигнуты договоренности с Англией, которая считала, что ее доминированию на морских путях ничего не угрожает, и придерживаясь логики «баланса сил», хотела вытеснить Францию из зоны проливов, Эгейского моря и Ближнего Востока. В свою очередь Франция, обладавшая серьезными позициями в левантийской торговле и отношениях с султанатом, стремилась расшатать Россию изнутри и подталкивала Порту к войне с Россией.

Вступившая на престол Екатерина II возобновила серию русско-турецких войн, так как отсутствие возможности свободной торговли в Черном и Каспийском морях тормозило освоение южных территорий империи. Русско-турецкая война 1768-1774 годов закончилась подписанием Кючук-Кайнарджийского мирного договора, по условиям которого Россия получила право на свободу мореплавания в Черном море, право свободного прохода русских купеческих кораблей через Босфор и Дарданеллы, признавалась независимость Крымского ханства.

Ряд статей договора стал основой для развития политики России на Балканах и после его принятия балканские народы стали постепенно самостоятельно выходить на международную арену, опираясь на помощь России. Поддержка балканских народов являлась частью так называемого восточного вопроса и актуализировалась еще в XIV-XVI веках как борьба за освобождение порабождённых Османской Портой христианских народов Балкан, став своеобразным продолжением византийской миссии Москвы.

Результатом успехов России в борьбе с Турцией стал «греческий проект» Екатерины II, предусматривавший территориальное разделение Османской империи между Габсбургами, Россией и Грецией и возрождение Византийской империи. Инициатива России вызвала ожесточенное сопротивление Великобритании и Франции, которые не хотели усиления позиции Российской империи в Средиземноморье и появления соперника на торговых путях в Средиземноморье.

Попытки Турции пересмотреть условия договора и сближение с Восточной Грузией привели к новой русско-турецкой войне 1787-1791 годов, в результате которой был подписан Ясский мирный договор, закрепляющий положения Кючук-Кайнарджийского договора. В ответ на отказ Турции признать независимость Крыма последовало решение о введении в Крым русских войск и избрание крымскими мурзами ханом российского ставленника Шагин-Гирея, который оставался таковым до 1783 года. Дальнейшее сопротивление Турции, попытки сместить Шагин-Гирея не вызвали отклика ни среди мурз, ни среди европейских государств. Айналы-Кавакская конвенция 1779 года в очередной раз подтвердила решения Кючук-Кайнарджийского договора, а в 1783 году Екатериной II был подписан Указ о включении Крыма в состав Российской империи. Таким образом, был обеспечен прямой выход к Чёрному морю и значительно укреплены ее позиции на международной арене.

Политика Российского государства в Закавказье

Первые единичные контакты Российского государства с Кавказом и Средней Азией относятся к XV веку, когда Москва устанавливает взаимоотношения с грузинским царем Александром, происходят единичные контакты с Кавказом и Средней Азией.

Отсутствие на Кавказе единой государственности, этническая и религиозная пестрота, выгодное геополитическое положение делали этот регион привлекательными для внешней экспансии.

Основными претендентами на доминирование в регионе являлись турки-османы и Персия, для которых Кавказ стал регионом противостояния. Подвергаясь постоянным набегам со стороны ногайской орды, насильственной исламизации, население территории Кавказа вынуждено было искать союзников в противодействии внешней агрессии, и после формирования централизованного Московского государства и его укрепления народы Кавказа обращались за помощью к русским князьям [7].

После завоевания Казани в 1552 году в Москву прибыло черкесское посольство, которое просило у Ивана IV защитить их и принять в свое подданство. Итогом черкесских посольств 1550-х годов стал военный-политический союз Черкесии и России.

После завоевания Астрахани она стала оплотом российского влияния на Кавказе, с регионом были установлены торговые связи, культурные, духовные и экономические отношения. Связанное сухопутной границей с Астраханью Шамхальство Тарковское в 1557 году прислало послов с просьбой о принятии в российское подданство и о защите от крымских татар. В том же году посольство в Москву было отправлено кабардинским князем Темрюком Идаровичем. Желание вступить в состав Российского государства изъявили абазинцы, населяющие западные территории Северного Кавказа.

Черкесские войска активно принимали участие в Ливонской войне на стороне Московского государства. Союзнические отношения с черкесами были закреплены династическим браком Ивана Грозного с младшей дочерью князя Кабарды Темрюка Идаровича, в крещении Марией Темрюковной.

В 1564 году заключен союз с Кахетией. Эти отношения получили продолжение в политике Петра I и Екатерины II. В результате в 1783 году Грузия подписала с Россией Георгиевский трактат, который устанавливал российский протекторат над царством Картли-Кахети в обмен на военную защиту России. Но в 1787 году во время очередной русско-турецкой войны, Ираклий подписал с турками сепаратный мир, нарушив положения трактата.

С 1563 года на Кавказе начинают строиться укрепленные городки для перекрытия набегов крымской конницы, помощи христианским народам Кавказа и постепенного проникновения в Закавказье. Активность Московского государства на Северном Кавказе вызвала резко негативную реакцию Османской империи, которая рассматривала эту территорию как регион своего влияния. В Порте разрабатывались планы создания стратегического плацдарма на Волге для завоевания всего Кавказа.

Борьба с Османами на этом направлении требовала значительных затрат материальных ресурсов и человеческих резервов, что было невозможно для Московского государства, ведущего войны со Швецией и Речью Посполитой. Укрепления на Северном Кавказе были ликвидированы, войска отозваны в Астрахань.

В дальнейшем, вплоть до XVII- XVIII века политика российского государства в этом регионе была практически приостановлена из-за большого количества проблем на других направлениях.

В XVI-XVII веках одним из аспектов взаимодействия Российского государства с Турцией было недопущение ее военно-политической экспансии в районе Каспийского моря. К середине XVIII века Западная Грузия и Западная Армения находилась под влиянием Турции, Восточная Грузия, Восточная Армения и Дагестан под влиянием Персии.

Территории, контролируемые Персией, обеспечивали выход к Каспийскому морю и являлись предметом внимания России и Турции, которая даже после прекращения активной экспансии не отказывалась от идеи дальнейших завоеваний. После падения Сефевидского государства Турция объявила себя его «законной» наследницей, угрожала отрезать русскому купечеству доступ к торговле со странами Востока, создав опасность для Российской империи остаться без доступа к коммуникациям в Закавказье. Соответственно, Петр I стремился сформировать в Восточном Закавказье базовый плацдарм для развития отношений России со странами Востока [7].

Опорой России в достижении своих целей на Кавказе стали христианские народы, которые активно участвовали в национально-освободительной борьбе на территории Восточного Закавказья. Они обратились к Петру I с просьбой об освобождении от «иноземного гнета» и к 20-м годам XVIII века завершилось формирование военно-политического союза с армянским и грузинским освободительным движением.

Освободительные движения были поддержаны Российской империей во время Персидского похода 1722 – 1723 годов. Турция крайне резко отреагировала на действия России в Восточном Закавказье, пригрозив войной и фактически присваивая себе право на единоличные владения этими территориями.

Как Россия, так и Турция опирались на местные народы, используя наиболее актуальные или болезненные для них проблемы. Опора России в регионе – грузины и армяне, будучи христианами, страдали от насильственной исламизации региона.

Понимание того, что Турция и ослабевшая Персия будут активно противодействовать политике России на Кавказе, нерешенные проблемы с Азовом и Черным морем в тылу, способствовали переходу Петра I к тактике политического сдерживания. Итогом стало заключение в 1724 году между Турцией и Россией в Константинополе договора, по которому Закавказье было поделено между Турцией и Россией на зоны влияния.

Можно констатировать, что противоречия в реализации геополитических интересов современных государств в большей или меньшей были сформированы в рассматриваемый нами период.

В частности, в середине-второй половине XVI века начинают формироваться противоречия между Российским государством и Великобританией в Средней Азии. Для европейцев, в первую очередь для Англии, вопросы экономического развития были тесно связаны с торговой экспансией на Восток (Индию, Китай и Персию), магистральные пути в которые были перекрыты Португалией после Великих географических открытий. В первую очередь европейцев интересовал Волжский путь, который контролировался Россией после ликвидации Казанского и Астраханского ханств. Волга соединяла Россию со Средней Азией, рассматривавшейся европейцами как промежуточный пункт на пути в Индию и Китай. В первой половине XVI века европейцы начали искать Северо-Восточный проход, т.е. морской путь из Западной Европы в Восточную Азию в обход Северной Европы и Азии. Идея «Северо-Восточного прохода» развивалась одновременно с вхождением Сибири в состав Московского государства

Интересы Великобритании в этом вопросе были представлены «Московской кампанией», которой предоставлялись исключительные права монопольные права на торговлю на территории Московского государства в период правления Ивана IV. Со временем в правящих кругах России стали преобладать меркантилистские представления, которые привели к пересмотру статуса европейцев. Этому способствовали протесты русского купечества, терпевшего убытки от засилья иностранцев в торговле. В середине-второй половине XVII в. произошло резкое уменьшение предоставляемых иностранным купцам преимуществ. При этом правительство демонстрировало принципиальное намерение защищать экономические интересы казны, а также ограждать отечественных торговцев от иностранной конкуренции.

Англо-персидская торговли по Волге практически прекратилась уже в начале 80-х годов XVI века. Как правило, это связывается с резким ухудшением англо-русских отношений. Англо-русские конфликты ухудшали положение английских купцов в России, делали крайне неустойчивыми транзитные привилегии английского купечества. В 1572 году англичане фактически лишились права на свободный проезд по Волге, и требовалось царское разрешение на каждую поездку, а смерть Ивана IV в 1584 году привела к дальнейшему углублению кризиса отношений России и Англии [2, с. 14].

В 1667 году Россия заключила торговый договор с Армянской компанией, которая обладала монопольными правами на экспорт персидского шелка-сырца. Фактически власти российского государства заняли новую позицию по вопросу о транзитной торговле с Востоком.

Ранее территория российского государства рассматривалась в качестве «моста» между Европой и Азией преимущественно купцами из западных стран, то теперь такое восприятие получило распространение и в российских правящих кругах. Установление договорных отношений с Армянской компанией должно было резко трансформировать европейско-азиатскую торговлю, замкнув на территории России ее основные маршруты [2, с. 13].

Английские купцы сохраняли пристальный интерес к Великому Волжскому пути и в эпоху Смутного времени. В начале XVII века представители британского военного и торгового истеблишмента предметно рассматривали возможности отторжения у России территорий, по которым проходил волжский путь. Королю Якову I было предложено «принять в свое подданство ту часть Московии, которая лежит между Архангельском и рекою Волгою, с страной вдоль по этой реке до Каспийского, или Персидского, моря» [2, с. 14]. В соответствующей документации перечислялись все возможные преимущества, которые могли ожидать англичан в случае успешной реализации проекта, в их число входила и «возможность в будущем транзитной торговли с Востоком» [2, с. 14].

Доминирование на морских транзитных потоках в Большом Средиземноморье также стало предметом соперничества ключевых морских держав. В частности, революция цен, последующие изменения в структуре производительных сил и экономических отношениях в целом способствовали

активизации присутствия европейцев в левантийской торговле. В частности, в конце XVII — начале XVIII веков между Англией, Голландией и Францией развернулось ожесточенное противостояние за доминирование в поставках сукна в Османскую империю, которое проецировалось на международные отношения в регионе Большого Средиземноморья в целом.

Таким образом, в Большом Средиземноморье в течении XV-XVIII веков формировалась современная историко-геополитическая конфигурация мира. В этот период были заложены основы ключевых международных противоречий в регионе, проецирующихся на современность, сформированы основы цивилизационного противостояния православной, англо-саксонской и восточной (тюркской) цивилизаций. Если рассматривать эти процессы в проекции на развитие Российского государства, то ключевой проблемой для него становились выходы к южным морям, без которых государство не могло стать субъектом международных отношений. Огромное значение играли взаимоотношения с Крымом, который после османских завоеваний оказался на периферии международного развития, но обладал огромным геостратегическим и сакральным значением для Российской государственности. Это было обусловлено как необходимостью выхода к морям, так и тем, что возвращение Россией прав на полуостров в географическом преломлении означало очередное подтверждение ее прав на византийское наследие, поскольку именно Крым был изначальным источником распространения православия как религии, предопределившей цивилизационное и геополитическое развитие российской государственности.

Список литературы

1. Андреев, А. Р. История Крыма: Краткое описание прошлого Крымского полуострова / А. Р. Андреев. — Межрегиональный центр отраслевой информатики Госатомнадзора России, 1997. — 97 с.
2. Асташкин, Р. С. Россия и торговая экспансия европейцев на Восток (вторая половина XVI-XVII вв.): автореф. дис. ...канд. истор. наук : 07.00.02 / Р. С. Асташкин ; ГОУ ВПО «Самарский государственный университет». — Самара, 2007. — 21 с.
3. Бродель, Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. В 3 ч. Ч. 3 / Ф. Бродель. — М.: Языки славянской культуры, 2003. — 632 с.
4. История внешней политики России. Конец XV — XVII век (От свержения ордынского ига до Северной войны) / Сахаров А.Н. [и др.]. — М.: Междунар. отношения, 1999. — 448 с.
5. История Османского государства, общества и цивилизации. В 2-х т. Том 1. История османского государства и общества / под общ. ред. Э. Ихсаноглу. — М.: Восточная литература, 2006 — 367 с.
6. Орешкова, С. Ф. Из истории посреднической торговли в Османской империи в конце XV — начале XVI вв. Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху средневековья / С. Ф. Орешкова. — М.: МГУ, 1979 — 148 с.
7. Ниязатов, М. Россия в сердце Азии: диалог цивилизаций (IX-XVIII вв.) / М. Ниязатов. — Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение, 2013. — 506 с.
8. Сванидзе А. М. Из истории торговли города Трапезунда в XVI-XVII веках // Османская империя : гос. власть и социально-полит. структура : сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т востоковедения; отв. ред. С. Ф. Орешкова. — М., 1990. — С. 203-211.

Статья поступила в редакцию 9.11.2018

Makovskaya, D. V. , Chikharev, I. A. Crimea and the Russian State in the Mediterranean Macro-Region in the early 15th - late 18th centuries

The article deals with the dynamics and determinants of the foreign policy development of the Russian state in the Mediterranean macro-region. The author analyzes the influence of the economic and political interests of the macro-region states on the change in the dominant vectors of the Russian foreign policy activity in the macro-region. It is stated that in the course of the 15th-18th centuries, the modern historical and geopolitical configuration of the world was formed in the Mediterranean macro-region, the foundations of the international contradictions projected onto the present were laid.

Keywords: Mediterranean macro-region, Russia, the Ottoman Empire, Crimea, Transcaucasia, foreign policy, international relations.

УДК 327(262.1/.5-194) "1783/1920"

Проблема возвращения России в Черноморско-Средиземноморский регион сопровождается противоречивыми процессами, связанными с формированием новой системы международных отношений. Историко-политический опыт, представленный в данной публикации, показывает исторические аналогии трудных и тупиковых для России решений, которые можно будет избежать, а успешные модели взаимодействия с внешнеполитическими субъектами могут быть применены в ближайшем будущем. Проблемы взаимодействия с Турцией, вопросы функционирования Черноморских проливов, сотрудничество и конкуренция с западными державами в Средиземноморском бассейне, военно-политические балансы на региональном и глобальном уровнях – все эти вопросы актуальны и на современном историческом этапе развития России.

Ключевые слова: Россия, регион Большого Средиземноморья, системы международных отношений, внешняя политика.

А. А. Ирхин, доцент, д-р полит. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: alex.irhin@mail.ru

И. А. Чихарев, доцент, канд. полит. наук,

Директор института общественных наук и международных отношений

Севастопольский государственный университет

E-mail: ichikharev@yandex.ru

РОССИЯ И БОЛЬШОЕ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ 1783-1920 ГГ.: ОТ ПРИСОЕДИНЕНИЯ КРЫМА К РОССИИ ДО ЭВАКУАЦИИ БЕЛОЙ ЭЛИТЫ ИЗ СЕВАСТОПОЛЯ

Развитие региона Большого Средиземноморья в этот исторический период приходится на поэтапную смену двух систем международных отношений – Вестфальскую (1648-1815 гг.) и Венскую (1815-1853 гг.). Каждая из данных систем формировала определенные правила сосуществования государственных систем, однако уже тогда проявились их общие закономерности. Во-первых, каждая последующая мировая система формировалась после масштабного конфликта, в который были вовлечены основные конкурирующие державы и их союзники. Во-вторых, мировые системы создавались за счет побежденных сторон. Вестфальская система международных отношений принесла также несколько категорий, которые сохранили свою актуальность и до настоящего времени – понятие «национальный интерес» и превалирование этого понятия в последовательно сменяющих друг друга будущих системах международных отношений.

С приходом на русский престол Екатерины II (1762-1796 гг.) в российской внешней политике наступает период значительных успехов, которые в целом укладываются в три стратегических вектора:

1. окончательное закрепление на прибалтийских территориях, которые были получены в результате внешней политики Петра Великого и предотвращение, таким образом, реванша со стороны держав Северной Европы;

2. получение выхода к Черному морю и в перспективе в южное океаническое пространство;

3. присоединение к России белорусских и украинских земель за счет разделов Речи Посполитой.

Таким образом, борьба между Россией и державами Европы начала проходить в рамках Балто-Черноморской дуги, часть из которой непосредственно относится к Большому Средиземноморью. Овладение же Россией опорными точками на берегах Балтики и Черного моря давало в перспективе возможности для получения благоприятнейших условий для региональной, а затем, при успешном завершении этого этапа, и для глобальной экспансии. Впоследствии в европейских элитах такое положение России начинает рассматриваться как угрожающее для всего западного мира, а иногда как неизбежное поглощение Россией всей западноевропейской цивилизации.

Перечисленные векторы внешней политики России удалось полностью реализовать. Причем прибалтийский и западнорусский вопросы решались за счет русской дипломатии, за третий успешный вектор пришлось вступить в очередное военное противостояние с Османской империей.

Успешное разрешение трех поставленных задач было следствием благоприятных геостратегических условий глобального масштаба. Главные западные державы – Великобритания и Франция в период с 1688 по 1815 гг. в течение «долгого восемнадцатого столетия» в борьбе за глобальное доминирование находились в состоянии постоянных войн. Причем география

столкновений была от Северной и Латинской Америки, Западной Европы до Индии. Так называемая Война лиги Габсбургов велась в течение восьми лет до 1697 г. После краткого перерыва две нации вновь вступили в войну за испанское наследство (1702-1713 гг.). Продолжительная, но напряженная интерлюдия закончилась в 1740 г. войной, разразившейся за австрийское наследство. Через семь лет после Аахенского мирного договора началась Семилетняя война. Франция пыталась вернуть некоторые из своих катастрофических потерь, понесенных ею по Парижскому договору от 1783 г. в результате пятилетней войны, продолжавшейся с 1778 по 1783 гг. В соответствии с ее итогами Соединенные Штаты становились независимыми. Но война вызывала банкротство Франции и ускорила Великую французскую революцию. В результате последовал двадцать один год революционных и наполеоновских войн, направленных против Британии. Они завершились только битвой при Ватерлоо в 1815 году [4]. Шестьдесят из 127 лет Франция и Британия воевали друг с другом, формируя расширенные рамки внешнеполитических возможностей для региональных держав.

Столкновение между двумя ведущими западными державами, имеющими разный набор геополитических параметров, позволило России реализовать свои национальные интересы в трех стратегических направлениях. Данные исторические условия в рамках методологии хроногеополитики формируют следующий тезис – Россия может успешно противостоять западной экспансии, даже находясь на периферии западной экономической системы, когда он разделен и ослаблен внутренними столкновениями.

На глобальном уровне мировой политики XVI-XX вв. Россия была частью европейского баланса сил, однако, как правило, Российская империя втягивалась в него на условиях ограниченной субъектности и в рамках геополитических технологий «английского баланса» сил. В традиции западной цивилизации для продвижения своих национальных интересов используются два вида баланса сил – французский (*raison de tat* – национальный интерес) и английский «*balance of power*». Французский предполагает непосредственное участие субъекта в одном из разыгрываемых балансов, тогда как английский баланс сил предполагает дистанционное разыгрывание субъектом различных комбинаций на основе формирования системы противоречий между геополитическими объектами без непосредственного участия и только, когда ситуация становится критической, то субъект всей своей мощью вступает в игру на стороне, которая позволяет ему разрешить свои национальные интересы в полной мере. Английский механизм предполагает большую свободу в действиях через оперирование морской стратегией, однако у него тоже существуют значительные издержки, которые заключаются в том, что одна из усилившихся в результате победы сторон «английского баланса» затем уже представляет опасность непосредственно для балансира, то есть для Великобритании.

Россия, Пруссия, Австрия и Османская империя занимались континентальными делами, в том числе в регионе Большого Средиземноморья.

Российская политика в регионе Большого Средиземноморья в период 1783-1920 гг. может быть исследована в рамках следующей периодизации:

1. 1783-1853 гг. – от присоединения Крыма к России до начала Крымской войны.
2. 1853-1856 гг. – период Крымской войны.
3. 1856-1871 гг. – от окончания Крымской войны до восстановления уровня субъектности в Черноморско-Средиземноморском регионе.
4. 1871-1920 гг. – от восстановления Севастопольской ВМБ до окончания Белого проекта развития России.

В первый исторический период Россия имела благоприятные внешние условия для продвижения на Запад: был выдвинут так называемый «Греческий проект», российские вооруженные силы продвинулись далеко на Запад – итальянский и швейцарский походы А. В. Суворова (1799 г.), имели место претензии Павла I на ключевую геостратегическую территорию в западном Средиземноморье – остров Мальту (1797 г.).

Во втором периоде консолидированный Запад лишает Россию через Крымскую войну и Парижский мир точки геополитической экспансии в Черноморско-Средиземноморском регионе.

Третий и четвертый исторические этапы связаны с восстановлением военно-политических возможностей Российской империи, попыткой получить контроль над Черноморскими проливами по секретному соглашению с Великобританией и Францией от 1915 г. и полной потерей субъектности в этом регионе после распада Российской империи.

В цивилизационном аспекте Большое Средиземноморье представляло собой конкуренцию и взаимодействие трех цивилизаций: западной, исламской и православно-христианской. Причем карта цивилизационного взаимодействия подвергалась значительному изменению.

Крым со второй половины XIII века входил в состав Золотой Орды, при сохранении преобладания православия в юго-западной и южной частях полуострова здесь усиливается влияние ислама, становящегося вероисповеданием татарского населения, и принесенного генуэзцами католицизма. Однако в 1475 г. в результате турецкой экспансии католическое присутствие было ликвидировано, а православие лишь анклавно сохранялось на отдельных территориях при преобладании ислама. Мусульманско-Афразийская цивилизация в её тюркско-суннитской форме, представленная крымскими татарами и турками, с конца XV в. по конец XVIII в. в Крыму полностью преобладала. Екатерина II, присоединившая в 1783 г. Крым к Российской империи, объявленный десятилетием ранее независимым, под предлогом восстановления исконной христианскости полуострова, развернула бурную деятельность по его христианизации. Эту политику продолжили российские самодержцы XIX в [6, с. 529].

В геополитическом региональном аспекте продвижение России в Большое Средиземноморье должно быть рассмотрено как силовое противостояние с Османской империей при посредничестве, а затем при сдерживании Британией.

Россия и Турция в этом плане имеют значительный пласт исторической памяти о 12 русско-турецких войнах. Это продвижение происходило за счет турецких позиций и под идеологическим лозунгом покровительства русского самодержавия над всеми православными народами. Однако в глобальном масштабе такая конкуренция иногда имела очень интересное преломление, когда Россия и Турция втягивались Англией в различные союзные коалиции и бывшие соперники становились союзниками, а иногда выступали общим фронтом. К примеру, в октябре 1798 г. объединенный русско-турецкий флот под командованием Ф. Ф. Ушакова захватил Ионические острова и начал осаду крепости Корфу, которая была взята в ходе штурма в феврале 1799 г.

Османская империя, прошедшая свой период наивысшего могущества в XVI в., когда она сумела объединить значительную часть Большого Средиземноморья, к XVIII в. уже была вынуждена перейти к политике многовекторности и лавирования между великими региональными и мировыми державами.

Проникновение России в регион Большого Средиземноморья начинается во второй половине XVIII в. Однако в условиях отсутствия выхода к Черному морю, первое масштабное проникновение русского флота, а следом шли и другие интересы России, происходило со стороны Балтики.

В ходе «длинного восемнадцатого столетия» в условиях столкновения Британии и Франции на этом этапе сложилась ситуация, когда Париж имел значительное влияние на Стамбул, а Британии было необходимо через ослабление Турции включить ее в антифранцузский союз. Лучшего кандидата для разыгрывания «английского баланса» против Турции, чем Россия не было на тот момент. На региональном же уровне под влиянием польского вопроса и позиции Франции Порты объявляет в 1768 г. войну России, используя Крым, как плацдарм, а татарскую конницу, как главную наступательную силу. Париж оказывал давление на Польшу с целью сдерживания российского продвижения на Запад. Складывалась неблагоприятная ситуация, когда польско-турецкая коалиция при поддержке Франции формировала пояс сдерживания для России и представляла постоянную угрозу на её юго-западных границах.

В этих условиях Россия, используя заинтересованность и содействие Британии, наряду с сухопутным наступлением организует морскую экспедицию в 1769 г. из Кронштадта в составе 20 линейных кораблей, 6 фрегатов, 1 бомбардирского корабля, 26 вспомогательных судов, свыше 8 тысяч человек десанта и 17 тысяч общего состава экспедиции.

Содействие Британии происходило по двум важнейшим направлениям. Во-первых, она открыла возможность вербовки для России опытных морских английских офицеров. Во-вторых, Британия позволила России использовать свои военно-морские базы в Средиземноморье: в Гибралтаре и на Минорке. Кроме того, при содействии Англии было обеспечено пребывание российского флота в Ливорно – главном порту Великого герцогства Тоскана (область современной Италии). Более того, русская эскадра по пути следования останавливалась для ремонта и отдыха на самих Британских островах, что свидетельствует об острой заинтересованности Лондона в России в качестве союзника.

Данный поход завершился в 1770 г. Чесменской битвой и в итоге разгромом турецкого флота, что имело эффект домино в российско-турецком и англо-французском противостоянии, то есть на региональном и глобальном уровнях.

Таким образом, в новое время проникновение России в регион Большого Средиземноморья происходило с балтийского региона и при тесном содействии Британии. Целью последней было использование российских ресурсов для ослабления региональных и глобальных позиций Франции.

Процесс присоединения Крыма к России в условиях глобального противостояния Англии и Франции также мало беспокоил на тот момент англосаксонскую элиту, скорее французы посчитали

это опасным явлением, которое может впоследствии представлять угрозы для баланса сил в Черноморском, а главное Средиземноморском регионе. К середине XVIII в. Россия уже стала вызывать у западных наблюдателей неясное беспокойство. В 1762 г. французский поверенный в делах в Санкт-Петербурге докладывал: «Если русские амбиции не сдерживать, то их последствия могут оказаться фатальными для соседствующих держав... Я знаю, что силу русских не следует мерить их экспансией и что их господство над восточными территориями скорее впечатляющий мираж, чем источник реальной мощи. Но я также подозреваю, что нация, лучше любой другой способная справиться с непривычными крайностями времен года на чужбине вследствие суровости климата у себя дома, привыкшая к рабскому повиновению, довольствующаяся в жизни малым, в состоянии начать войну при малых на то затратах... И такая нация, как я подозреваю, скорее всего окажется завоевателем» [3, с. 122].

Однако по ходу развития исторического процесса, в котором Франция теряла свои глобальные позиции, а Британия взяла верх в процессе гонки за глобальное лидерство, Лондон начинает рассматривать морские возможности России в Большом Средиземноморье: сначала с подозрением воспринимать российское продвижение на юго-запад, а затем и больше — перенимать французскую точку зрения.

Присоединение Крыма к России формировало независимую от Британии, в отличие от Средиземноморского похода 1768-1770 гг., точку геополитического роста для России. В этот период Екатерина II выступает с инициативой «греческого проекта», который заключался в контролируемом совместно с европейскими державами разделе Османской империи. Однако на этом этапе европейские государства заняли негативную позицию в отношении такой идеи по причине экономических и геополитических интересов. Последние заключались в понимании удобства сдерживания России руками Османской империи. Главной же коммуникационной линией такого сдерживания становятся Босфор и Дарданеллы.

В дальнейшем тема режима Черноморских проливов становится предметом военных и дипломатических столкновений и договоренностей.

Французы начинают требовать от Турции прохода через Черноморские проливы. В 1802 г. канцлер Воронцов формулирует принцип, при котором черноморские державы имели бы возможность свободного прохода своих военных кораблей через проливы, тогда как нечерноморские державы имели бы различные ограничения по возможности прохода в регион. Слабеющая Турция в условиях конкуренции Англии и Франции начинает придерживаться схожих позиций. В период с 1799 по 1805 гг. были подписаны русско-турецкие соглашения, по которым российские военные корабли проходили в Средиземноморский регион, в то же время Турция не пропускала военные корабли нечерноморских держав. Такое региональное русско-турецкое сближение уже не устраивало ни Францию, ни Англию. В результате целенаправленной деятельности английская дипломатия в 1809 г. навязывает Порте Договор о мире, торговле и секретном союзе. По нему Османская империя принимала обязательства по закрытию проливов в мирное время для военных кораблей всех стран. Русский флот был заперт в Черном море [1, с. 11].

После окончания Наполеоновских войн и поражения Франции в глобальном противостоянии с Британией в геостратегии ведущих мировых и региональных держав происходят фундаментальные сдвиги. При этом под геостратегией понимается деятельность государства на международной арене, направленная на достижение наиболее благоприятного пространственного положения, которое достигалось с помощью военных и невоенных средств [8, с. 39].

Во-первых, Британия начинает открыто реализовывать механизм «сдерживания» России, а конкуренция Британии и России начинает проходить в рамках «Большой игры» — конкуренции двух великих держав за торговые и военные коммуникации, примыкающие к Индии, где Большое Средиземноморье начинает занимать левый фланг этой конкуренции в Евразии.

Во-вторых, Османская империя вступила в период своего заката, который характеризуется центробежными тенденциями и последующей фрагментацией османского пространства. Россия, Британия и Франция оказываются вовлеченными в этот процесс. Ключевой проблемой в данной конкуренции становится вновь проблема Черноморских проливов.

Большое Средиземноморье, таким образом, становится пространством конкуренции четырех империй или четырех Больших пространств: Британского, Российского, Французского и Османского. Каждая из империй обладала своим идеологическим, экономическим и военно-политическим проектом. Это была конкуренция, прежде всего, мироустроительных идей, которая воплощалась в геополитическом пространстве. Самым слабым звеном в этой конкуренции становилась Османская

империя, которая теряла в течение XIX – XX вв. свои территории, а после Первой мировой войны отказалась от своей имперской идентичности, перейдя на республиканские рельсы развития.

Великобритания, оперируя механизмами морской стратегии, имела значительные фундаментальные преимущества перед остальными участниками борьбы за мировое и региональное лидерство. Это базовое лидерство выражается в следующем – почти 70 % поверхности нашей планеты занимает океан. При всех прочих равных стратегия, оперирующая морем, будет эффективнее сухопутной в 2,4 раза — для северного полушария этот показатель составляет 1,56, для южного – 4,26[7, с. 18].

Важной морской составляющей в развитии региона в XVIII-XIX вв. является режим функционирования Черноморских проливов и Гибралтара. В 1869 г. вводится в строй еще одна стратегическая артерия региона – Суэцкий канал.

В течение XVIII-XX вв. ключевое влияние на данные водные коммуникации оказывали Британия, а затем США. Британия до середины XX века смогла осуществлять такой контроль над Гибралтарским проливом и Суэцким каналом и на ключевых геостратегических пространствах, таких как Крит, Кипр, Мальта, полуостров Гибралтар. Вокруг Черноморских проливов, ворот России в регион, началась двухсотлетняя борьба между Россией и Западом, где Османская империя обладала меньшим уровнем субъектности и вынуждена была лавировать.

Очередным этапом конкуренции за проливы становится Ункяр-Искелесийский договор между Россией и Турцией от 1833 г. За всю историю существования проблемы Черноморских проливов для России это был самый благоприятный договор, который устанавливал военный союз России и Турции и право свободного прохождения российского флота через проливы, при этом по требованию России эти проливы закрывались для кораблей любых стран, кроме России. Чуть более чем через 100 лет именно такую модель военно-политического взаимодействия Турции и СССР пытался продвинуть И. В. Сталин с оговоркой, что военно-политический союз двух государств должен ограничиваться зоной проливов и Черноморского региона.

Такие благоприятные условия Ункяр-Искелесийского соглашения были связаны с ослаблением Османской империи и центробежными тенденциями окраин, которые подпитывались Англией, Францией и Россией. При этом если в отношении греческого национально-освободительного движения эта коалиция находила общие взгляды, то по поводу других территорий-окаин проявлялись заметные расхождения. Последние были, по всей видимости, связаны с четкой геополитической ориентацией османских окраин на одну из трех великих держав, что увеличивало их международный потенциал. Причиной для выгодных статей Ункяр-Искелесийского договора была военная помощь, предоставленная Россией Османской империи в борьбе со своей еще одной мятежной окраиной – Египтом. 30-ти тысячный русский корпус высадился в районе Босфора и преградил путь по захвату турецкой столицы египетским войскам. Однако в этой борьбе внутри Порты Египет поддерживала Франция, тогда как русский царь Николай I сделал выбор в пользу поддержки целостности слабеющей Османской империи.

Во время второй турецко-египетской войны британская дипломатия добила подписания Лондонской конвенции от 15 июля 1840 г., которая закрыла проход иностранных военных кораблей через проливы. В следующем году, когда Франция вновь вошла в европейский концерт, Лондонская конвенция становится конвенцией о Проливах. Согласно 1 статье конвенции «Султан, с одной стороны, объявляет, что он имеет твердое намерение на будущее время соблюдать начало непреложно установленное, как древнее правило его империи, и в силу коего всегда было воспрещено военным судам иностранных держав входить в Проливы Дарданеллы и Босфор» и, пока Порты находится в мире, его Султанское Величество не допустит ни одного военного иностранного судна в Проливы. Вторая статья Лондонской конвенции от 1841 г. предусматривала международный регламент военного судоходства через Проливы, который основывался на коллективных обязательствах договаривающихся сторон друг к другу, а не только к Турции. Таким образом, Лондонская конвенция о Черноморских проливах существенно ограничивала суверенитет Турции и снимала преимущества России в отношении проливов, которые та получала в результате Ункяр-Искелесийского договора.

Если Ункяр-Искелесийский договор был блестящим успехом российского оружия и дипломатии, то Лондонская конвенция отразила успех Британии. Примечательно, что Россия почти добровольно отказалась от столь выгодного режима Черноморских проливов, что обеспечивало ей не только безопасность своих южных рубежей, но и возможность военным и торговым путем свободно проникать в Средиземное море.

Столь блестящей победе британской дипломатии способствовал все тот же новый баланс сил, который был сформирован англичанами для сдерживания уже России. При содействии Лондона в

1818 г. в ранг великих держав вернулась Франция, элита которой в последующие несколько десятилетий сделала своей национальной идеей месть России за унижение Наполеона в 1812 г.

Таким образом, выученные британской дипломатией исторические уроки способствовали тому, что во время второй турецко-египетской войны Британия очень расторопно, опередив Россию, поддержала турецкого султана и совместно с Францией способствовала вытеснению российских позиций из Порты, которые выглядели угрожающими в глазах европейцев после подписания Ункяр-Искелесийского договора.

Николай I пошел на добровольную отмену договора, полагая, что такой шаг будет способствовать новой изоляции Франции и крушению баланса сил в Европе [1, с. 70]. Однако баланс выстраивался главным дирижером Венской системы международных отношений и в его планы не входила изоляция истощенной после 1815 г. сухопутной и морской великой европейской державы, которая после Наполеона I представлялась идеальным инструментом сдерживания амбиций России. В новом разыгрываемом «английском балансе» сил была и другая крайность. Франция и Англия, запретив Россию в Черном море, постепенно становились открытыми конкурентами в борьбе за сферы влияния внутри Османской империи, которая по-прежнему занимала большую часть Большого Средиземноморья. Опасения англичан в отношении данной конкуренции проявились уже в 1830-х гг., когда Франция захватила Алжир и получила влияние в Египте и Сирии. Верхней точкой англо-французской конкуренции стал раздел Османской империи и формирование системы мандатариев после Первой мировой войны. Интересным исследовательским вопросом может стать английская дилемма между русской и французской угрозой, которая явно проявилась в Форрин-офис во время второй турецко-египетской войны. Франция, получив ключевое влияние в Египте, могла: во-первых, рассчитывать на создание объединенной франко-египетской эскадры, что явно меняло баланс сил не в пользу Англии; во-вторых, Франция, благодаря своим южным портам, не была зависима от Гибралтара, который контролировали англичане; в-третьих, со времен Наполеона I Египет рассматривался Парижем, как возможный плацдарм для сухопутного (морского продвижения после Трафальгарской битвы они не опасались) продвижения к Индии, что рассматривалось британцами как самый пессимистический результат своей внешней политики, вызванный рядом роковых ошибок. Поэтому в разыгрываемом «английском балансе» по взаимному сдерживанию России и Франции, Британии было необходимо обеспечить взаимное ослабление и истощение сил противниками до такой степени, чтобы их элиты не поставили на военно-политическую повестку дня возможное противостояние с самой Англией.

В этот же период в регион Большого Средиземноморья начинают проникать Соединенные Штаты Америки.

Несмотря на доктрину изоляционизма американской внешней политики, первые официальные контакты между Турцией и США относятся к периоду подписания торгового соглашения 1830 г. Вопрос о торговом соглашении стал предметом переговоров между Уильямом Бейнбриджем, капитаном американского судна «Джордж Вашингтон», вошедшего 9 ноября 1800 г. в Стамбульский залив, и турецкими представителями [2, с. 23]. Однако из-за противодействия других держав, которые, как и США, стремились закрепиться на османском рынке, соглашение было заключено лишь спустя 30 лет. Статья 1 подписанного 7 мая 1830 г. между США и Османской империей договора о торговле и транспорте признавала за американскими кораблями и предпринимателями право «наиболее благоприятной нации». Это означало, что американцы пользовались наряду с другими европейцами огромными привилегиями.

Следующие попытки проникновения США в Восточное Средиземноморье будут относиться только к периоду Первой мировой войны, а об интересе к региону будет свидетельствовать один из пунктов программы В. Вильсона, который будет относиться к Османской империи.

Во второй половине XIX века баланс сил в регионе Большого Средиземноморья резко меняют два исторических события:

1. Крымская война.
2. Строительство Суэцкого канала.

В начале 1850-х годов состояние внешней политики Англии, Франции, Османской империи и России напоминало сцену двух боксеров, вступивших в «жесткий клинч» с быстрыми обменами сериями ударов, которые иногда абсолютно не задумывались о технике защиты. Особенно в этом преуспел Николай I. Великобритания к этому времени вступила в зенит своей промышленной революции, что в который раз подтвердило ее лидерство в технологической, экономической, военно-политической силе. Кроме того, Великобритания представляла собой и идеологически привлекательную модель развития общества и государства за счет лидерства в вышеперечисленных

сферах, а также развития внутренних политических свобод. Россия же делает ряд крупных внешнеполитических ошибок, вступая в полосу имперского перенапряжения, когда обязательства государства начали превышать возможности по их выполнению. В итоге Россия получила консолидированную антироссийскую позицию Запада, к которой присоединилась Турция.

Переоценка своих имперских возможностей начинается с вмешательства Петербурга в Австро-Венгерский кризис, когда Россия, боясь распространения венгерского национализма на российские земли Польши, оказала поддержку в сохранении целостности Австро-Венгерской империи. В Европе такие результаты действия русского оружия были восприняты как чрезмерное усиление Петербурга в Европе. Николай I же полагал, что вся Европа теперь будет благодарна ему за поддержание существующего европейского порядка.

Важным фактором начала Крымской войны являлось непосредственное внешнее влияние в пределах Османской империи. Речь идет о церковном влиянии, связанном с имиджем европейских держав – Франции и России. Спор переносился в цивилизационную плоскость за сферы влияния между католиками и православными в Палестине. Корни проблемы уходят в далекий 1740 г., когда король Франции Людовик XV добился издания султанского хатт-и-шерифа, по которому католическим священникам разрешалась служба в почитаемых храмах Иерусалима и Вифлеема. После того как Россия стала укреплять свое влияние в регионе Большого Средиземноморья, Порты идет на уступки по защите прав именно православных христиан. Пик влияния России в Османской империи, в том числе и в церковной сфере, приходится на период 1833 г. – подписание Ункяр-Искелесийского договора. Затем начинается быстрое сокращение этого влияния. В 1850 г. последовал демарш Наполеона III о восстановлении прав католиков в святых местах. Британия, заняв свое привычное место, с интересом наблюдала за спором двух великих держав и разгорающимся конфликтом. Однако французская позиция по вопросу о восстановлении прав католиков вызвала и беспокойство Лондона, который с осторожностью следил за возрождением французского влияния в Порте.

Французская элита с энтузиазмом играла на национальных интересах России, однако в основе действий Наполеона III был реванш французской нации за 1812 г. В этой взаимной игре комплексов двух элит в выигрыше оставался только Лондон. Наполеон преуспел в разрушении Священного союза, вбив клин между Австрией и Россией во время Крымской войны, но не знал, что делать с собственным триумфом. Начиная с 1853 г. и вплоть до 1871 г., в системе международных отношений сохранялся хаос, вследствие чего трансформировался европейский порядок. А когда этот период закончился, Германия оказалась сильнейшим государством на континенте [3, с.103]. Таким образом, Наполеон стал пленником кризисов, которые сам же организовывал.

22 июня (3 июля) 1853 г. два русских корпуса вступили на территорию Дунайских княжеств. Очевидно, что расчет был на повторение 1848 года, когда занятие Молдавии и Валахии обошлось без осложнений, а Лондон стал адвокатом Петербурга. Однако международная ситуация кардинальным образом изменилась не в пользу России.

В ответ на 80-тысячную армию И. Ф. Паскевича в Дунайских княжествах турки ответили сосредоточением на правом берегу Дуная 150 тысяч Омера – паши. Вместе с тем, складывалась патовая ситуация в Средней Азии и Закавказье, где в крепостях стояло не более 5 тысяч российских штыков. Понадобилось спешно призвать под знамена местную милицию (10 тысяч) и перебросить дивизию из Крыма (16 тысяч), чтобы прикрыть южную границу страны.

9 октября турецкий главнокомандующий Омер-паша предложил в срок 15 дней вывести русские войска из Дунайских княжеств. 22 октября в нарушение Лондонской конвенции от 1841 г. в условиях мира англо-французская эскадра вошла в проливы.

23 октября Омер-паша атаковал русские позиции на Дунае и в Закавказье.

В ответ только 2 ноября (26 октября по старому стилю) царь подписывает манифест о начале войны.

18 (30 ноября по старому стилю) 1853 г. российская эскадра вице-адмирала П. С. Нахимова уничтожает крупную эскадру турецкого флота на Синопском рейде. Погибает 7 фрегатов, 3 корвета, 2 парохода и несколько небольших судов.

5 января 1854 г. англо-французская эскадра прошла Босфор и вошла в Черное море, распространив свой контроль на всю акваторию.

Россия оказалась перед лицом войны в одиночку перед могущественной коалицией в составе Британии, Франции и Османской империи. Австро-Венгрия объявила о своем нейтралитете, заняв, однако, откровенно враждебную позицию, забыв все, что сделала Россия для сохранения Вены в её границах в 1849 г.

К сентябрю 1854 г. царь, пытаясь исправить череду сделанных ошибок, отводит русскую армию из Дунайских княжеств, однако этот шаг никак не повлиял на логику дальнейших действий антирусской коалиции. Показательно, что русские позиции в Дунайских княжествах заняли турки и австрийцы.

12 сентября 1854 г. 34 линейных корабля, 55 парусных и паровых фрегатов приблизились к Евпатории и начали десантирование. Русский флот состоял из 14 линейных кораблей, 12 фрегатов и пароходов.

Началась осада Севастополя, продлившаяся 349 дней – с 13 сентября 1854 г. по 27 августа 1855 г., которая прославила русское оружие и героизм русского воина, но показала военно-техническую отсталость русского вооружения и необходимость модернизации, близорукость русской дипломатии и череду допущенных Николаем I ошибок.

Крымская кампания обошлась французам в 100 тысяч убитыми и умершими от ран, британцам – 22, 7 тыс., туркам – 30 тысяч [1, с.105].

Турция и Франция были утомлены войной, в то время как Британия вошла во вкус войны с Россией руками турок и французов.

Заклученный в 1856 г. Парижский мирный договор отрезал Россию от региона Большого Средиземноморья: Россия отказывалась от протектората над Сербией и Дунайскими княжествами. Кроме того, отменялось право российского царя покровительствовать над христианскими народами Османской империи, то есть статьи Кючук-Кайнарджийского мирного договора в отношении этого пункта отменялись. От России отторгалась Южная Бессарабия, что лишало Россию исключительных прав на судоходство в низовьях Дуная. Самым тяжелым требованием для Российской империи было демилитаризировать Черное море.

В результате Крымской войны англичане достигли оптимального результата, при котором Россия была отрезана на 15 лет от возможности влиять на Черноморско-Средиземноморский регион. Учитывая стратегическое мировоззрение британской элиты и начало строительства в этот период Суэцкого канала, можно констатировать, что Россия была исключена из процесса влияния на регион и, следовательно, на создание новой коммуникационной линии, существенно сокращающей экономические издержки и развивающей военно-политические возможности западных держав в зоне потенциальных российских интересов. В 1854 г. французский дипломат и предприниматель Фердинанд Мари Лессепс получает от египетского руководства концессию на строительство Суэцкого канала. Франция согласно концессии получала 53 % акций, Египет — 44%, 3 % приобрели другие государства. Открытие Суэцкого канала состоялось в 1869 г., однако канал, который контролировался Францией, представлял угрозу английской торговле с Индией, а в перспективе представлял не только экономическую, но и военную угрозу для Лондона. Суэцкий канал сокращал английский путь из Азии в Европу вокруг Африки через мыс Доброй Надежды на 8 — 15 тысяч километров. Задачей Британии теперь становится затруднить функционирование канала или взять его под свой контроль. Ослабленная имперским перенапряжением Франция была уже не в состоянии конкурировать с Британией, однако из-за Суэца на прямое столкновение с Парижем Лондон был не готов. Воспользовавшись франко-прусскими противоречиями в 1870-х гг., Британия покупает контрольный пакет акций Суэцкого канала у французов, тем самым приобретает ценный для морской державы актив, сохраняя свою монополию по контролю над морскими коммуникациями.

Крымская кампания и Парижский мирный договор активизировали внешнеполитическую экспансию России в Центральной и Юго-Восточной Азии. В. Цымбурский данный период называет «евразийскими интермедиями». В данный исторический период, продлившийся до 1871 г., т.е. до выхода на мировую арену объединенной Германии и франко-прусского конфликта, русская дипломатия смогла в одностороннем порядке пересмотреть условия Парижского мирного договора. Играв на противоречиях между европейскими державами, Россия смогла успешно решить проблему международной изоляции, которая существовала 15 лет, воспользовавшись условиями франко-прусской войны в 1870-71 гг., и в одностороннем порядке отменила условия Парижского мирного договора. Начинается возрождение русского Черноморского флота и города Севастополя. Франция в результате столкновения с Германией, выбывает на время из акторов международной политики. 19 (31) октября Александр Горчаков циркулярной нотой информировал державы, что Россия считает себя свободной от обязательств, запрещавших ей содержать военный флот на Черном море. Впечатление в Европе от одностороннего циркуляра было шоковым. Однако мудрость посленессельердовской дипломатии России заключалась в том, что российский МИД начал использовать британскую методологию, которая заключалась в разыгрывании максимальных противоречий своих конкурентов. В итоге, не двинув ни одного корабля, ни одного солдата, не затратив ни одного рубля военных

расходов, российская дипломатия в одностороннем порядке заставила Запад пересмотреть итоги Крымской войны. Одна Британия могла что-то возразить, но в условиях перессорившихся столиц континентальной Европы повторение даже тени общеевропейской коалиции времен Крымской войны было невозможно. В одиночку Лондон не решился на резкие действия. В условиях конкуренции России и Британии в Евразии Россией за годы действия Парижского мира был создан другой, более угрожающий, фланг своего наступления на Британию – в Центральной Азии и Юго-Восточной Азии. И это сухопутное движение на юг в Центральной Азии и Юго-Восточной Азии было продолжено до конца XIX века, что вызывало ревностное сопровождение всех действий России в Лондоне. Если продвижение России в сторону Тихого океана было остановлено объединенными усилиями американско-английского капитала и руками Японии в 1904 г., то в Центральной Азии такого союзника у Британии не было. Все успехи России на юге закреплялись в регионе железнодорожным строительством – Закаспийской железной дороги (Красноводск – Ашхабад – Самарканд – Ташкент). Таким образом, каждая из держав использовала свои сильные стороны и асимметричные технологии экспансии и последующего закрепления пространства против своего конкурента. Но если движение России на Восток волновало до начала XX в. преимущественно только Британию, так как угрожало Индии, то продвижение России в Средиземноморье уже рассматривалось как угроза для всей западной цивилизации, однако вызывало опасения в первую очередь в Лондоне, опять же в связи с индийским вопросом.

Следующая русско-турецкая война 1877-1878 гг. заканчивается Адрианопольским перемирием и Сан-Стефанским мирным договором, который был весьма выгоден России (самое главное условие – свобода Балканских государств, закрепление значительных военных приобретений). На глобальном уровне после получения контроля над Суэцким каналом картина для Британии выглядела следующим образом – Лондон владел чрезвычайно важным путем, увеличившим морскую мобильность британцев. Следовательно, любые изменения в этой расстановке сил противоречили интересам Британии, которая в этом западном направлении движения России могла организовать подобие общеевропейской коалиции. Призрак Крымской войны после победоносной кампании русского оружия 1877-1878 гг. заставил на дипломатическом уровне снять статьи Адрианопольского перемирия, которые были заменены условиями Берлинского трактата (июль 1878 г.), по которому Россия, по большому счету, отказалась от дипломатического оформления военных побед в регионе, а британцы получили за свое посредничество Кипр, Австро-Венгрия – Боснию и Герцеговину.

Исторический взгляд на итоги русско-турецкой войны 1877-1878 гг., как проявления столкновения России и Англии в Большом Средиземноморье, может дать нам почву для следующих выводов.

Во-первых, британская дипломатия добилась значительных успехов на Берлинском конгрессе, отменив или значительно размыв статьи Сан-Стефанского мирного договора.

Во-вторых, русская дипломатия окончательно разорвала механизм изоляции и на международном уровне признала прежние до Крымской войны интересы России в регионе.

Во-третьих, автономизация Балкан запустила дальнейшие процессы ослабления Османской империи.

В-четвертых, складывающийся в Европе баланс сил в целом не способствовал успешному использованию механизма «английского баланса» для сдерживания России. Франция находилась под постоянной германской угрозой, поэтому вытягивание её в антироссийскую коалицию было бесполезным, а Германия, понимая наличие французского реванша, нуждалась в безопасности своей восточной границы. По условиям Берлинского конгресса, Британия получает Кипр, что вызывает общественный протест в других европейских державах, особенно в Париже. Обостряются восточно-средиземноморские противоречия бывших двух главных союзников в Крымской войне.

Окрыленная успехом на западном фронте противостояния с Россией Британия, пытается ограничить российское давление в Центральной Азии – начинается вторая англо-афганская война (1878-1880), которая закончилась национальной катастрофой для Лондона.

В последующие три десятилетия Россия вытягивается в антигерманский блок и, понеся значительные потери в Первой мировой войне, в борьбе за Большое Средиземноморье столкнулась с несколькими историческими событиями, имеющими значительные последствия.

В мировом конфликте Черноморские проливы стали вновь коридором, через который в Черное море зашли два германских крейсера «Гебен» и «Бреслау», которые всю войну держали силы Черноморского императорского флота в напряжении. С другой стороны Черноморских проливов будущий премьер-министр Британии У. Черчилль пытался провести в 1915 г. бесславную военную операцию по захвату Дарданелл при Галлиполи, столкнувшись в качестве противника с будущим

президентом республиканской Турции К. Ататюрком. К этому же году относится секретное англо-русское соглашение о передаче Черноморских проливов России после войны в случае победы над Германией. При этом Англия, соглашаясь на фоне тревожных успехов австро-германского блока на обретение Россией Проливов и Константинополя, потребовала взамен обязательство «довести войну до победного конца», что исключало сепаратный мир с Германией [5, с. 77].

Революционные события в России и Брестский мирный договор вывели Россию из войны, одновременно отменив секретное соглашение с Англией о передаче России Черноморских проливов. По условиям Брестского мира, подписанного 3 марта 1918 г., Севастопольская ВМБ переходила под контроль Германии.

Впоследствии через Босфор и Дарданеллы прошли англо-французские морские силы, которые организовали один из фронтов поддержки белого движения в Гражданской войне. 23 ноября 1918 г. англо-французы высаживаются в Новороссийске, 25 ноября в Севастополе, 27 ноября в Одессе. В конце января 1919 г. оккупируют Херсон и, наконец, в начале февраля Николаев.

Англичане стремились продвинуться в Закавказье – Грузию и Азербайджан и получить под полный контроль нефтяные промыслы и влияние на всю Армению. Здесь их интересы начали сталкиваться с попытками США получить сферу влияния в регионе «распадающихся империй», проявившихся в политике президента Вудро Вильсона, направленной на выход из тесных рамок внешнеполитической доктрины американского изоляционизма.

В результате победы большевиков на территории России и постепенного ослабления проекта «белой России», количество англо-французских броненосцев уменьшалось в Черном море. 11 ноября 1920 г. главнокомандующий Русской армии П. Н. Врангель отдал приказ об эвакуации, которую помогли провести английские, французские и американские корабли, которая также прошла, в том числе, по коридору Черноморских проливов. В России победила революция и страну уже «пересобирали» большевики на новых исторических смыслах. Начинался период восстановления российских позиций в Большом Средиземноморье, который был закреплен на международном уровне в 1936 г.

Список литературы

1. Виноградов, В. Н. Британский лев на Босфоре / В. Н. Виноградов. – М.: Наука, 1991. – 167 с.
2. Ирхин, А. А. США и Турция: стратегический союз и тактические разногласия. Ретроспектива и прогноз / А. А. Ирхин. – Севастополь: «РЕБЕСТ», 2016. – 208 с.
3. Киссинджер, Г. Дипломатия. Пер. с англ. В. В. Львова / Послесл. Г. А. Арбатова. – М.: Ладомир, 1997. – 848 с.
4. Маклин, Ф. 1759. Год завоевания Британией мирового господства / Ф. Маклин; пер. с англ. М. Жуковой. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – 638 с.
5. Нарочницкая, Н. А. Старый «Восточный вопрос» в новой англосаксонской политике / Н. А. Нарочницкая // Международная жизнь. — № 8. – 2001. – С. 75 - 89.
6. Пахомов, Ю. Н. Цивилизационная структура мира. Кн. 2 / Ю. Н. Пахомов, Ю. В. Павленко, В. С. Будкин: в 3 т. — Киев: «Наукова думка» НАН Украины, 2007. – 692 с.
7. Переслегин, С. Б. Самоучитель игры на мировой шахматной доске / С. Б. Переслегин. – М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2005. – 624 с.
8. Юрченко, С. В. Геостратегия США в процессе становления глобальной державы: Дис... д-ра. полит. наук: 23.00.04 / С. В. Юрченко. - Симферополь, 2001. – 430 с.

Статья поступила в редакцию 10.10.2018

Irkhin, A. A., Chikharev, I. A. Russia and the Mediterranean Macro-Region in 1783-1920: from the Accession of Crimea to Russia to Evacuation of the White Elite from Sevastopol

The problem of Russia's return to the Black Sea-Mediterranean region is accompanied by contradictory processes associated with the formation of a new system of international relations. The historical and political experience presented in this publication shows the historical analogies of difficult and dead-end solutions for Russia that can be avoided and successful models of interaction with foreign policy actors that can be applied in the near future. The problems of interaction with Turkey, the functioning of the Black Sea Straits, cooperation and competition with the Western powers in the Mediterranean basin, military-political balances at the regional and global levels - all these issues are relevant at the current historical stage of Russia's development.

Keywords: Russia, Mediterranean macro-region, international relations systems, foreign policy.

УДК3 27(262.1/.5-194)''1920/2014''

В статье проводится анализ геополитической ситуации в регионе Большого Средиземноморья со времени установления Версальско-Вашингтонской системы международных отношений и до 2014 г. Особое внимание уделяется анализу стратегических интересов России в регионе, в первую очередь связанных с закреплением наиболее благоприятного режима Черноморских проливов, различные модели функционирования которых также подробно рассматриваются. Делается вывод об определяющей роли отношений с Турецкой Республикой в процессе реализации стратегических интересов России как в регионе Большого Средиземноморья в целом, так и в отдельных его составляющих.

Ключевые слова: Средиземноморско-Черноморский регион, Большое Средиземноморье, режим Черноморских проливов, конвенция Монтрё, российско-турецкие отношения.

А. А. Ирхин, доцент, д-р полит. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: alex.irhin@mail.ru

Л. П. Нелина, канд. полит. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: larisanelina@gmail.com

И. А. Чихарев, доцент, канд. полит. наук,

Директор института общественных наук и международных отношений

Севастопольский государственный университет

E-mail: ichikharev@yandex.ru

РОССИЯ И БОЛЬШОЕ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ (1920-2014)

В рамках исторического периода времени 1920-2014 гг. существовали несколько систем международных отношений: Версальско-Вашингтонская, Ялтинско-Потсдамская и период «безвременья», начавшийся в 1991 г. и продолжающийся до настоящего времени. На начальном этапе «безвременья» наблюдалась попытка Соединенных Штатов Америки выстроить однополярный мир «Рах Америка». В настоящее время имеет место конкуренция тенденций мультиполяризации и униполяризации. Особо следует подчеркнуть, что на этот исторический период приходится замещение одной глобальной имперской гегемонии другой, что отражается на международном порядке в Большом Средиземноморье. Британская империя уступает Соединенным Штатам Америки свою сферу влияния и ответственности в регионе Большого Средиземноморья после 1945 г., сохраняя, однако, критические для Британии точки влияния (Кипр, Гибралтар).

Одним из последствий окончания Первой мировой войны в регионе Большого Средиземноморья была фрагментация четырех имперских пространств: Османского, Австро-Венгерского, Российского и Германского.

Следующим последствием окончания мирового конфликта был выход на мировую арену великой неевразийской державы – Соединенных Штатов Америки, которые при Вудро Вильсоне первый раз попытались отойти от доктрины изоляционизма, но эта попытка не увенчалась успехом. Тем не менее, американское стремление выйти за рамки привычной политики резко меняло баланс сил на пространстве разрушенных Первой мировой войной четырех империй Евразии. Естественным следствием становится формирование между бывшими союзниками новой конкурентной среды за геополитическое пространство. Англия, Франция и США начали острую борьбу, в ходе которой США были вновь вытеснены на рельсы американского изоляционизма вплоть до 1941 г.

В январе 1918 г. президент США В. Вильсон выступил перед Конгрессом со своей программой мира, изложенной в 14 пунктах. Будущее России в этой программе было представлено в 6-м пункте: «Освобождение всех русских территорий и такое разрешение всех затрагивающих Россию вопросов, которое гарантирует ей самое полное и свободное действие со стороны других наций в деле получения полной и беспрепятственной возможности принять независимое решение относительно её собственного политического развития и её национальной политики и обеспечения ей радушного приема в сообществе свободных наций при том образе правления, который она сама для себя изберет» [13].

Напротив, в пункте, касающемся Турции, помимо свободного прохода через Босфор и Дарданеллы не только торговых, но и военных судов всех стран, ее суверенитет признавался только за «турецкими частями Османской империи» [8, с. 145]. Данный подход американцев к проблеме проливов согласовался с английским и был реализован в Лозаннской конвенции. Черноморские проливы попали под международный контроль и проход военных и гражданских судов разрешался для всех государств, как во время мира, так и войны в случае нейтралитета Турции. Если Республика выступала на стороне одной из воюющих сторон, то предусматривался свободный проход через проливы военных кораблей нейтральных стран.

Сопоставление взглядов американского президента на две распадающиеся империи Евразии свидетельствует о желании американского истеблишмента сохранить целостность России, но при этом через национальный вопрос фрагментировать Османскую империю. Это стремление к сохранению целостности России могло быть обусловлено экспансионистскими устремлениями Японии завладеть ресурсами Сибири в 1904 г., 1918 г. и 1941 г., когда американцы своими прямыми и косвенными действиями не позволяли Токио реализовать планы евразийской экспансии. Американская логика была связана с тем, что, завладев такими ресурсными возможностями, островная империя превращалась бы в гораздо более опасного для США конкурента, чем любая – «белая» или «красная» Россия. В отношении же Османской империи В. Вильсон, по сути, констатировал свершившийся факт распада в условиях конкуренции Англии, Франции и США, где последние пытались получить свою долю для управления регионом.

Для определения своей зоны влияния США в регион были направлены две комиссии (комиссия Кинга-Крейна и комиссия генерала Харборда). Конечной целью обеих комиссий было инициирование прямого обращения турок к США с просьбой принять их в качестве подмандатной территории.

Комиссия Кинга – Крейна была создана 22 августа 1919 г. с целью содействия стабилизации ситуации на Среднем Востоке. Впоследствии на основании ее выводов американской делегацией в Париже было предложено разделить Турцию на три разные подмандатные территории (в Стамбуле, в Армении и на других территориях) [21].

Задачей комиссии во главе с генерал-майором Джеймсом Харбордом, действовавшей по поручению президента Вильсона, была оценка целесообразности получения США мандата на Армению и Закавказье. Комиссией был сделан вывод о невыгодности и даже опасности реализации этих намерений. Необходимым условием является одновременное получение мандатов и на европейскую часть Турции с Константинополем и на всю Анатолию. Д. Харборд также акцентировал внимание на значимости контроля над Константинополем, который помимо своих экономических преимуществ (центр деловой и торговой жизни, концессий, крупнейший порт) являлся также символом власти в глазах народов Турции. Комиссия пришла к заключению, что только общий мандат, выданный на всю Турцию, оправдывает затраты на Армению [8, с. 168]. Однако проигрыш демократов на выборах предопределил отказ от этих планов.

В 1920 г. между странами Антанты с одной стороны и султанской Турцией с другой был подписан Севрский мирный договор, который узаконил крушение и раздел Османской империи и потряс всю страну. Одновременно он являлся действием, фундаментально подорвавшим власть султанской и духовной элиты в глазах всех слоёв общества, но что наиболее важно – в глазах турецких военных. Отдельные зарубежные специалисты отмечают, что данные условия мира оставили глубокий след в турецком национальном сознании, известный как «Севрский синдром» [18, р. 135]. Данный синдром напоминает современной Турции, как политика недружественного Запада может отразиться на их государственности.

В Турции началось национальное сопротивление против такого мира. В ответ Запад спровоцировал греческую интервенцию в Малой Азии, но десантная операция закончилась поражением.

Победа в освободительной войне привела к подписанию нового мирного договора – Лозаннского 24 июля 1923 г., который сформировал современные географические рамки развития Турции.

В регионе Большого Средиземноморья до 1945 г. доминировала Великобритания, которая препятствовала проникновению американских интересов. В этот период турецкая дипломатия пытается компенсировать изоляцию на Западе поворотом на Север. Кемалистская и большевистская элиты были заинтересованы во взаимном признании и поддержке. 16 марта 1921 г. в Москве был подписан Договор о дружбе и братстве между РСФСР и Турцией, по которому были урегулированы последствия Первой мировой войны: Турция уступала Батум Грузии и признавала автономию Нахичеванской области под государственным суверенитетом Советского Азербайджана. РСФСР уступала Турции Ардаганский и Карский округа. Кроме того, Россия оказывала военную и финансовую помощь новой Турции, которая в тот момент была критичной для выживания турецкой

кемалистской элиты. Руководство СССР рассчитывало на реализацию благоприятной модели функционирования Черноморских проливов на Лозаннской мирной конференции. СССР был необходим не международный, а турецкий дружественный суверенитет над этим коридором в южное подбрюшье России. Однако по итогу Турция была вынуждена согласиться с британской позицией по Черноморским проливам – они были демилитаризованы и открыты для военных кораблей всех стран.

Вопрос о проливах получил долговременное решение в 1936 г., когда состоялась конференция, которая упорядочивала новый режим прохода судов через Черноморские проливы. Этот режим с небольшими изменениями сохраняется и сегодня. 20 июля 1936 г. в Швейцарском городе Монтрё, король Болгар, президент Французской Республики, король Соединённого Королевства, король Эллинов, император Японии, король Румынии, президент Турции, король Югославии, представитель ЦИК СССР договорились о новом режиме прохода судов в Босфоре и Дарданеллах.

Конвенция Монтрё признаёт особое положение черноморских государств по сравнению с нечерноморскими. За торговыми судами всех стран сохраняется полная свобода прохода через проливы в мирное время, в военное же время турецкая сторона вправе вводить ограничения [1, с. 55 – 56].

Фактически контроль над проливами находится в руках Турции и более сильного государства или группы государств, стоящих за ней. Конвенция была направлена в тот момент против возможной геополитической экспансии СССР (России), но в то же время она была компромиссом – проливы находились не под международным, а турецким контролем, и черноморские государства получали преимущества перед нечерноморскими. В подписании конвенции из нечерноморских держав участвовали: Англия, Франция, Япония – это свидетельствует об их стремлениях вести политику в отдаленных регионах. Однако была и другая категория держав, которая не приняла участия в конференции – США и Германия.

Накануне Второй мировой войны Турция становится объектом внешнеполитических комбинаций великих держав, целью которых было втягивание Анкары в военно-политические блоки. Заслуживающим внимания является ответная внешнеполитическая стратегия руководства Турецкой Республики, которая заключалась в лавировании и заключении международных договоров с Великобританией, Францией и Германией.

Советская политика в отношении возможного военно-политического союза с Анкарой прошла два этапа. Первый – до подписания пакта Молотова – Риббентропа. В апреле-мае 1939 г. Анкару посетил первый заместитель Народного комиссариата иностранных дел СССР В. П. Потемкин, который начал переговоры в отношении возможного военно-политического союза, однако эти консультации не получили положительного результата вследствие позиции Британии и Франции, которые всячески затягивали подписание договора с СССР.

Подписанный 23 августа 1939 г. пакт Молотова-Риббентропа, который можно считать крупнейшим провалом англосаксонской дипломатии XX века, меняет переговорную позицию СССР. С этого момента Советский Союз проводит дипломатическую линию, которая должна была лечь в основу будущего договора, рассчитанную на взаимные ограниченные военно-политические обязательства в районе Черного моря и проливов. Представители СССР считали, что деятельность такого пакта не втянет страну в войну с Германией в условиях подписанного советско-германского пакта. Руководители СССР полагали, что государство вправе иметь гарантию недопуска военных кораблей нечерноморских государств через Босфор в Черное море [12, с. 65]. В создававшейся ситуации правительство Турции обратилось к своим западным политическим партнёрам. 30 сентября 1939 г. министр иностранных дел Турецкой Республики Ш. Сараджоглу встретился в Москве с послами Англии и Франции, а 1 октября были возобновлены переговоры между СССР и Турцией. Турецкая сторона отклонила предложение о заключении двустороннего пакта о взаимопомощи, сфера действия которого ограничивалась бы районами Чёрного моря и проливов. 17 октября 1939 г., после почти четырёхнедельных переговоров, Ш. Сараджоглу выехал из Москвы, а 19 октября 1939 г. был подписан союзнический договор между Турцией с одной стороны и Англией и Францией с другой.

18 июня 1941 г. Турцией был подписан договор о «дружбе и ненападении» с третьим Рейхом. 25 июня 1941 г. турецкое посольство в Москве опубликовало заявление о нейтралитете Республики [7, с. 68].

В 1920-1940-е гг. в связи с попытками Италии вернуть статус великой региональной державы баланс сил в регионе Большого Средиземноморья меняется. Итальянская стратегия в этот период, суть которой сводилась к вытеснению несредиземноморских держав из региона, была направлена, прежде всего, против Британии. Это стремление Италии поддерживала союзная Германия. Италия же, по сути, взяла курс на воссоздание под своей эгидой большого пространства в Средиземноморье.

Идеологическим обоснованием данного курса стал миф о «Средиземноморском Рисорджименто», обеспечивавший преемственность между идеей «средиземноморской судьбы» Савойской династии и имперской миссией «Третьего Рима» (провозглашенной Б. Муссолини третьей эпохи истории Рима после Рима античного и папского) [14, с. 326].

Итальянскими геополитиками был сделан значительный вклад в разработку концепции возрождения Большого Средиземноморского пространства под патронатом Италии. В основу данного Большого пространства закладывалось, прежде всего, экономическое единство, а его границы охватывали Европу, Средиземноморье, Северную Африку и Ближний Восток. Частью данной концепции стал проект создания Евроафрики – итальянская вариация «доктрины Монро», подразумевавшая установление союзнических отношений с Испанией, Турцией и арабским миром. Проект в первую очередь был направлен против Британии и Франции. В борьбе с Британией был выдвинут лозунг – «Средиземное море для средиземноморских народов».

Однако эти идеи не были реализованы вследствие победы антифашистской коалиции и дальнейшей оккупации американскими войсками территории Италии.

Вторая мировая и Великая отечественная война второй раз прославили героическую оборону Севастополя, продлившуюся 250 дней с 30 октября 1941 г. по 4 июля 1942 г. После освобождения Севастополя 9 мая 1944 г. Советская армия продвигалась на Запад, создавая фундамент для будущей – биполярной системы международных отношений.

Основы будущего послевоенного мирового порядка формировались на международных конференциях глав великих держав – Тегеранской, Ялтинской и Потсдамской. В ходе Потсдамской конференции И. Сталин сделал попытку изменения режима Черноморских проливов, установленного конвенцией Монтрё. Затем это давление продолжилось на уровне двусторонних советско-турецких отношений. Требования советской стороны в принципе сводились к тезису, который советская дипломатия продвигала в сентябре 1939 г. с расширенной интерпретацией тезиса о совместной советско-турецкой обороне Черноморских проливов и возможным созданием советской военной базы на турецкой территории. Однако «статус-кво» не был изменен.

В послевоенный период США вошли совершенно в новой роли – по всем показателям силы (военному и экономическому потенциалу, уровню технологического и культурного развития) они превосходили любое другое государство. Новое положение страны обуславливало необходимость усовершенствования американской геостратегии, в том числе в вопросе определения ключевых регионов средств влияния на ситуацию в каждом из них. При этом следует учитывать известную свободу манёвра, обеспечивавшуюся экономической мощью США. В 1950 г. на долю США приходилось 52% мирового валового продукта [15, с. 109].

Для американцев послевоенная внешняя политика СССР на Ближнем и Среднем Востоке представлялась таким образом, что фактически под его контроль попадали Турция, часть Ирана, а также достигалось доминирование в арабском регионе, что означало конец Британской империи и ставило под угрозу морские коммуникации Суэцкого канала [17, р. 295-327].

Однако взгляды американцев отличались от английских – они не собирались поддерживать колониальные претензии Великобритании в регионе. Но англичане также собирались продолжать контролировать в этом регионе экономические ресурсы, что противоречило интересам США. Особый интерес и ревность англичан вызывал контроль над добычей и поставкой нефти, они делали всё зависящее от них в Европе, чтобы не допустить американские нефтяные монополии к разработке и транспортировке ресурсов региона [16, р. 539].

В основе внешней политики США в послевоенный период лежало «сдерживание». Администрация Трумэна провела линию от Норвегии до Турции. Однако исследователи отмечали, что «сдерживание» требовало создания «силового кольца – политического, экономического, и военного – вокруг зоны советского контроля» [20, р. 106]. «Сдерживание», по словам профессора Чикагского университета, основателя теории политического реализма в международных отношениях Г. Моргентау «подразумевало постоянное размещение американских войск – постоянное использование американских ресурсов по периметру советской империи» [19, р. 7].

Ключевыми регионами в первые послевоенные годы для США были Европа, Средний и Дальний Восток. В качестве периферии были выбраны Ближний Восток и Северная Африка. Таким образом, все важнейшие приоритеты американской геостратегии были расположены по периметру зоны влияния Советского Союза, а новыми регионами геостратегических интересов США стали Средний и Ближний Восток [15, с. 186]. Проблемы эксплуатации иранских нефтяных ресурсов, претензии СССР на изменение статуса Черноморских проливов были не новы для США, они поднимались и в период войны. Новым обстоятельством было то, что в этих регионах приходилось выступать в качестве

конкурента Великобритании, которая опиралась на свой периметр обороны по линии – Суэцкий канал – подмандатная Палестина – Ирак – Йемен.

Перед Соединёнными Штатами в регионе стояло несколько задач. Необходимо было выбрать несколько государств, наиболее сильных и с военно-политической точки зрения представляющих особую ценность для США, которые могли стабилизировать регион и стать опорой и проводниками американского влияния в регионе в целом. В Восточном Средиземноморье были выбраны два государства для создания американского пояса безопасности и сдерживания СССР – Греция и Турция.

«Турецкая карта» начинает разыгрываться тремя странами-победительницами. На официальных заседаниях Совета Министров иностранных дел в 1945 г. и 1946 г., В. М. Молотовым было внесено предложение о передаче бывших колоний Германии и ее союзников в качестве подмандатных территорий под временное управление союзников, и, в частности, Триполитании – Советскому Союзу. Но это предложение вызвало возражения Дж. Бирнса и Дж. Бевина [9, с.85].

На переговорах советская сторона отстаивала тезис о том, что Чёрное море – внутреннее море, и вместе с тем не безопасное для Советского Союза, как показала последняя война. Дж. Бирнс отмечал: «На переговорах И. Сталин декларировал, что Турция является слишком слабой страной, чтобы обеспечить безопасность режима проливов, в тоже время для СССР является естественным стремление защитить своих интересы, что может быть реализовано через создание военных баз в Черноморских проливах» [17, р. 295].

19 марта 1945 г. советское правительство заявило о денонсации договора 1925 г. о дружбе и нейтралитете с Турцией, выдвинуло претензии по возвращению провинций Карс и Ардаган, а также изменению статуса проливов и совместной их обороны.

В турецкой прессе реакция на денонсацию данного договора была представлена таким образом, что турки не понимают претензий СССР и готовы дальше укреплять советско-турецкую дружбу. Однако вследствие внешнеполитических действий СССР, Турция оставляет себе право судить о том, что будут ли советские предложения способствовать развитию дружбы между странами [10, оп. 128, д.820, л. 5,12,16,17].

В 1946 г. СССР турецкому правительству были направлены две ноты. Первая – с обвинениями в нарушении конвенции Монтрё во время Второй мировой войны, вторая – с новым проектом режима проливов, основное содержание которого сводилось к следующему:

- свобода прохода торговых судов всех стран;
- свобода прохода военных судов Черноморских стран;
- проход через проливы для военных судов нечерноморских держав не допускается, за исключением особо предусмотренных случаев;
- совместная советско-турецкая оборона проливов [3, с. 169].

И. Сталину не удалось реализовать это направление внешнеполитического давления на союзников, однако представляется, что у советского лидера была другая цель – через создание давления в средиземноморском направлении получить политический выигрыш на всех восточноевропейских территориях, которые были заняты советскими войсками. Сталин создавал давление на морских коммуникациях, где Россия была традиционно слабой, и воскрешал старые западные страхи времен Екатерины II о возможном поглощении Россией всей западной цивилизации, если она получит контроль над проливами. При этом он выигрывал Восточную Европу и получал сухопутный выход в Большое Средиземноморье через выстраиваемую систему союзников.

Период с 1945 г. по 1991 г. проходит в острой конкуренции двух военно-политических и социально-экономических систем. Турция и Греция – ворота России в Большое Средиземноморье были интегрированы в западные экономические и военно-политические блоки. На оба государства была распространена «доктрина Трумэна», которая очертила линию «сдерживания» в южной Европе. И до настоящего времени Турция и Греция формируют единый юго-восточный фланг НАТО.

В ходе процесса ослабления Британской колониальной системы в 1948 г. возникает новый региональный субъект – государство Израиль, который на последующие десятилетия формирует часть региональной повестки международных отношений. Находясь во враждебном арабском и иранском окружении, еврейское государство в своем внешнеполитическом курсе ориентируется на поддержку США, формируя идеальную модель американской стратегии, когда региональные государства «одинокими» являются надежными проводниками американских национальных интересов.

СССР в этих условиях начинает реализовывать механизмы для преодоления американского сдерживания, используя региональные противоречия. В 1950-70-е гг. это удалось сделать за счет двух государств региона – Сирии и Египта.

Двусторонние отношения Сирии и Турции были осложнены изначально двумя фундаментальными проблемами: спорных территорий и распределения водных ресурсов рек Тигра и

Евфрата. Причиной территориального спора между двумя государствами стал один из крупнейших нефтяных портов Средиземноморья (порт Искендерун), переданный в июле 1939 г. Францией Турции в составе Александреттского санджака. Вторая проблема стала следствием «проекта Ататюрка» – комплекса плотин на двух основных реках региона, ставших эффективным фактором политического и экономического давления на Сирию и Ирак за счет возможности регулировать естественный ток воды в их направлении.

Траектория развития турецко-сирийских отношений после Второй мировой войны варьировалась от холодного нейтралитета до готовности государств вступить в военное столкновение, в котором Сирия рассчитывала на помощь и военно-политическую поддержку СССР. При этом, несмотря на геополитические изменения после падения Ялтинской системы, Сирия продолжает в своей внешней политике сохранять стабильный курс на более мощную нерегиональную державу, способную в случае военно-политического столкновения оказать поддержку своему союзнику в регионе. Так, после дезинтеграции СССР Россия продолжает упоминать о своих особых интересах в Сирии (базы снабжения Черноморского Флота РФ), что прослеживается и в настоящее время.

В 1950-1970-х гг. СССР смог воспользоваться возникшими противоречиями между Египтом и в первую очередь Британией и Францией. Между двумя государствами были заложены фундаментальные отношения в экономической и военно-технической сферах, что позволило воспринимать данную ситуацию как прорыв американской системы «сдерживания» [6, с. 471]. При Гамаль Абдель Насере сотрудничество между СССР и Египтом приобрело масштабный характер. Поставки советского оружия на Ближний и Средний Восток воспринимались на Западе крайне нервно, особенно в Лондоне, который все еще пытался удержать своё влияние в ключевых районах региона. В ответ в Вашингтоне была выдвинута «доктрина Эйзенхауэра», направленная против распространения советского влияния в регионе.

С начала 1960-х гг. Советский Союз приступил к новому этапу реализации своей военно-морской стратегии, выражавшейся в присутствии в важных регионах мира, исходя из защиты своих стратегических, оперативных и экономических интересов. Средиземное море объединяло все три измерения советских интересов. В 1967 г. было сформировано первое в истории нашего флота оперативное объединение 5-я эскадра кораблей ВМФ [4]. Эскадра функционировала вплоть до периода дезинтеграции советской державы. Задачи эскадры сводились к противодействию 6-му флоту США и других ВМС стран НАТО, поддержке и военной помощи союзникам и дружественным странам. Базировались корабли эскадры в точках якорных стоянок, которые располагались в Египте (Александрия, Порт-Саид, Матрух), Сирии (Латакия, Тартус), Югославии, Алжире и Тунисе.

В составе Средиземноморской эскадры в невоенное время находились три-пять атомных подводных лодки, бригада дизельных подводных лодок (8-10 единиц), бригада (8-12 единиц) надводных боевых кораблей океанской зоны действия, отряд десантных кораблей с батальоном морской пехоты на борту, отряд кораблей спецназначения и вспомогательных судов (15-20 единиц). Если происходило обострение, эскадра оперативно усиливалась за счет Балтийского, Северного и Черноморского флотов ВМФ СССР.

Распад СССР меняет глобальную и региональную расстановку сил. Российская Федерация отступает из Средиземноморского региона и стремительно теряет влияние в Черном море. В 1991 г. за счет парада суверенитетов бывших союзных республик Россия теряет почти всю береговую линию Черного моря. Американское геополитическое давление продолжилось через окружение России санитарным кордоном из бывших союзных республик через различные интеграционные проекты в рамках экономической и военно-политической экспансии западной цивилизации.

До 1997 г. под вопросом стоит само пребывание Черноморского флота в г. Севастополе и Крыму. Заключенный в 1990 г., еще в период существования СССР, договор РСФСР и УССР не соответствовал политическим реалиям, и проблема Черноморского флота и Севастополя оставалась главным источником напряжения межгосударственных отношений Российской Федерации и Украины [11, с. 285]. Определенное время ЧФ РФ выходил в море под флагом уже несуществующей державы – СССР, а слабость РФ и компрадорский шлейф государственной элиты позволили его руководству начать проработку идеи о ненужности Черноморского флота. Однако президентские выборы 1996 г. и просчитанные администрацией Б. Ельцина имиджевые потери не позволили полностью отказаться от функционирования Черноморского флота.

После длительных украинско-российских консультаций на разных уровнях 28 мая 1997 г. между сторонами был реализован «пакетный принцип» в ряде соглашений: «О статусе и условиях пребывания ЧФ РФ на территории Украины», «О параметрах раздела Черноморского флота», «О взаиморасчетах, связанных с разделом Черноморского флота и пребывания ЧФ России на территории Украины». А уже 31 мая 1997 г. был подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Украиной и

Россией. Соглашения по ЧФ РФ заключались сроком на 20 лет с возможностью пролонгации. В целом подписанный пакет договоров был проявлением системы взаимных уступок и компромиссов и открывал перспективы развития двусторонних российско-украинских отношений. Однако именно пакетный принцип ставил в будущем пролонгацию договора о пребывании ЧФ РФ в зависимость от Договора о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Украиной и Россией.

Волна цветных революций на постсоветском пространстве, начавшаяся в 2003 г. с революции роз в Грузии, открыла новый этап геополитического наступления на Россию. Его целью было вытеснение России на Северо-Восток Евразии – в геополитические пустоши, где будет максимально затруднено демографическое, экономическое и иного вида воспроизводство.

Показательно, что основная борьба за выживание российского государства в XIX-XX вв. разворачивалась по линии между 30 и 40 градусами северной широты. В этом контексте основной задачей англосаксов является вытеснение российских интересов на север, так как этим будут созданы естественные условия, которые будут способствовать прекращению демографического роста, а после этого наступит «медленное вымирание русского этноса» [2, с. 89]. Однако сейчас данная конкуренция разворачивается на линии между 40 и 50 градусами северной широты [5, с. 105]. В условиях относительной слабости России в сравнении с ресурсными возможностями СССР, РФ начинает в регионе опираться на государства, региональные интересы которых совпадают с подходами Москвы. На протяжении первого десятилетия XXI в. в регионе Большого Средиземноморья таким государством становится Турецкая Республика.

С точки зрения геополитической методологии после дезинтеграции СССР Россия утратила свою субъектность в Средиземноморском регионе и стремительно ее теряла в Черноморском бассейне. Исторической точкой поворота стали пятдневный российско-грузинский конфликт в августе 2008 г. и возвращение Крыма в 2014 г.

В первое десятилетие XXI в. российские геополитические интересы в Черноморско-Средиземноморском регионе формируются исходя из следующих возможностей и механизмов.

Во-первых, в Черноморском регионе современные интересы России базируются на недопущении экспансии нерегиональной державы (США) или экспансии и расширении враждебного военно-политического блока, что достигалось ранее и на современном этапе, несмотря на российско-турецкий конфликт, за счет раздела сфер влияния с Турецкой Республикой.

Во-вторых, в Средиземноморском регионе современные интересы России имеют более сложную задачу в силу ограниченности ресурсов и основаны на сохранении остаточного от СССР влияния с формированием благоприятного для себя баланса сил.

В обоих регионах субъектом, который является одновременно конкурентом и партнером России является Турецкая Республика. Ключом для России в Средиземноморский регион является также Турция, и Турция одновременно может являться «пробкой», закрывающей Россию в Черном море. Конвенция Монтрё 1936 г., регламентирующая пропускной режим через Черноморские проливы, действует до сих пор. В 1994 г. Турция дополнила ее экологическими статьями, которые на время создали трудности в экспорте российской нефти через Босфор и Дарданеллы, создав длинную очередь из российских танкеров. Параллельно Запад и Турция лишили Россию монополии на транспортировку углеводородов постсоветского пространства через трубопроводный проект «Баку-Джейхан». По сути «конвенция Монтрё» оставляет под контролем проход из Средиземного моря в Черное и обратно в руках Турции или более сильной державы стоящей за ней. Однако, исходя из уровня субъектности России в современном мире, данная конвенция отвечает её интересам.

Современная Анкара реализует двухуровневую модель внешней политики. На верхнем (глобальном) уровне она сохраняет ориентацию на США, на нижнем (региональном) – совершает попытки реализации своих национальных интересов, которые могут противоречить современным интересам Вашингтона. Даже на региональном уровне интересы Анкары и Москвы постоянно сталкиваются: турецкая концепция лидерства в суннитском исламском мире потенциально угрожает целостности России, интеграционная активность Турции в рамках Совета сотрудничества тюркоязычных стран противоречит российским интересам на Южном Кавказе и в Средней Азии, турецкая политика на Ближнем Востоке, а особенно по сирийской проблеме, несовместима с российскими внешнеполитическими подходами. Примером сотрудничества выступает только совместное блокирование экспансии США в Черноморско-Каспийском регионе. Таким образом, в геополитическом пространстве Россия и Турция имеют очень узкий сегмент совместных интересов, ограничивающийся как раз Черноморским регионом. Этим узким пространством совместных интересов могут быть объяснены «быстрые договорённости» двух элит по Крыму в 2014 г. Для Турции переход Крыма под юрисдикцию России – это существенно меньший ущерб, чем появление американских баз в бухтах Севастополя. Это же относится к вопросу интеграции Украины и Грузии в

НАТО. Турция на эмоциональном уровне может поддерживать расширение Евроатлантического блока на Черноморский регион, но на уровне реальной политики и геополитических интересов Турции – это неприемлемый для Анкары сценарий.

В период 2000-2014 гг. американо-турецкие отношения выявили противоречия, которые негативно влияют на климат двусторонних отношений и, с другой стороны, формируют рамки геополитических возможностей для России.

Во-первых, американская экспансия перешла линию «сдерживания», где Турция была её юго-восточной границей. Такое положение было крайне выгодным для Анкары, так как делало её эксклюзивным проводником американских интересов вглубь Евразии. Поэтому расширение НАТО на Восток за счет южных государств Балто-Черноморской дуги представляет для Турции сразу два вида ущерба. Первый связан с тем, что Турция теряет ту самую эксклюзивность в западной системе безопасности, которой она обладала всё время на протяжении «холодной войны». Второй связан с тем, что за счет новых членов НАТО в Черном море, например Украины и Грузии меняется баланс сил в регионе и расширяются возможности США влиять на регион, который Анкара традиционно считает своим задним двором и готова делиться властью в нем только с традиционной региональной державой – Россией.

Во-вторых, американская политика в отношении Большого Ближнего Востока на протяжении более чем десяти лет проводится с помощью разыгрывания курдского фактора, что противоречит фундаментальным интересам государства, так как в максимальном варианте угрожает целостности современной Турции.

В-третьих, начиная с агрессии США в Ираке в 2003 г., Анкара показала, что она не готова поддерживать военно-политические акции Вашингтона, которые противоречат её национальным интересам. Возникла проблема нестыковки блоковых и национальных интересов.

В-четвертых, с начала 2000-х гг. и на протяжении длительного времени турецкая внешняя политика проводилась в рамках доктрины «Стратегической глубины», реализация которой неизбежно сталкивала Анкару и Вашингтон. Эта доктрина была выдвинута прежним Министром иностранных дел Республики А. Давутоглу. Она направлена в первую очередь на формирование блока региональных союзников из числа стран, ранее входивших в состав Османской империи – Египта, Ирака, Туниса, Алжира, Ливии, Азербайджана, а также Сирии (в турецком понимании только после возможного смещения Башара аль-Асада) и других государств, которые на современном этапе примут Турцию в качестве своего лидера. Формирование данного блока носит превентивный характер и инициируется противодействия антитурецкой коалиции в составе Республики Кипр, Греции, Сербии, Армении, Израиля и, возможно, России. Причем с учетом ускорения политического процесса и внешнеполитической динамики набор союзников и противников Анкары будет варьироваться.

Содержанием «Стратегической глубины» по А. Давутоглу, которого часто называют «турецким Киссинджером», является вынесение вглубь турецкой территории стратегически важных центров развития государства за счет воссоздания османского пространства, то есть, по сути, речь идет о пересборке новой, усеченной Османской империи на основе новых смыслов. Важной составляющей доктрины А. Давутоглу является тезис о «нулевых проблемах» с ближайшими соседями. Однако само содержание наступательной внешней политики Турции противоречит её естественному последствию – отсутствию разногласий с соседями. Таким образом, программа «нулевых проблем» должна рассматриваться не как процесс, сопровождающий турецкую экспансию, а как цель, которая будет достигнута после завершения реализации «Стратегической глубины». По сути, она означает смещение на неоосманском пространстве неугодных Турции политических режимов или отдельных государственных лидеров.

Геополитическая составляющая, которая ограничивает военно-политическую активность Анкары в регионе, основывается на тезисе генерального штаба Турции – «Республика должна избегать одновременного участия в двух с половиной войнах, то есть с Грецией и Сирией и внутри государства с курдами, соответственно». При таком внешнеполитическом ограничении Турция может проводить активную внешнюю политику в южном направлении лишь при стабилизации и замораживании угроз с севера Евразийского континента. Данная цель до 2015 г. реализовывалась в разделении сфер влияния с Россией.

Умеренные турецкие исламисты выдвинули на первое место и существенно трансформировали свои внешнеполитические приоритеты на Ближнем и Среднем Востоке, делая их центром своих геополитических интересов, в том числе, за счет:

- формирования имиджа лидера мусульманского суннитского мира, за счет конфронтации с Израилем и отхода от кемалистской модели развития;

- углубления регионального альянса с Египтом (турецкие инвестиции в туристический сектор, военно-техническое и военно-политическое сотрудничество);
- сохранения активной роли турецких ВМС и общественных движений в квазиреволюционных событиях на Ближнем Востоке в ходе Арабской весны.

Исходя из логики применения геополитического подхода, можно заметить, что современные механизмы реализации российских интересов в Черноморском регионе противоречат этим же механизмам в Средиземноморском. Иными словами, защищая свои интересы в Сирии в Средиземноморском регионе, Россия ставит под сомнение, отвечающим интересам двух региональных держав, раздел сфер влияния в Черноморском, шире Черноморско-Каспийском регионе. Вторгнувшись в турецкое ближнее зарубежье, Россия спровоцировала зеркальную деятельность Турции в российском ближнем зарубежье – формирование турецко-украинского военно-политического союза, который будет иметь и крымское измерение, и размораживание армяно-азербайджанского конфликта в Нагорном Карабахе. Представляется, что действия Анкары в данном направлении в ближайшее десятилетие будут иметь наступательную логику соизмеримую с российскими действиями в Средиземноморье. Такой сценарий выйдет из латентного формата при ослаблении давления США на регион Большого Ближнего Востока. Столкновение же доктрины «Стратегической глубины» и американского плана «Большой Ближний Восток» практически блокировали реализацию друг друга, сформировав рамки российских геополитических возможностей в регионе.

В 2014 г. Россия, возвратив суверенитет над Крымом и Севастополем, смогла повысить свой уровень субъектности в регионе Большого Средиземноморья, который ранее ограничивался арендным статусом Севастопольской военно-морской базы. Россия вышла на те же линии обороны и продвижения своих интересов, которые появились у нее в Черноморско-Средиземноморском регионе в 1783 г.

Анализируя более чем 235-летнее присутствие России в Большом Средиземноморье, можно выделить ключевые проблемы.

Первым по значимости вопросом является режим функционирования Черноморских проливов. Для России Босфор и Дарданеллы являются воротами в регион Большого Средиземноморья, в то же самое время через проливы возможности державы могут быть заблокированы в Черноморском бассейне и, наконец, через них к берегам России могут быть доставлены значительные враждебные силы. Самый благоприятный режим был достигнут в 1833 г. в результате подписания Ункяр-Искелесийского мирного договора, когда Российская империя могла спокойно проводить свои корабли на Запад Большого Средиземноморья и при этом перекрывать проливы в случае возникновения опасности. По сути, речь шла о совместной обороне проливов. Самая неблагоприятная модель функционирования Черноморских проливов для России и, следовательно, благоприятная для Британии была реализована в результате подписания Лондонской конвенции в 1841 г. По ней проливы попадали под «международный контроль» путем реализации так называемого древнего правила Османской империи, согласно которому Босфор и Дарданеллы объявлялись в мирное время закрытыми для военных кораблей всех стран. Конвенция в дальнейшем позволила успешно реализовать объединенному Западу крымскую кампанию и лишить Россию возможностей военно-морского присутствия в регионе. В 1923 г. Англией была реализована схожая по условиям с Лондонской Лозаннская конвенция, которая ставила Черноморские проливы под международный контроль и разрешала проход военных кораблей для всех держав во времена мира и войны.

Действующая с 1936 г. с небольшими изменениями до сегодняшнего дня конвенция Монтрё является, по сути, компромиссом между этими двумя крайними моделями. По ней черноморские державы имеют приоритет над нечерноморскими государствами. Так, при условии предварительного уведомления Турции, черноморские державы имеют право свободно проводить свои военные корабли через проливы. В то же время нечерноморские державы имеют право проводить корабли в Черное море сроком не более чем на 21 сутки и их тоннаж не должен превышать 30 тыс. тонн с возможностью повышения тоннажа до 45 тыс. тонн. В случае войны, турецкое руководство может перекрывать проливы. В 1936 г. конвенция Монтрё отражала *modus vivendi*, по которому И. Сталин сделал попытку пересмотра сразу же после окончания Второй мировой войны. Советский лидер продвигал модель совместной советско-турецкой обороны проливов, то есть, по сути, возвращение к Ункяр-Искелесийской модели.

В настоящее время, конвенция Монтрё в условиях геополитического наступления Запада выгодна России, так как позволяет ограничить его морскую экспансию в Черноморском регионе, в то же самое время при условии дружественной Турции, позволяет перебрасывать свой ВМФ из Черного в Средиземное море.

Вторым центральным вопросом являются взаимоотношения в треугольнике России-Турции-Запада. На протяжении исследуемого периода Россия и Турция неоднократно находились в состоянии войны (12 русско-турецких войн: 1569, 1672-1681, 1686-1700, 1710-1713, 1735-1739, 1768-1774, 1787-1791, 1806-1812, 1828-1829, 1853-1855, 1877-1878, 1914-1917), но и при этом прослеживались периоды беспрецедентного сближения двух региональных держав. Исходя из исторического опыта, Турция и Россия обречены быть как конкурентами, так и союзниками. Причем переход от одного статуса отношений к другому может происходить в весьма короткие периоды. Самая неблагоприятная модель в треугольнике Россия-Турция-Запад, прослеживается, когда коллективный Запад или наиболее сильная его держава вступает в военно-политический и экономический союз против России. Показательным примером здесь является Крымская война. Обратные исторические модели формировали ось Турции и России: Ункяр – Искелесийский период, союз большевиков и кемалистов, альянс В. Путина и Р. Эрдогана на современном этапе. Во всех случаях в основе российско-турецкого сближения лежала прямая, либо завуалированная экспансионистская политика Запада в отношении двух региональных держав.

Третья проблема – продвижение России на Запад и обратная тенденция – продвижение Запада вглубь евразийского континента. Вернее, выявление внешних и внутренних условий, при которых Россия успешно продвигалась в западном направлении и при которых она отступала и теряла собственные пространства. В рассматриваемых двух периодах 1783-1920 гг. и 1920-2014 гг. формируется достаточно подвижная граница в рамках Балто-Черноморской дуги, которая смещается на Запад в периоды относительной его слабости и силы России и наоборот. Таким образом, для России Крым и Севастополь являются юго-западным форпостом и точкой экспансии одновременно в регионе Большого Средиземноморья. Западные элиты, а особенно та часть её истеблишмента, которая оперирует морской стратегией, видели в продвижении России к Черноморским проливам угрозу дальнейшего полного поглощения Европы.

Однако в период 1783-1920 гг. заметны значительные успехи России, особенно в период правления Екатерины II, которая решила три фундаментальные задачи российской внешней политики: окончательное закрепление на прибалтийских берегах, присоединение украинских и белорусских земель за счет разделов Польши и получение выхода к Черному морю. По большому счету это была одна задача в рамках уже упомянутой Балто-Черноморской дуги. Успехи императрицы были связаны с разделенностью и разобщенностью Запада, когда Британия и Франция соперничали за мировое господство в период с 1688 г. по 1815 г. Однако ответом того же Запада на успешное продвижение России в Большом Средиземноморье было создание общеевропейской антироссийской коалиции и Крымская война. Отстранив Россию от европейских дел, Британия также получила инициативу в Центральной Азии. Таким образом, ко второй половине XIX в. сформировалась Балто-Черноморско-Центрально-азиатская дуга – зона острой конкуренции между Западом и Россией, которая остается актуальной и в настоящее время. По большому счету Россия в этот исторический период смогла продвигать свои интересы и формировать Большое российское пространство за счет разделенности западной цивилизации.

В период существования СССР его элита получила те же линии противостояния с Западом, что и Российская империя, однако преимуществом советской системы была меньшая технологическая и экономическая зависимость за счет стремления к созданию автаркичного пространства. С этим связаны успехи СССР в продвижении в регионе Большого Средиземноморья. Однако в этот исторический период Москва столкнулась с позицией консолидированного Запада в ходе холодной войны. В совокупности со слабостью советской элиты это было основной причиной поражения в холодной войне и дезинтеграции СССР. При этом процессе пространственные потери России были колоссальными – подвижная граница в рамках Балто-Черноморской дуги сдвинулась на Восток к границам начала XVI в. Восстановление российского суверенитета над Крымским полуостровом и Севастополем стратегически отыграло часть потерянного в ходе дезинтеграции СССР пространства, но по-прежнему стоит проблема возрождения большого российского пространства, что выводит нас на пласт экзистенциальных вопросов, связанных с необходимостью системной модернизации Российской Федерации и сводится в итоге к конкуренции на постсоветском пространстве интеграционных проектов: России, США, Германии, Польши и Китая. Получение возможностей для более независимой политики в Большом Средиземноморье после присоединения Крыма является одним из направлений возрождения России. Ограничителями в проведении такой политики являются два фактора – современная уязвимая экономическая модель России и возможная совместная консолидация Запада и Турции на антироссийской основе, как следствие такой внешней политики.

Список литературы

1. Акгюн, М. Черноморские проливы: незримые связи / М. Акгюн // Российско-турецкие отношения: история, современное состояние и перспективы. – М.: ИВ РАН, 2003. – С. 43-75.
2. Вандам (Едрихин), А. Е. Геополитика и геостратегия / А. Е. Вандам (Едрихин). – М.: Кучково поле, 2002. – 272 с.
3. Внешняя политика Советского Союза – М.: Издательство политической литературы, 1952. – 836 с.
4. Заборский, В. Советская Средиземноморская эскадра / В. Заборский // Независимое военное обозрение. – 13.10.2006.
5. Ирхин, А. А. Геополитические цикл Евразии и национальные интересы Украины / А. А. Ирхин. – Севастополь: Ребэст, 2011. – 293 с.
6. Киссинджер, Г. Дипломатия: Пер. с англ. / Г. Киссинджер. – М.: Ладомир, 1997. – 848 с.
7. Корхмазян, Р. С. Турецко-Германские отношения в годы Второй мировой войны / Р. С. Корхмазян. – Ереван: Издательство АН Армянской ССР, 1977. – 186 с.
8. Миллер, А. Ф. Турция актуальные проблемы новой новейшей истории / А. Ф. Миллер. – М.: Наука, 1983. – 277 с.
9. Нарочницкая, Н. А. Старый «Восточный вопрос» в новой англосаксонской политике / Н. А. Нарочницкая // Международная жизнь. – 2001. – №8. – С. 75-89.
10. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории. Ф.17. Оп. 128. Д. 820, 1199.
11. Усов, С. А. Проблема Черноморского флота и Севастополя в условиях распада Российской империи и СССР / С. А. Усов. – Севастополь. – 2003. – 382 с.
12. Черников, И. Ф. В интересах мира и добрососедства: советско-турецкие отношения в 1935-1970гг. / И. Ф. Черников. – Киев: Наукова думка, 1977. – 198 с.
13. Четырнадцать пунктов Вильсона. - URL: [http:// dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/321462/](http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/321462/) (дата обращения: 12.09.2018).
14. Шепелев, М. А. Журнал «GEOPOLITICA» и становление итальянской геополитической школы / М. А. Шепелев // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. – 2017. – С. 325-328.
15. Юрченко, С. В. Геостратегия США в процессе становления глобальной державы: Дис... док. пол. наук: 23.00.04 / С. В. Юрченко. – К., 2001. – 430 с.
16. Berle, A. Navigation the Rapids 1918-1971 / A. Berle. - New York: Harcourt brace Jovanovich inc. – 1973. – 859 p.
17. Byrnes, J. F. All in one lifetime / J. F. Byrnes. - New York: Harper and Brothers Publishers, – 1958. – 432p.
18. Lerrabe, S. F. Turkish foreign policy in Age of Uncertainty / S. F. Lerrabe, I. O. Lesser - “RAND”, 2003. – 239p.
19. Morgenthau, H. J. The Crisis of American Foreign Policy / H. J. Morgenthau, - Univ. of Conn. Press, 1960. – 20 p.
20. Reitzel, W. United States Policy. 1945-1955 / W. Reitzel, M. Kaplan, C. Cobleuz. - N.Y.: Harper, 1968. – 316 p.
21. The King-Crane Commission Report, August 28, 1919, Confidential Appendix. - URL: [http:// www.hri.org/docs/king-crane/appendix](http://www.hri.org/docs/king-crane/appendix) (дата обращения: 12.09.2018).

Статья поступила в редакцию 12.10.2018

Irkhin, A. A., Nelina, L. P., Chikharev, I. A. Russia and the Mediterranean Macro-Region (1920-2014)

The article analyzes the geopolitical situation in the Mediterranean macro-region since the establishment of the Versailles-Washington system of international relations until 2014. Special attention is paid to the analysis of Russia's strategic interests in the region, primarily related to the consolidation of the most favorable regime of the Black Sea straits, the various functioning models of which are also considered in detail. The conclusion is made about the decisive role of relations with the Republic of Turkey in the process of realizing the strategic interests of Russia both in the Mediterranean macro-region as a whole and in its individual components.

Keywords: Mediterranean-Black Sea region, Mediterranean macro-region, regime of the Black Sea straits, Montreux convention, Russian-Turkish relations.

УДК [327(5-15):355.322(470+571)]”19/20”

В статье рассматривается трансформация форматов взаимодействия геополитических акторов в районе Восточного Средиземноморья в исторической ретроспективе. Основное внимание уделено анализу политики СССР и России по защите в этом районе своих национальных интересов. Авторы приходят к выводу, что России в интересах обеспечения безопасности своей территории от угроз со стороны группировок военно-морских сил США и НАТО необходимо на постоянной основе осуществлять свое геостратегическое присутствие в бассейне Средиземного моря. Отмечается, что оперативные возможности постоянного Оперативного соединения ВМФ РФ в Средиземном море серьезно улучшились после заключения с сирийской стороной договора о создании и использовании Россией военно-морской базы в сирийском порту Тартус.

Ключевые слова: Восточное Средиземноморье, Черноморский флот, Сирия, угрозы безопасности территории России, военно-морская база в порту Тартус.

А. В. Мартынкин, доцент, канд. ист. наук

Филиал МГУ имени М. В. Ломоносова в г. Севастополь

E-mail: Martynkin.A.V@mail.ru

А. М. Канах, доцент, канд. полит. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: ammar.qanah@gmail.com

ЧЕРНОМОРСКИЙ ФЛОТ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКО-СИРИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Территория современной Сирийской Арабской Республики с древних времен имела важнейшее стратегическое значение для сменявших друг друга с течением времени геополитических соперников. По сути, эта территория являлась воротами на Ближний и Средний Восток или транзитным коридором между державами бассейна Средиземного моря и государствами Междуречья, Среднего Востока и Центральной Азии, а также важным элементом торговых путей из Китая и Индии в Средиземноморье.

С XXIII века до н.э. эта территория последовательно завоевывалась аккадцами, хананеями, хеттами, гиксосами, египтянами, армянами, арамеями, ассирийцами, вавилонянами, персами. Именно на территории Сирии в 333 г. до н.э. войска Александра Македонского разбили армию персидского царя Дария III и начали победоносное шествие по державе Ахеменидов. В III-II вв. до н.э. эта территория стала ареной шести так называемых Сирийских войн между наследниками молниеносно, по историческим меркам, возникшей и столь же молниеносно исчезнувшей державы Александра Великого – Селевкидами и Птолемаями. Полководцы Великого Рима сражались за контроль над этими землями с армиями Селевкидов, Великой Армении, Парфянского царства. Византийские армии одерживали на этих землях блестящие победы и терпели сокрушительные поражения в борьбе со своим традиционным геополитическим соперником – Сасанидской империей. В VII веке в спор этих сверхдержав раннего средневековья вмешались арабы, в течение трех лет (636-639 гг.) покончившие с византийским господством в Сирии, а в 642 г. поставившие точку в истории Сасанидской империи, разгромив в битве при Нехавенде последние значимые силы сасанидов. Ранее, в 639-641 гг. арабы полностью подчинили себе византийский Египет, что позволило им взять под контроль основные торговые пути в Восточном Средиземноморье. В итоге, уже в 661 г. главный и древнейший город региона Дамаск стал столицей халифата Омейядов. В X-XI веках значительная часть территории современной Сирии попала под власть турок-сельджуков. В XI-XIII веках она стала ареной и целью крестовых походов, пока в 1173 г. курд Салах эд-Дин (Саладин) не захватил Дамаск, а в 1187 г. – Иерусалим, и не основал свою династию – династию Айюбидов. В 1303 г. крестоносцы вынуждены были покинуть свой последний оплот в Сирии – крепость на острове Арвад (рядом с современным сирийским портом Тартус). До начала XVI века сирийские земли попали под власть египетских мамлюков, которые, хоть и смогли защитить собственно Египет от монгольского нашествия, однако сирийские земли оборонить от них не смогли. Не обошел эти земли своим вниманием и знаменитый самаркандский хромец Тамерлан, в 1401 г. захвативший и разграбивший Дамаск. В начале XVI века египетские мамлюки были разгромлены турками-османами, и победоносный Селим I Явуз (Грозный) подчинил Османской империи не только сирийские земли, но и сам Египет. После этого практически ровно 400 лет (с 1516 г. по 1917 г.) сирийские земли находились в составе Османской империи.

Учитывая относительную близость к центру империи, а также тот факт, что жители Алеппо, Дамаска и других сирийских городов в XVI веке встречали османские войска как освободителей, неудивительно, что практически все эти годы население было, в целом, лояльно Стамбулу. Важно учитывать также, что территория современной Сирии не была в составе Османской империи единым административным пространством, а была разделена между Дамасским, Бейрутским и Халебским (Алеппским) вилайетами, а восточные земли современной Сирии (округа Дейр аз-Зор и Джазира) входили в состав Мосульского вилайета, основная часть которого вошла позднее в состав Ирака [7, с. 7-8].

Еще в ходе Первой мировой войны, в которой Османская империя вместе со своими союзниками потерпела поражение и перестала существовать, за земли восточного побережья Средиземного моря развернулась борьба между будущими победителями – Францией и Великобританией, в которую, правда в то время не очень удачно, пытались вмешаться и США. Первые результаты этой борьбы были сформулированы в так называемом соглашении Сайкса-Пико, названном так в честь дипломатов Великобритании и Франции – Марка Сайкса и Франсуа Жорж-Пико. В соответствии с соглашением, составленным в 1916 г., Великобритания и Франция получали бывшие арабские территории Османской империи как в свое непосредственное управление, так и создавали свои зоны влияния, позволявшие им контролировать большую часть торговых путей, а также будущих нефтепроводов от нефтеносных районов Персидского залива к Средиземному морю. России были обещаны территории на юго-восточном побережье Черного моря и контроль Черноморских проливов. Позднее Италии предполагалось передать собственно турецкие территории на побережье Эгейского моря. Однако революция в России, публикация соглашения, национально-освободительная борьба турецкого народа под руководством харизматичного генерала Мустафы Кемаля, политика США, также стремившихся получить под свой контроль стратегически важные пути на перекрестке трех континентов, не позволили реализовать это соглашение. На смену ему пришла мандатная система, предложенная президентом США В. Вильсоном. Однако и при реализации этого проекта США не удалось получить контроль над какими-либо территориями на Ближнем Востоке, так как Великобритания и Франция в кулуарах Лиги наций добились решения в свою пользу.

Надо сказать, что к этому времени восточное побережье Средиземного моря стало еще более важным со стратегической точки зрения, так как находилось на перекрестке не только традиционных торговых путей между Европой, Азией и Африкой, но и путей транспортировки нефти из региона Персидского залива в Европу. И поэтому здесь развернулась серьезная борьба между бывшими союзниками в Первой мировой войне – Великобританией и Францией. Эта борьба обострилась после открытия 14 октября 1927 г. в районе иракского города Киркук богатейшего нефтяного месторождения Баба-Гургур. 31 июля 1928 г. между владельцами «Ирак петролеум компани» (в 1912-1929 гг. – «Туркиш петролеум компани»), британской «Англо-персидской нефтяной компанией» (в настоящее время «Бритиш петролеум»), англо-голландской «Ройал Датч Шелл», французской «Компани Франсез де Петроль» (в настоящее время «Тоталь»), группой американских компаний во главе со «Стандарт Джерси» (в настоящее время «Эксон») и «Сокони» (в настоящее время «Мобил»), а также известным британским нефтяным магнатом К. С. Гульбенкяном было заключено так называемое «Соглашение о красной черте», которое оговаривало их совместную деятельность в Ираке, европейской части Турции, в Малой Азии, на Аравийском полуострове (кроме Кувейта), в Сирии и Палестине. Соглашение предусматривало «бездоходный» статус концерна при добыче нефти в Ираке: компании оплачивали издержки добычи и транспортировки при получении нефти танкерами на побережье Средиземного моря, чтобы избежать двойного налогообложения. Между Францией и Великобританией развернулась конкуренция за право постройки нефтепровода по подконтрольной именно им территории. Франция, крайне заинтересованная в скорейшей разработке иракских месторождений в надежде достижения «нефтяной самообеспеченности», предполагала выход нефтепровода из района Киркука на побережье находившихся под ее мандатом Сирии или Ливана (через территорию Сирии). Великобритания, имевшая и другие источники поставок нефти, не спешила форсировать разработку иракских месторождений и настаивала на прохождении нефтепровода из Киркука на побережье находившейся под ее мандатом Палестины через союзную и зависимую от нее Трансиорданию [1, с. 9-14]. Кстати, благодаря «Соглашению о красной черте», США и американские монополии впервые закрепились в Ираке и начали продвижение своих экономических интересов на Ближнем и Среднем Востоке, а позднее англо-американские корпорации добились фактически монопольного права добычи нефти на Ближнем и Среднем Востоке и обеспечили себе возможность контроля и эксплуатации крупнейших углеводородных ресурсов в мире. Пытаясь сохранить эту возможность, Великобритания и США

постепенно навязали народам региона и свое политическое господство, широко применяя как тактику организации переворотов, так и прямое использование военной силы.

Для Великобритании контроль над транзитным путем из Ирана и Ирака, где находились объекты нефтедобычи британских компаний, был жизненно необходим. Поэтому планировалось построить не только нефтепровод из Северного Ирака до палестинского порта Хайфа, но и железную дорогу Багдад – Хайфа, параллельно этому нефтепроводу. Это позволило бы эффективно контролировать нефтепровод, защищать его в случае возникновения угрозы и в кратчайшие сроки устранять возникающие неисправности. К тому же, железная дорога значительно сокращала прохождение грузов из Британской Индии в Средиземное море. Хайфа же должна была стать одной из основных военно-морских баз Великобритании в восточной части Средиземного моря, имеющей, к тому же, источник бесперебойного снабжения флота нефтепродуктами [1, с. 13-14]. О важности транзита через Восточное Средиземноморье для снабжения Великобритании из Индии и с нефтепромыслов в северной части Персидского залива свидетельствует то, что стратегический план летнего наступления 1942 г. немецко-фашистских войск и их союзников предусматривал, кроме выхода на Кавказ и изоляции СССР от донецкого угольного бассейна и бакинских нефтепромыслов, блокирование Александрии, захват Каира, установление германско-итальянского контроля над Суэцким каналом и выход к Сирии и Ираку с целью изоляции Великобритании от Индии и нефтяных промыслов Ближнего и Среднего Востока.

После Второй мировой войны, в результате развала британской колониальной системы, потери контроля над Индией (1947 г.) и над Палестиной (1948 г.), интересы Великобритании изменились. Теперь они заключались в продолжении контроля над важнейшей транзитной артерией из Индийского океана в Средиземное море – Суэцким каналом и поддержанием ее коммуникаций к востоку от Суэца.

Этим интересам сокрушительный удар нанесла антимонархическая революция 1952 г. в Египте, осуществленная в форме военного переворота, приведшего к власти в стране членов организации «Свободные офицеры». Эта революция, а еще более, последовавшая вскоре национализация египетским правительством Суэцкого канала (1956 г.) кардинально изменили геополитическую картину Восточного Средиземноморья.

Дело в том, что в регионе все более активно стали продвигать свои интересы новые геополитические игроки – США и СССР, а Великобритания и Франция стали терять свое влияние.

С арабскими странами Восточного Средиземноморья СССР установил дипломатические отношения еще в ходе Второй мировой войны. С Египтом – в 1943 г., с Сирией и Ливаном – в 1944 г. [2, с. 7]. Первые попытки принять участие в геополитической борьбе в этом регионе были предприняты СССР уже в 1945 г., когда СССР направил в адрес правительств Франции, Великобритании, США и Китая ноту протеста, решительно осуждавшую применение Францией своих вооруженных сил в Сирии и призывавшую срочно прекратить военные действия и решить все спорные вопросы мирным путем [7, с. 73]. В 1946 г. советский представитель в СБ ООН решительно выступил за скорейший вывод английских и французских войск с территории Сирии и Ливана [2, с. 7]. Как видно, интересы СССР в регионе в этот период состояли в ослаблении позиций традиционных колониальных держав.

Интересы США в этот период в какой-то степени совпадали с советскими, в том смысле, что они тоже были заинтересованы потеснить Великобританию и Францию в регионе. Но у США были в регионе не только политические, но и далеко идущие экономические планы, в которые британские и французские конкуренты не очень вписывались. Как уже говорилось выше, еще до Второй мировой войны нефтяные монополии США были владельцами значительной доли акций «Ирак Петролиум Компани» (23,75% акций). Ко второй половине 40-х годов США сумели значительно укрепиться в нефтяном секторе Ближнего Востока. Американские компании получили все нефтяные концессии в Саудовской Аравии и Бахрейне и половину нефтяных концессий в Кувейте. В 1944 г. было заключено соглашение о сооружении на Аравийском полуострове системы нефтепроводов с выводом их к побережью Средиземного моря, причем два из семи нефтепроводов должны были быть доведены до ливанских Триполи и Бейрута [7, с. 74] [7]. Поэтому США выступали за предоставление реальной независимости Сирии и Ливану, так как с только что обретшими независимость слабыми государствами было проще договариваться, с целью продвижения своих экономических интересов, чем со все еще сильными, хотя и значительно ослабевшими за годы войны великими державами – конкурентами США в регионе, Францией и Великобританией.

Следует также отметить, что Сирия и Ливан имеют выгодное стратегическое положение, поскольку находятся между двумя важнейшими коммуникационными узлами Средиземного моря: Черноморскими проливами Босфор и Дарданеллы и Суэцким каналом, соединяющим Средиземное море с Красным морем и Индийским океаном и сокращающим путь судам в обход Африки на 8-15 тысяч километров [6, с. 129].

Позиции США и СССР при обсуждении в СБ ООН требования Сирии и Ливана о выводе с их территории британских и французских войск, несмотря на разногласия сторон по ряду вопросов и даже примененное советским представителем право вето, способствовали тому, что Франция и Великобритания к 17 апреля 1946 г. вывели свои войска с территории Сирии, а к декабрю этого года иностранные войска были выведены и с территории Ливана.

К дальнейшему ослаблению позиций Великобритании и Франции в арабских странах Восточного Средиземноморья и, напротив, к усилению позиций СССР и США привели события так называемого Суэцкого кризиса, последовавшего за национализацией Египтом Суэцкого канала и тесно связанного с интересами молодого и агрессивного государства региона – Израиля.

Надо отметить, что одним из факторов, оказывавших значительное влияние на геополитическую ситуацию в регионе, стала политика Израиля, образованного в соответствии с решением ООН в 1948 году, и сразу же вступившего в конфронтацию со всеми соседними арабскими государствами. Первая арабо-израильская война 1948-1949 годов велась всеми ее участниками в условиях начального периода строительства своих вооруженных сил. Однако у израильской стороны были существенные преимущества, заключавшиеся как в качестве подготовки офицерского и личного состава, значительная часть которых имела опыт участия во Второй мировой войне, так и в единстве руководства боевыми действиями (арабские страны еще накануне войны на совещании в Бейруте попытались создать единое военное командование, однако не преуспели в этом из-за разногласий между ними). Да и оценочная численность войск противников была не в пользу арабских стран, против 20-25 тысяч арабских бойцов израильская армия противопоставила от 60 до 100 тысяч военнослужащих [7, с. 87]. Поражение арабских армий привело к новому разделу Палестины, не согласующемуся с решениями ООН. Израиль захватил 6,7 тыс. кв. км территории так и не образованного государства палестинских арабов. Египет установил свой контроль над Сектором Газа, а Иордания – над Западным берегом реки Иордан и восточной частью Иерусалима, также не принимая во внимание решения ООН [12, с. 301].

Эта первая арабо-израильская война имела огромные и далеко идущие геополитические последствия, некоторые из которых вплоть до настоящего времени оказывают свое воздействие на стабильность не только на Ближнем и Среднем Востоке, но и во всем мире.

Во-первых, эта война положила начало многогранному геополитическому явлению, которое обычно называют ближневосточным, или арабо-израильским конфликтом (в последнее время, пытаясь уменьшить количество участников конфликта и превратить его из международного во внутренний, израильская сторона именует его «палестино-израильский конфликт»).

Во-вторых, заложенный результатами этой войны, конфликтный потенциал арабо-израильского противостояния оказался настолько мощным, что способствовал возникновению позднее еще трех полномасштабных арабо-израильских войн (1956, 1967 и 1973 гг.) и целой серии ограниченных конфликтов, среди которых: египетско-израильская «война на истощение» 1968-1970 гг., израильское вторжение в Ливан 1982 г. (так называемая «Первая ливанская война» или официально числящаяся в Израиле как операция «Мир Галилее»), война Израиля и его региональных союзников против отрядов Организации освобождения Палестины и шиитского движения «Хизбаллах» в Южном Ливане 1982-2000 гг. (об этой войне западные и израильские историки обычно не упоминают, так как это была первая не выигранная Израилем война), война движения «Хизбаллах» и Израиля в Южном Ливане 2006 г. (так называемая «Вторая ливанская война», также не выигранная Израилем). К этому списку можно добавить и несколько протестных выступлений палестинцев на оккупированных Израилем территориях, носивших название «Интифада», израильская реакция на которые была жесткой и осуществлялась с широким использованием подразделений вооруженных сил.

Кроме того, постоянная военная эскалация привела к своеобразной гонке вооружений в регионе. В-третьих, стремление сторон арабо-израильского конфликта опереться на военно-политическую и финансово-экономическую помощь сверхдержав, также, как и стремление сверхдержав использовать эту заинтересованность для реализации своих интересов в регионе, привели к вовлечению в конфликт нерегиональных глобальных игроков, особенно США, на постоянной основе. В 1989 г. Израиль первым официально получил статус страны-основного союзника США вне НАТО. Хотя, и до получения этого статуса, еще с начала 70-х годов Израиль получал от США как военно-политическую, так и экономическую помощь [3]. Так, в арабо-израильской войне 1973 года, когда израильские вооруженные силы потеряли около трети всех своих танков, более 100 боевых самолетов и вертолетов, а запаса топлива и некоторых видов боеприпасов оставалось всего на несколько дней, США, по просьбе израильского руководства, в рамках операции «Nickel Grass» начали срочные поставки в Израиль оружия, боеприпасов и стратегических материалов, в том числе, со складов НАТО в Европе [9, с. 200-

201]. В ответ на эту неприкрытую поддержку Израиля со стороны США, уже в ходе войны, арабские страны-производители нефти резко сократили уровень добычи и объявили эмбарго США, их союзникам в Западной Европе и Японии. Это привело к росту мировых цен на нефть в четыре раза и первому в истории глобальному энергетическому кризису [11, с. 38].

Совершенно очевидная для арабской стороны невозможность нанести военное поражение Израилю, пока он пользуется поддержкой и защитой со стороны США, привела к серьезным последствиям для международных отношений как на Ближнем Востоке, так и во всем мире.

Часть арабской элиты решила воспользоваться посредничеством США, чтобы заключить сепаратный мирный договор с Израилем и выйти из перманентного состояния войны с ним. Так поступила египетская элита, возглавлявшаяся президентом А. Садатом, первым из арабских лидеров совершившим беспрецедентный визит в Иерусалим в 1977 г., договорившись в ходе переговоров в сентябре 1978 г. в загородной резиденции американских президентов Кэмп-Дэвиде о заключении сепаратного мирного договора с премьер-министром Израиля М. Бегиным (церемония подписания состоялась в Вашингтоне в 1979 г.). За это Египет был немедленно изгнан практически из всех арабских международных организаций, в том числе из Лиги арабских государств (ЛАГ), штаб-квартира которой, как это не парадоксально, находилась тогда в столице Египта – Каире (позднее она была перенесена из Египта в Тунис), а также из Организации Исламская конференция (ОИК). Уже после распада СССР, геополитического союзника арабских государств, в 1994 году мирный договор с Израилем, после серии переговоров между сторонами, в Вашингтоне был подписан Иорданией.

Сирийская Арабская Республика является единственной из граничащих с Израилем арабских стран, которая не имеет мирного договора с Израилем. Этот фактор является важным в отношениях Сирии с Израилем и поддерживающими его США, которые стремятся создать необходимые условия для подписания сирийским руководством мирного договора с Израилем.

Другая часть арабской и исламской элиты решила признать очевидное, то есть невозможность нанести поражение Израилю, пока он пользуется поддержкой США, и, продолжая борьбу с Израилем, оказывать воздействие на США с целью добиться прекращения последними поддержки Израиля. Эта часть представлена, в основном, лидерами террористических псевдоисламских движений, организаций и групп. Особенность их деятельности состоит в том, что они в основу своей идеологии закладывают не геополитические, а культурно-цивилизационные положения, представляя свои цели как борьбу за традиционный, в их понимании, исламский образ жизни, которому угрожает Израиль, захвативший исламские святыни, освобождение которых является священной обязанностью любого мусульманина, независимо от места его проживания.

Таким образом, цивилизационное измерение арабо-израильского конфликта превратило его в предлог для формирования целого ряда основных идеологем современных международных и трансграничных псевдоисламских экстремистских движений, организаций и групп. В этой связи, отсутствие у Сирийской Арабской Республики мирного договора с Израилем делает это государство центром притяжения подобных террористических псевдоисламских организаций, стремящихся получить плацдарм для борьбы с Израилем, даже путем свержения действующего сирийского руководства и реформирования государственного устройства страны в соответствии со своими концепциями.

СССР, как один из геополитических акторов, также имел свои все возрастающие интересы в Средиземном море, особенно в его восточной части. Прежде всего, эти интересы заключались в обеспечении безопасности южных и юго-западных территорий страны от удара кораблей и авианосной авиации ВМС США и стран НАТО из Восточного Средиземноморья. Кроме этого, развитие дружественных и взаимовыгодных политических и экономических отношений со странами региона было невозможно без поддержания мира и стабильности, прежде всего, в зоне арабо-израильского конфликта. Немаловажное значение имело и обеспечение свободного прохода советских торговых и рыболовецких судов через Черноморские проливы и обеспечение их торговой и морехозяйственной деятельности в акватории Средиземного моря, а также Атлантического и Индийского океанов. В обеспечении вышеуказанных интересов СССР наиболее важную роль играло нахождение в акватории Средиземного моря кораблей советского военно-морского флота.

Уже к началу 60-х годов XX века, благодаря реализации в СССР программы строительства современного военно-морского флота, способного решать поставленные задачи не только в прибрежной, но и в океанской зоне, советские надводные корабли и подводные лодки начали осуществлять периодическое патрулирование в районах действия американских атомных подводных лодок с баллистическими ракетами и авианосных ударных групп ВМС США. К середине 60-х годов эта практика переросла в новую форму боевой и повседневной деятельности ВМФ СССР – боевой

службы. Необходимость этих изменений в характере боевой и повседневной деятельности флота диктовалась поиском возможностей для предотвращения внезапного нападения США и НАТО на СССР и его союзников с использованием ракетно-ядерного потенциала своих подводных и авианосных сил. Для эффективного решения главных задач боевой службы возникла необходимость заблаговременного развертывания в районах действия военно-морских группировок США и стран НАТО кораблей ВМФ СССР с целью их немедленного применения против «вероятного противника» сразу же с началом боевых действий. Сначала эти задачи возлагались на самолеты разведывательной авиации, затем на одиночные надводные корабли, дизельные и атомные подводные лодки. В сентябре 1964 года из Севастополя впервые вышел в Средиземное море отряд боевых кораблей Черноморского флота для осуществления слежения за авианосной ударной группой ВМС США [5, с. 137-139]. Важность подобных действий становится понятной, если учитывать, что типовая авианосная ударная группа ВМС США в 60-е годы XX века могла нанести внезапный удар своей авиацией на дальность до 1200 км с мощностью (при использовании имеющегося у группы ядерного оружия) эквивалентной 3400 атомных бомб, сброшенных на Хиросиму [5, с. 141].

Для решения подобных задач на постоянной основе необходимо было создавать систему базирования в этих районах боеготовых сил флота, позволяющих эффективно осуществлять все виды обеспечения корабельных групп, несущих боевую службу. Первый опыт создания элементов такой системы в Средиземном море был получен ВМФ СССР в период 1958-1961 гг., когда с Балтийского флота в Средиземное море совершили переход 12 подводных лодок и две плавучих базы обеспечения деятельности подводных лодок. Для их обслуживания в бухте Паши-Лиман албанского залива Влёра был оборудован пункт временного базирования со всей необходимой для подводных лодок инфраструктурой. Организационно они сводились в 40-ю отдельную бригаду, находившуюся в оперативном подчинении командующего Черноморским флотом. Задачей бригады являлось постоянное слежение за кораблями 6-го флота ВМС США и военно-морскими силами Израиля в районе арабо-израильского конфликта, то есть, в восточной части Средиземного моря [5, с. 135]. Однако позднее, из-за идеологических разногласий политического руководства СССР и Албании, возникшего в связи с обострением советско-китайских отношений, этот важный пункт базирования подводных лодок для ВМФ СССР был утерян.

Еще одной задачей кораблей боевой службы являлась демонстрация флага ВМФ СССР, что свидетельствовало о наличии интересов СССР в этом регионе (акватории) и о способности оказания эффективной помощи одной из сторон в локальной войне или вооруженном конфликте, поддержания стабильности в зоне возможного конфликта путем угрозы применения силы в отношении агрессора.

Постепенно отдельные корабельные группы ВМФ СССР, несущие боевую службу, для удобства управления стали объединяться во временные нештатные оперативно-тактические соединения. Одним из первых таких соединений в Средиземном море стала так называемая 1-я смешанная оперативная эскадра кораблей Черноморского флота, сформированная в мае 1965 года. Она включала надводные корабли, подводные лодки и гидрографические суда [4, с. 449] [17]. К осени 1967 г. было создано постоянно действующее в акватории Средиземного моря оперативно соединение, которое стало именоваться 5-й Средиземноморской оперативной эскадрой ВМФ СССР.

К решению создать на базе временного соединения постоянную эскадру руководство советского государства и ВМФ СССР подтолкнула та роль, которую корабли «временной» эскадры сыграли в завершении арабо-израильской войны 1967 года. Еще в апреле 1967 года в Средиземное море из Севастополя вышла «временная» 14-я смешанная эскадра Черноморского флота (флагманский корабль крейсер «Слава») в составе семи надводных кораблей и пяти вспомогательных судов. К этому времени в Средиземном море уже действовали несколько подводных лодок Северного флота и по две подводных лодки Балтийского и Черноморского флотов, а также корабли радиотехнической разведки «Севрюга» и «Краб».

До начала войны главная задача соединения состояла в обеспечении морских перевозок из Черного моря в порты Сирии и Египта. С этой целью осуществлялось патрулирование на трех рубежах (в районе о. Крит, восточнее и южнее о. Кипр и севернее побережья Египта). При этом, суда с боевой техникой конвоировались одним-двумя боевыми кораблями.

С началом боевых действий началось наращивание сил ВМФ СССР в Средиземном море. Ко второй половине июня группировка составляла 30 боевых кораблей (в том числе 2 крейсера и 2 ракетных корабля) и 15 подводных лодок (из них 3 атомные, в том числе 2 с крылатыми ракетами), 13 вспомогательных судов и судов обеспечения и 3 корабля радиотехнической разведки [5, с. 314].

Опираясь на наличие в восточной части Средиземного моря, вблизи берегов Израиля, достаточной группировки ВМФ, когда стало абсолютно ясно, что арабские вооруженные силы терпят

сокрушительное поражение, и на египетском, и на сирийском, и на иорданском фронтах, советское правительство 9 июня 1967 года по прямой линии связи предупредило США, что в случае продолжения Израилем боевых действий СССР не остановится перед принятием мер военного характера. Корабли ВМФ СССР приступили к подготовке выполнения задач по оказанию поддержки вооруженным силам арабских стран. Главнокомандующий ВМФ СССР адмирал флота С. Г. Горшков поставил перед силами 14 эскадры задачу «сформировать десант морской пехоты в составе 500 человек из личного состава 309-го отдельного батальона морской пехоты Черноморского флота, кораблей эскадры и курсантов военно-морских училищ, проходивших практику на кораблях, с целью быть в готовности к высадке в районе порта Латакия для оказания поддержки сирийским войскам и защиты советских граждан, находившихся на территории Сирии. Сформировать отряд кораблей артиллерийской поддержки десанта и отряд десантных кораблей» [5, с. 316-317]. К 9 июня корабли прибыли в район порта Латакия.

Продолжая оказывать политическое давление, СССР 10 июня разорвал дипломатические отношения с Израилем и информировал израильскую сторону о том, что, если военные действия немедленно не будут остановлены, СССР применит против Израиля санкции со всеми вытекающими отсюда последствиями. Наличие боеготовых сил советского флота вблизи побережья Израиля способствовало принятию военно-политическим руководством этой страны решения о немедленном прекращении боевых действий.

Так СССР спас Сирию, Египет и Иорданию от полного военного и политического поражения. Учитывая опыт деятельности кораблей «временной» смешанной 14 эскадры Черноморского флота, в июле 1967 г. в Министерстве обороны СССР было принято решение о создании постоянно действующих оперативных эскадр разнородных сил ВМФ в наиболее кризисных регионах мира. Тогда же было принято решение о создании 5-й Средиземноморской оперативной эскадры ВМФ СССР.

В ходе последовавшей за войной 1967 г. так называемой «войны на истощение», корабли Черноморского флота и 5-й Средиземноморской оперативной эскадры ВМФ обеспечивали весной 1970 г. безопасность 16-ти транспортных судов Министерства морского флота СССР, осуществлявших доставку в Египет из порта Николаев 18-ой особой зенитно-ракетной дивизии противовоздушной обороны (численностью 10 тыс. человек) в рамках реализации операции «Кавказ» по созданию в Египте группировки советских войск ПВО. Развернутая на территории Египта советская группировка ПВО способствовала прекращению в 1970 г. «войны на истощение», поскольку общие потери израильской авиации с 20 июля 1969 г. по начало августа 1970 г. составили 94 самолета (около 50% всего авиационного парка ВВС Израиля) [9, с. 196].

Однако, несмотря на военно-политическую и экономическую помощь со стороны СССР, среди представителей правящей элиты ряда арабских стран, прежде всего Египта, росло осознание невозможности достижения военной победы над Израилем до тех пор, пока за его спиной стоят США, что привело к формированию идеи сближения с США с целью урегулирования с их помощью отношений с Израилем. Но сближение с США было возможно только после охлаждения отношений с СССР. Действуя в рамках реализации этой идеи, президент Египта А. Садат 7 июля 1972 г. заявил советскому послу В. Виноградову: «Я решил отказаться от услуг советских военных. Они нам больше не нужны. Пусть возвращаются домой, отдыхают... Обсуждение излишне. Я уже принял решение. Советские военные должны немедленно уехать» [9, с. 197]. К 17 июля 1972 г. 15 тысяч советских специалистов должны были покинуть Египет.

Таким образом, ВМФ СССР терял возможность активно использовать в своих интересах береговые объекты на территории этой страны. И хотя местом основной дислокации кораблей 5-й оперативной эскадры по-прежнему оставался район залива Эс-Саллум (за пределами территориальных вод Египта), возможность эффективного снабжения и ремонта сил эскадры в пунктах материально-технического обеспечения (ПМТО) Мерса-Матрух и Порт-Саид на египетской территории теперь была ограничена.

Военно-политическое руководство СССР, по-видимому, к тому времени уже обладало информацией о скорой смене египетским президентом своих внешнеполитических ориентиров, поскольку в 1971 году было заключено межправительственное соглашение между СССР и Сирийской Арабской Республикой о возможности использования сирийского порта Тартус для маневренного базирования кораблей советского ВМФ [8]. Соглашением предусматривалась, в том числе, возможность мелкого ремонта кораблей и подводных лодок с использованием плавучих мастерских (ПМ) и плавбаз. А уже в ноябре 1972 г. был проведен первый заход в порт Тартус советской ПМ-24 с подводной лодкой Б-26 с целью проведения межпоходового ремонта подводной лодки и отдыха экипажа.

Тем не менее, египетское руководство, в условиях подготовки к новой войне с Израилем, было все еще заинтересовано в связях с СССР, поэтому до 1977 г. корабли 54 оперативной бригады вспомогательных судов, задействованные для обеспечения деятельности 5 оперативной эскадры ВМФ, продолжали использовать египетские порты Александрия и Мерса-Матрух. И только в преддверии капитулянтской Кэмп-Дэвидской сделки Египта с Израилем суда бригады были по требованию египетской стороны выведены из египетских портов и перебазированы в сирийский порт Тартус, остававшийся с этого времени единственным береговым объектом, который мог использоваться кораблями и подводными лодками ВМФ СССР в восточной части Средиземного моря.

В ходе разразившейся вскоре арабо-израильской войны 1973 г. корабли 5-й Средиземноморской оперативной эскадры ВМФ СССР решали схожие с периодом войны 1967 г. задачи:

- организация непрерывного слежения за корабельными ударными группами ВМС США и НАТО (с целью их немедленного уничтожения в случае начала военных действий против кораблей ВМФ СССР);

- осуществление проводки и охраны транспортов гражданских флотов СССР, ГДР и Болгарии из района Черноморских проливов до сирийских и египетских портов (с 9 октября по 6 ноября было проведено 43 советских транспорта с вооружением и боеприпасами, из них 13 транспортов совершили по два рейса, 10 транспортов Народной Республики Болгария и Германской Демократической Республики);

- обеспечение безопасности перелетов транспортной авиации СССР в Восточном Средиземноморье (913 рейсов);

- осуществление эвакуации семей советских военных специалистов из Сирии и Египта [5, с. 325, с. 331].

Через полтора часа после начала войны (в 14.00 16 октября 1973 г.) Черноморский флот, как и 5-я оперативная эскадра ВМФ СССР, был переведен в повышенную степень боевой готовности. Поскольку сил 5-й оперативной эскадры для выполнения поставленных задач было недостаточно (20 боевых кораблей, 10 подводных лодок и 15 вспомогательных судов), командованием ВМФ было принято решение о наращивании сил флота в зоне конфликта. Эскадра была усилена 18 боевыми кораблями и 2 подводными лодками Черноморского флота, 10 подводными лодками Северного флота, 3 боевыми кораблями Балтийского флота. В итоге в составе 5-й оперативной эскадры находились 41 боевой корабль, 22 подводных лодки, 5 кораблей специального назначения, 18 вспомогательных судов и 3 танкера (около 14 тысяч человек в составе экипажей). Кроме этого, на аэродромах в готовности к выполнению задач в зоне конфликта с полетным временем 1,5-2 часа находились самолеты дивизии ракетно-бомбовой авиации Черноморского флота [5, с. 326-327].

Опираясь на эти силы, решительными действиями военно-политического руководства СССР пытались остановить в очередной раз войну на Ближнем Востоке, после того, как возникла реальная угроза ее проигрыша арабскими странами. С 20 по 23 октября 1973 г. советское руководство пыталось остановить войну путем переговоров с руководством США, с 20 по 22 октября в Москве велись переговоры с госсекретарем США Г. Киссенджером. 24 октября советское руководство предупредило Израиль «о самых тяжелых последствиях ... в случае продолжения его агрессивных действий против Египта и Сирии», а генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев отправил президенту США Р. Никсону телеграмму, в которой говорилось, что если американская сторона будет пассивной, СССР будет вынужден «срочно рассмотреть вопрос о том, чтобы предпринять необходимые односторонние шаги», указывалось также, что израильтяне, умышленно нарушив советско-американские договоренности о начале перемирия «встали на путь, неминуемо ведущий к их собственной гибели». В Советском Союзе была объявлена повышенная боевая готовность в семи дивизиях воздушно-десантных войск, командование 5-й оперативной эскадры получило приказ из Генерального штаба Вооруженных Сил СССР осуществить высадку морского десанта в Порт-Саид. Полк морской пехоты в г. Севастополь готовился к переброске в Средиземное море. В ответ на эти действия Советского Союза в ночь на 25 октября в вооруженных силах США была объявлена боевая готовность и объявлена тревога в ядерных силах. Израильские вооруженные силы прекратили наступление, а 25 октября состояние боевой готовности советских воздушно-десантных дивизий и ядерных сил США было понижено. В результате был фактически восстановлен статус-кво в Восточном Средиземноморье [5, с. 201-202].

После арабо-израильской войны 1973 г. египетское руководство стало активно сворачивать сотрудничество с СССР. К 1977 г. практически полностью было прекращено использование кораблями и судами ВМФ СССР портов и военно-морских баз на территории Египта. Это значительно повысило роль сирийского порта Тартус в обеспечении деятельности кораблей и судов 5-й оперативной эскадры

ВМФ СССР в Средиземном море. В апреле 1977 г., после преодоления возникших в 1976 г. советско-сирийских разногласий, связанных с различием в подходах к решению проблем в Ливане, в порту Тартус было сформировано управление 229 дивизиона судов обеспечения, находившееся в подчинении командира 9-й бригады судов обеспечения Черноморского флота. На постоянной основе в порту Тартус стали находиться плавмастерская, плавучий склад-холодильник, буксир, водоналивной танкер и водолазный мотобот. Конечно, это не могло в полной мере заменить ремонтные возможности портов Египта, но это позволяло осуществлять заход кораблей и подводных лодок 5-й оперативной эскадры для пополнения запасов продовольствия и воды, отдыха экипажей, а также ремонта подводных лодок силами самих экипажей и экипажа плавмастерской. К сожалению, заправка кораблей эскадры дизельным топливом, как это показал эксперимент с заправкой большого разведывательного корабля «Крым» в 1974 г., была экономически невыгодна и технически сложна. Поэтому обеспечение топливом кораблей эскадры осуществлялось танкерами, привозившими топливо из СССР.

Тем не менее, наличие пункта материально-технического обеспечения в порту Тартус позволило кораблям 5-й оперативной эскадры решать ставившиеся советским военно-политическим руководством задачи в восточной части Средиземного моря. Например, в ходе израильского вторжения в Ливан в июне 1982 г. корабли эскадры, находившиеся в районе сирийского побережья, не позволили осуществить удары по объектам на территории Сирии. Таким образом, присутствие на постоянной основе сил военно-морского флота СССР, основу которых составляли корабли и суда Черноморского флота, оказывало стабилизирующее воздействие на военно-политическую обстановку в Восточном Средиземноморье и способствовало продвижению советских интересов в этом стратегически важном районе.

В начале 90-х годов произошли кардинальные изменения мировой геополитической системы. С распадом СССР и ликвидацией социалистической системы мир фактически перестал быть биполярным. Новая Россия оказалась в тяжелейшем экономическом положении. Руководство страны предполагало двигаться в фарватере внешней политики США. Для новых задач не требовался сильный военно-морской флот, а для сохранения того, что уже имелось, не было ни финансов, ни политической воли. Это сказалось и на активности российского флота в Средиземном море. С 1991 г. прекратилась боевая служба кораблей ВМФ России в Средиземном море. В конце 1991 г. – начале 1992 г. была расформирована 5 оперативная эскадра, корабли которой возвратились в российские базы. Осенью 1992 г. из порта Тартус убыли вспомогательные суда 229-го дивизиона судов обеспечения. К началу 1993 г., в связи с событиями в Крыму и г. Севастополе, связанными с определением дальнейшей судьбы Черноморского флота (той его части, которая отказалась выполнять указание президента Б. Ельцина и не приняла присягу Украине), пункт материально-технического обеспечения (ПМТО) в порту Тартус был напрямую подчинен Главному Штабу ВМФ России.

Таким образом, в 90-е годы ВМФ России был вынужден обозначать свое присутствие в Средиземном море преимущественно с помощью разведывательных кораблей и вспомогательных судов, действовавших на базе ПМТО в порту Тартус.

Полноценное возобновление деятельности российского постоянного оперативного соединения ВМФ в Средиземном море произошло только в 2013 г., когда в соответствии с решением Министра обороны России, генерала армии С. К. Шойгу 21 сентября 2013 г. было сформировано постоянное Оперативное соединение ВМФ РФ на Средиземном море, подчиненное командующему Черноморским флотом. Задачи соединения аналогичны задачам бывшей 5 оперативной эскадры ВМФ СССР.

Стратегические позиции России в Восточном Средиземноморье и оперативные возможности российских вооруженных сил в регионе серьезно улучшились после заключения с сирийской стороной договора о создании и использовании Россией военно-воздушной базы в Хмеймим (бывший международный аэропорт имени Басиля Асада) и военно-морской базы в порту Тартус. В декабре 2017 г. договор прошел ратификацию в Государственной Думе РФ и был подписан президентом РФ В. В. Путиным. Таким образом, российские вооруженные силы получили возможность купировать угрозы Югу России со стороны корабельных соединений США и стран НАТО в Восточном Средиземноморье.

За последние почти три десятилетия мир трансформировался из биполярного в однополярный, в котором США оставались единственным гегемон. После распада СССР и последовавшего в 90-е годы периода ослабления позиций России, Российская Федерация с начала 2000-х годов стремится вновь занять достойное место в системе международных отношений. Россия начала менять свою внешнюю политику и возвращать свое присутствие в геополитическом пространстве.

Если рассматривать геополитические основы современной внешней политики России на Ближнем Востоке, то можно отметить следующее. Интерес России к Ближнему Востоку диктовала его

географическая близость к евроазиатскому пространству. Важным также было сохранение стабильности на Кавказе и обеспечение безопасного судоходства в Черном море, которое можно использовать для транзита в море Средиземное. После распада СССР Россия уделяла особое внешнеполитическое внимание Турции и Ирану, учитывая их возможности влияния на Кавказ и Черноморский бассейн, используя существующие этнические, религиозные и языковые связи с народами этого региона.

Сегодня России следует курсом усиления своей роли на Ближнем Востоке. Если посмотреть на геополитические реалии исламского мира, то мы видим, что традиционный ислам все больше политизируется, а атлантистская политика в этом регионе крайне агрессивна. При выборе Россией внешнеполитической линии на Ближнем Востоке необходимо учитывать эти факторы.

Геополитические связи России с Ираном могут способствовать противодействию атлантическому влиянию в регионе, а также частично купировать деструктивную активность Турции и Саудовской Аравии. К тому же следует отметить, что иранская умеренная модель ислама более приемлема для Средней Азии, чем салафитская модель Саудовской Аравии.

Говоря о стратегической значимости Исламской Республики Иран для России, необходимо отметить, что Иран является важным стратегическим пространством между самыми богатыми нефтяными регионами в мире, и эта важность еще более возрастает, учитывая контроль Ирана над Ормузским проливом. Россия склонна поддерживать Иран в создании полного цикла ядерной энергетики, выступая лишь против создания им ядерного оружия. Несмотря на то, что объем экономического партнерства с Ираном в настоящее время меньше, чем с Турцией, для России иранский рынок является перспективным. Кроме того, Иран способен оказывать России поддержку в политике поддержания стабильности в Средней Азии и на Кавказе.

Что касается Турции, то эта страна имеет несомненное стратегическое геополитическое значение для России, поскольку контролирует транзит из Черного моря в Средиземное море. Значительная часть морской торговли России проходит через контролируемые Турцией Черноморские проливы. В последние годы США стремятся к сдерживанию Турции, чтобы ограничить ее политическое влияние на Ближнем Востоке. В то же время Турция является членом НАТО, вследствие чего участвует в американской политике ограничения доступа России к Средиземноморью.

Исторически Россия сохраняла очень сбалансированные отношения со странами Арабского Востока и всегда поддерживала интересы этих стран в противостоянии с Западом. Сейчас уже стало ясно, что процесс демократизации арабского мира в ходе «арабской весны» являлся лишь инструментом для дестабилизации региона и свержения политических режимов, способом изменения региональной политической карты, снижения влияния внешнеполитических партнеров России в регионе. Это являлось логичным продолжением политики сдерживания России, проводимой США и их союзниками.

Реализуя внешнюю политику в регионе, Россия принимает во внимание тот факт, что многие страны Ближнего Востока лидируют в добыче нефти и газа. Российское сотрудничество с этими государствами необходимо для контроля над мировыми ценами на углеводородное сырье. Кроме того, Россия сегодня является одним из главных партнеров ближневосточных государств в области ядерной энергетики. Регион считается также одним из важных рынков для российского оружейного экспорта. Экспорт оружия на Ближний Восток помогает России в экономическом плане и укрепляет ее присутствие в регионе.

В настоящее время Ближний Восток переживает сложный политический кризис, открытой фазой которого стали так называемая «арабская весна» и последовавшие за ней региональные конфликты. Основные причины этого кризиса являются внутренними и связаны с предшествующим развитием региона. Так, в 50-е годы XX в. результате национально-освободительных движений к власти в арабских странах Восточного Средиземноморья пришли светские националистические режимы. Эти режимы, однако, не смогли доказать свою эффективность (не добились приемлемого для арабов разрешения арабо-израильского конфликта, значительного улучшения социально-экономического положения в своих странах, политических свобод), более того, со временем они коррумпировались, власть, как политическая, так и экономическая оказалась в руках узкой группы близких к верхушке нуворишей, семейных и племенных кланов. В результате длительного нахождения у власти лидеров ряда арабских государств (Х. Мубарак в Египте — 30 лет, А. А. Салих в Йемене — 32 года) происходила стагнация политической жизни, отсутствовала сменяемость элиты. Ситуация усугублялась наличием в ряде стран региона чрезвычайного положения (в Алжире, Египте, Сирии). Эскалации кризисных процессов способствовали и демографические диспропорции (высокий процент молодежи среди

населения арабских стран при высоком уровне безработицы). Использование этих факторов западными политтехнологами обеспечило успех «цветных революций» в ряде государств региона.

Особенностью наступления «арабской весны» в Сирии стало то, что политическая оппозиция, пытаясь свергнуть правящий режим, перевела внутривнутриполитический кризис в вооруженную стадию. При этом, будучи раздроблена, сирийская оппозиция де-факто реализовывала на территории страны в основном интересы внешних акторов, в первую очередь, Турции, Саудовской Аравии, Катара.

Каждый из субъектов конфликта использует в своих интересах этноконфессиональное разнообразие Сирии. Еще в начале XX века французские мандатные власти пытались проводить в Сирии политику по принципу «разделяй и властвуй», играя при этом роль арбитра. В современных событиях в Сирии опорой режима считались алавиты, составляющие по разным данным от 12 до 18 % населения страны, и проживающие, в основном, в прибрежных районах на северо-западе страны (в том числе, в городах Тартус и Латакия). Показательно, что, несмотря на использование государствами Запада и Саудовской Аравией пропагандистского тезиса о том, что основной причиной сирийской гражданской войны является шиитско-суннитское противостояние, алавиты являются настолько обособленной исламской сектой, что в Иране их признали шиитами только в 1973 г. Не случайно одним из лозунгов суннитских экстремистских группировок на территории Сирии является необходимость ведения войны с «немусульманами» алавитами.

Традиционные «двунадесятые» шииты составляют не более 3% населения страны и проживают в районе Дамаска и ливано-сирийской границы. В районе Дамаска расположена и шиитская святыня – мечеть «Сейида Зейнаб» (внучка пророка Мухаммада), защита которой стала поводом для участия в сирийской гражданской войне на стороне правительственных сил отрядов шиитского движения «Хизбаллах» и подразделений иранского корпуса стражей исламской революции. Еще менее многочисленны представители шиитской секты исмаилитов (не более 1% населения), проживающие, в основном, в районе г. Саламия, южнее г. Хама.

Еще одна религиозная группа, которая, в ряде случаев, вынужденно поддерживает правительственные силы – это сирийские христиане, составляющие 12% населения и проживающие в городах Дамаск, Тартус, Хомс, Хама, Дейр-эз-Зор, Сувейда, Хасака.

На юго-западе страны в районе Джебель-Друз проживают друзы, составляющие около 3% населения и являющиеся традиционными соперниками алавитов, что позволяет оппозиции использовать их в своих интересах.

Ситуативным союзником правительства страны являются по большей части курды (как язиды, так и сунниты), составляющие до 9% населения страны и проживающие в северных и северо-восточных районах страны вдоль границ Сирии с Турцией и Ираком. Правда, в 2017-2018 годах их стали использовать в своих интересах США, что сразу же сказалось на росте военной антикурдской активности в приграничных районах турецкой армии и поддерживаемых Турцией сирийских группировок. Сепаратистские устремления сирийских курдов также создают препятствия для перспективного сотрудничества с правительством президента Б. Асада.

Если рассмотреть позицию России по отношению к «арабской весне» и ее политическим последствиям, то можно увидеть, что первоначально она была наблюдательной и не предусматривала вмешательство во внутриарабские конфликты. Изменения в позиции России, направленные на поддержку правящего режима Сирии, произошли после милитаризации сирийской оппозиции и начала полномасштабной гражданской войны. Падение политического режима в Сирии привело бы к ослаблению Ирана, что существенно усиливало бы позиции США в регионе. В частности, это означало бы, что более 50% мировой нефти оказалось бы под контролем Соединенных Штатов.

Интересы региональных игроков заключаются не только в обеспечении своего конфессионального или этнического доминирования. Они связаны и со значительными экономическими интересами. От того, как завершится процесс политико-военного противостояния в Сирии, зависит, кто будет контролировать пути транспортировки газа в Европу из крупнейшего газового месторождения в Персидском заливе «Южный Парс», запасы которого оцениваются в 51 трлн. Кубометров [10, с. 34]. Газопровод может пройти по маршруту Катар-Саудовская Аравия-Иордания-Сирия или Иран-Ирак-Сирия. Отметим, что вмешательство Саудовской Аравии и Катара в события «арабской весны» в Сирии подстегнуло подписание 25 июня 2011 г. в иранском г. Бушир соглашения между Ираном, Ираком и Сирией о строительстве газопровода от месторождения «Южный Парс» через Ирак и Сирию, с выходом к побережью Средиземного моря в районе городов Латакия и Тартус, где планировалось строительство заводов по сжижению газа. Также рассматривалась возможность продолжения газопровода в Европу по дну Средиземного моря [10, с. 34].

Сегодня наличие российских баз военно-морских сил в Тартусе и военно-космических сил в Хмеймиме позволяет России осуществлять геостратегическое присутствие в бассейне Средиземного моря, материально-технически обеспечивая вновь созданное постоянное соединение кораблей ВМФ России в Средиземном море. В целом же начало Россией в сентябре 2015 г. антитеррористической операции в Сирии явилось поворотным пунктом в российской политической истории после распада СССР. Многие эксперты считали этот шаг демонстрацией возвращения России в систему международных отношений в качестве одного из главных акторов.

Список литературы:

1. Валиахметова, Г. Н. Иракская нефть в политике великих держав на Ближнем востоке (1932–1941 гг.) / Г. Н. Валиахметова. – М.: Институт востоковедения РАН, 2010. – 443 с.
2. Дижур, И. М. Новейшая история арабских стран Азии, 1917-1985 / И. М. Дижур, В. М. Григорьева. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства Наука, 1988. – 644 с.
3. Израиль и США: Основные этапы становления стратегического партнерства (1948-2014) / К. А. Карасова. – М.: Издательство «Аспект-Пресс», 2015. – 464 с.
4. Касатонов, И. В. Командую флотом: С. Г. Горшков и его адмиралы на Черном море в период «холодной войны»: в 2 кн.; Кн.1. / И. В. Касатонов. – М., 2004. – 643 с.
5. Курсом чести и славы: ВМФ СССР и России в войнах и конфликтах второй половины XX века / под ред. А. А. Кольтюкова. – М.: Кучково поле, 2006. – 480 с.
6. Локальные войны: История и современность / Под. ред. Е. И. Шаврова. – М.: Воениздат, 1981. – 304 с.
7. Пир-Будагова, Э. П. История Сирии. XX век / Э. П. Пир-Будагова. – М.: Институт востоковедения РАН, 2015. – 392 с.
8. Пункт материально-технического обеспечения ВМФ России в Тартусе. Досье // ТАСС, 13.12.2017. – URL: <http://tass.ru/info/4808523> (дата обращения 27.03.2018 г.).
9. Россия (СССР) в локальных войнах и вооруженных конфликтах второй половины XX века / под ред. В. А. Золотарева. – М.: Кучково поле; Полиграф-ресурсы, 2000. – 576 с.
10. Сирийский рубеж / Под ред. М. Ю. Шеповаленко. – 2-е изд. доп. – М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2016. – 184 с.
11. Скороходова, О. Н. США и Западная Европа в условиях нефтяного кризиса 1973-1974 годов / О. Н. Скороходова // Новая и новейшая история. – 2013. – №1. – С. 37-53.
12. Страны Ближнего Востока: Справочник / И. Ф. Черников (рук. авт. кол.). – К.: Политиздат Украины, 1990. – 335 с.

Статья поступила в редакцию 15.10.2018

Martynkin, A. V., Qanah, A. M. *Black Sea Fleet in the Context of Russian- Syrian Relations*

The article deals with the transformation of the format of geopolitical actors interaction in the Eastern Mediterranean region in a historical retrospective. The main attention is paid to the analysis of the policy of the USSR and Russia in protecting this region of their national interests. The authors conclude that Russia, in the interest of ensuring the security of its territory from threats from US and NATO naval forces, needs to maintain its geostrategic presence in the Mediterranean basin on an ongoing basis. It is noted that the operational capabilities of the permanent operational connection of the Russian Navy in the Mediterranean Sea have significantly improved after Russia and Syria signed an agreement on the creation and use by Russia of a naval base in the Syrian port of Tartus.

Keywords: Eastern Mediterranean region, Black Sea Fleet, Syria, threats to the Russian territory security, naval base in the Syrian port of Tartus.

УДК 323/324(477:477.75)"2010"

В статье рассматриваются детерминанты и динамика событий конца 2013 г. — начала 2014 г. в Крыму. Отмечается, что во многом развитие и итоги Крымской весны были предопределены многовекторностью и неустойчивостью внешнеполитического курса В. Януковича и значительным сокращением реальных автономных прав Крыма в составе Украины в период его президентских полномочий. Акцентируется внимание на действиях крымского парламента на начальном этапе политического кризиса в Украине 2013 г. вплоть до момента, когда в Киеве был совершён государственный переворот. Руководство крымского парламента делало ставку на восстановление стабильности, укрепление законности и правопорядка на Украине. Но политические силы, пришедшие к власти в Украине в феврале 2014 г., продемонстрировали ярко выраженный националистический русофобский характер и нацеленность на силовой сценарий лишения Крыма автономных прав, итогом чего стало решение крымчан возвратиться в состав Российской Федерации.

Ключевые слова: Крымская весна, государственный переворот, Верховный Совет Крыма, референдум.

А. Р. Никифоров, доцент, канд. ист. наук

Таврическая академия Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского

E-mail: nandrey@bk.ru

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И ИТОГИ КРЫМСКОЙ ВЕСНЫ

Крым и выборы президента Украины 2010 г.

События конца 2013 г. — начала 2014 г. во многом были запрограммированы ходом и итогами выборов Президента Украины 2010 г. Победа на этих выборах лидера Партии регионов Виктора Януковича была одержана благодаря поддержке крымчан: в автономной республике за него во втором туре проголосовали 78,24 % избирателей, а в Севастополе — 84,35 %. Всего Крым отдал за кандидата Партии регионов без малого миллион голосов. Более активно Янукович был поддержан только в своей «вотчине» — на Донбассе, получив 2435522 голоса избирателей Донецкой области (90,44%) и 1237922 — Луганской (88,96%).

Поддержка Януковича в Крыму носила ярко выраженный пророссийский характер. Именно с этим кандидатом в президенты у крымчан ассоциировались надежды на укрепление российско-украинских связей, наделение русского языка официальным статусом, восстановление и углубление экономической интеграции российской и украинской экономики. Нельзя сказать, что Янукович давал конкретные обещания по поводу такого внешнеполитического курса, а вот о статусе русского языка он высказывался вполне определённо, причём делал это в Крыму. Очевидцы вспоминают, что на встрече с избирателями в Симферополе, подняв руку, он произнёс: «Я вот этой рукой на следующий день после избрания президентом подпишу закон о русском языке!».

Значительную роль в массовой поддержке крымчанами Януковича сыграла и неприемлемость для них его главного оппонента — Юлии Тимошенко. Потому, несмотря на отсутствие особых иллюзий по поводу идейных взглядов Януковича и истинных политических устремлений возглавляемой им партии, пророссийские силы полуострова вновь, как и в 2004 г. и 2006 г., консолидировались вокруг его фигуры, обеспечив ему полную поддержку со стороны крымского электората. На сторону лидера Партии регионов стали не только его однопартийцы, но и активисты пророссийских организаций республики и Севастополя, в том числе — члены партии «Русский блок» и участники только что созданного общественно-политического движения «Русское Единство».

Однако первые внешнеполитические шаги президента Януковича, казалось бы, не оправдывали надежд его избирателей: буквально через несколько дней после вступление в должность главы украинского государства он совершил официальный визит не в Москву, а в Брюссель — столицу Евросоюза и штаб-квартиру НАТО. Впрочем, дальнейшие действия Януковича должны были убедить и его сторонников, и его критиков, что брюссельский визит — не обозначение приоритетного внешнеполитического вектора Украины, а лишь эпизод в осуществляемой новым президентом политики «многовекторности», доставшейся ему по наследству от Леонида Кучмы.

Харьковские соглашения

Действительно, вслед за дипломатическим вояжем на Запад (признавший украинские президентские выборы 2010 г. легитимными) последовал неожиданный дипломатический бросок на Восток. 21 апреля 2010 г. в Харькове состоялась встреча президента Украины В. Ф. Януковича и президента Российской Федерации Д. А. Медведева, по итогам которой было подписано «Соглашение

между Украиной и Российской Федерацией по вопросам пребывания Черноморского флота Российской Федерации на территории Украины», получившее название «Харьковских соглашений».

В нём стороны договаривались о продлении срока базирования в Крыму Черноморского флота на 25 лет. Таким образом, если по «Соглашению между Украиной и Российской Федерацией о статусе и условиях пребывания Черноморского флота Российской Федерации на территории Украины от 28 мая 1997 года» срок пребывания флота в Крыму завершался 28 мая 2017 г., то теперь он отодвигался до 2042 г. с последующей автоматической пролонгацией на каждые следующие 5 лет, в случае согласия сторон [8].

Соглашение также фиксировало ежегодную арендную плату за базирование Черноморского флота в Крыму, которая состояла из двух частей: фиксированной - в размере 100 млн. долларов США в год и формирующейся из скидки на приобретаемый у России природный газ в сумме 100 долларов США на каждую тысячу кубометров.

Если пророссийские силы Украины встретили Харьковские соглашения с нескрываемым оптимизмом, то «национал-демократическая» оппозиция ответила на их заключение волной негодования. «Национал-демократы» на момент подписания Харьковских соглашений уже довольно длительное время находились в предвкушении приближающегося момента вывода флота из Крыма. Был даже создан Интернет-сайт с издевательским названием «Флот 2017», на котором шёл обратный отсчёт времени, оставшегося до момента завершения срока аренды мест базирования Черноморского флота в Крыму.

В зале пленарных заседаний Верховной Рады Украины 27 апреля для того, чтобы сорвать процесс ратификации Соглашения, оппозиционерами были устроены массовые беспорядки. Однако эта акция провалилась: украинский парламент большинством голосов принял закон о ратификации Харьковских соглашений, а через два дня аналогичный российский закон был подписан президентом РФ Д. А. Медведевым.

Даже после этого борьба против Соглашения со стороны оппозиции не прекращалась. Она выражалась в явно не соответствующих содержанию документа оценках его последствий, согласно которым «Янукович продал русским Крым за скидку на газ».

Содержание Харьковских соглашений, точнее — заложенная в них геополитическая формула взаимодействия Украины и России в Чёрном море, никак не могли устроить как антироссийские силы внутри украинского государства, так и из западных спонсоров, уже приступивших в то время к стратегии сдерживания России.

Премьерство Джарты и Могилёва. «Македонский» период в истории Крыма

На самом же деле, статус Крыма по итогам Харьковских соглашений формально никак не изменился. Фактически же с весны 2010 г. начался новый этап потери крымской автономией остатков самостоятельности и самобытности. Но связаны были эти процессы не с внешнеполитическими документами, а с внедрением в систему управления республики Василия Джарты — высокопоставленного функционера Партии регионов, находившегося в особых отношениях с новоизбранным президентом страны. В марте 2010 г. кандидатура Джарты, рекомендованная на пост Председателя Совета министров Крыма, была поддержана республиканским парламентом, новым председателем которого был избран Владимир Константинов.

С приходом Джарты в республике была осуществлена своеобразная кадровая революция. Фактически была изменена иерархия внутри пары первых лиц автономии. В прежнем тандеме явным и всеми признанным лидером был спикер парламента. Теперь же Джарты приехал не просто руководить крымским правительством, но с полномочиями занять место «руководителя №1» в республике.

Таким образом с марта 2010 г. в Крыму начал складываться по сути новый политический режим колониального типа при котором продолжают функционировать «туземные» представительные органы, формируемые местными жителями, но за ними остаётся только одна функция — одобрять любые решения колониальной власти. Атрибуты автономии при этом сохранялись, но они приобретали ещё более декоративный характер.

Все местные политические кланы, традиционно делившие между собой политическую власть в республике, были оттеснены от властных рычагов и бюджетных закров. Их лидеры, такие как Лев Миримский, Сергей Куницын, Андрей Сенченко, в течение 2010-2012 гг. обзавелись мандатами народных депутатов Украины и перебрались в Киев. Это обстоятельство также сыграло немаловажную роль в дни Крымской весны.

Не исключено, что имея в виду именно такую форму крымского политического режима, Янукович и его ближайшее окружение, подбирая кандидатуру нового главы крымского парламента, остановились на фигуре В. А. Константинова — рассчитывая на его политическую неопытность,

стремление избегать конфликтов и интриг, готовность к «командной игре». В новом спикере они явно не разглядели будущего лидера Крымской весны.

Крымский парламент во главе со спикером Константиновым с самого начала его пребывания во главе парламента автономии стал своего рода центром консолидации недовольства произволом исполнительной власти, с которой значительная часть депутатского корпуса, управленческого аппарата, просто общественно активных крымчан вынуждена была считаться, но так и не смирилась. Своего часа этой скрытой оппозиции придётся ждать четыре года...

На поверхности же шло стремительное формирование т.н. «команды Джарты», складывавшейся в процессе расстановки на всех уровнях властной вертикали кадров, привлечённых в Крым извне. Особенностью этой кадровой интервенции, отличающей её от предыдущих, было то обстоятельство, что «завозные» кадры привлекались не только на верхние этажи власти, а занимали также должности в среднем управленческом звене и расставлялись практически на всех постах, с которых можно было контролировать денежные потоки. Анекдотичным выглядело, например, назначение одного из персонажей «команды Джарты» на должность директора симферопольского кладбища. Поскольку значительная часть кадровых «десантников» завозилась из Макеевки (выходцем из этого города был и сам Джарты, в 2000-2002 гг. занимавший пост Макеевского городского головы) и Донецка, «команду Джарты» стали именовать также «макеевско-донецкими» или попросту «македонцами».

Следующим актом переформатирования политического режима крымской автономии стали выборы в местные органы власти, которые состоялись 31 октября 2010 г. Под «македонский» пресс в ходе подготовки к выборам в парламент попадали «Русское Единство», партия «Союз», крымские коммунисты... Что же касается немногочисленных в Крыму сил «оранжевого» политического спектра, то новая избирательная система оставляла им мало шансов даже на повторение более чем скромного результата 2006 г. В итоге, из 100 депутатов Верховного Совета Крыма 80 оказались представителями Партии регионов. Впервые в ходе этих выборов явка в республике составила меньше половины крымских избирателей, из которых более 7 % проголосовали «против всех».

По итогам выборов Партия регионов единолично сформировала новое крымское правительство и почти единолично — Президиум Верховного Совета, полностью оттеснив местные политические элиты от распределения ресурсов региона.

Таким образом, крымский политический ландшафт претерпел в 2010 г. кардинальные изменения. «Команда Джарты» установила над ним монопольный контроль. Это означало не только разгромное поражение крымской политической элиты, но и знаменовало собой ещё один мощный удар по крымской самобытности и остаткам крымской самостоятельности.

17 августа 2011 г. Василий Джарты скончался. Пауза с назначением нового крымского премьера затянулась почти на три месяца. Наконец, 8 ноября 2011 г. новым Председателем Совета министров АРК был назначен Анатолий Могилёв, занимавший до этого назначения пост министра внутренних дел Украины. Несмотря на то, что Могилёв уже имел опыт работы в Крыму, он являлся типичным представителем той же макеевско-донецкой команды, что и Джарты. Правда — без жёсткости и бескомпромиссности, свойственной его предшественнику, что родило в рядах крымских политиков иллюзии установления более сбалансированного компромисса между ними и «македонцами». Но загнанного вглубь конфликта в верхах республиканской власти это не сняло.

В Севастополе в ходе местных выборов 2010 г. из 76 депутатских мандатов городского Совета, 46 достались выдвиженцам Партии регионов. Неплохие позиции в органе городской власти получили кандидаты от партии «Русский блок» и коммунисты (соответственно - 9 и 8 мандатов) [2]. В июне 2011 г. указом президента Януковича председателем Севастопольской городской государственной администрации был назначен Виктор Яцуба, сменивший на этом посту одиозного Сергея Куницына. У выходца из Днепропетровска Яцубы установились ровные, деловые отношения с органом городской представительской власти.

Назревание нового политического кризиса на Украине

События, в дальнейшем получившие название «евромайдана» и «революции достоинства», стали назреть с начала 2013 г., когда руководство Украины, казалось бы, уверенно встало на путь евроинтеграции и приступило к непосредственной подготовке заключения Соглашения об Ассоциации с Евросоюзом. Шла массированная обработка общественного мнения со стороны спикеров Партии регионов, доказывавших необходимость заключения Соглашения, подписание которого было намечено на 29 ноября 2013 г., когда в Вильнюсе должен был проходить очередной саммит ЕС и Восточного партнёрства.

Примечательно, что какой-либо общественной дискуссии по содержанию самого документа на Украине не было. Речь шла исключительно о выборе украинским государством геополитического вектора. Любые попытки критического отношения к избранному курсу, в том числе и внутри Партии

регионов, жёстко подавлялись. Так продолжалось вплоть до 21 ноября, когда неожиданно для многих Кабинет Министров Украины принял решение о приостановке курса на евроинтеграцию и необходимости отсрочки подписания Соглашения об Ассоциации.

Подобными шараханьями власти тут же воспользовалась оппозиция, начавшая в центре Киева бессрочную акцию протеста против приостановки подписания Украиной Соглашения.

В Крыму, напротив, свёртывание подготовки к сближению с ЕС было встречено с воодушевлением. Ведь евроинтеграция Украины означала неизбежное отдаление от Российской Федерации, что всегда болезненно воспринималось крымчанами.

Уже 22 ноября 2013 г. Президиум крымского парламента принял заявление, в котором поддержал решение Кабинета Министров Украины об отсрочке подписания Соглашения с ЕС, а 24 ноября на площади Ленина в Симферополе прошел многотысячный общекрымский митинг «За стабильность и процветание. Крымчане за развитие торговых отношений с Российской Федерацией», в котором приняли участие Председатель Верховного Совета АРК В. А. Константинов, члены Президиума и депутаты крымского парламента.

Но эпицентр разгорающегося конфликта находился в Киеве. Дальнейшее обострение в украинской столице началось после того, как на Вильнюсском саммите президент Янукович официально отказался ставить свою подпись под Соглашением об Ассоциации. Вечером того же дня начались столкновения митингующих с правоохранителями, вырос палаточный городок на киевской площади Независимости.

Начало «евромайдана» и реакция на него в Крыму

Ощущение тревоги в Крыму нарастало, но при этом чувство отстранённости от происходящего, особенно в начале «евромайдана», было довольно характерно для большинства населения полуострова. Но при этом, не воспринимая лидеров киевского «евромайдана», крымчане не испытывали какой-то особой любви к режиму Януковича. В крымском обществе в тот момент шел процесс накопления внутренней мобилизации, малозаметный для постороннего наблюдателя. Это была своего рода психологическая подготовка к последующим решительным действиям.

Эскалация конфликта в Киеве, происходившая на фоне растерянности и нерешительности центральных органов государственной власти, заставила активизироваться республиканское руководство. Центр политической жизни в крымской автономии переместился в здание крымского парламента, оперативно реагирующего на каждый поворот ситуации в столице Украины.

Уже 1 декабря 2013 г. события в столице Украины стали предметом обсуждения на внеочередном заседании Президиума ВС АРК, по итогам которого было принято Обращение к крымчанам, где была дана чёткая и жёсткая оценка происходящего. В Обращении, в частности, говорилось: *«События последних дней в Киеве вызывают серьезную тревогу за будущее нашей страны. Под угрозой поставлены политическая и экономическая стабильность в государстве, его целостность и сами основы конституционного строя...»* [6].

На следующий день вопрос о политической ситуации в стране был вынесен в повестку для пленарного заседания парламента. Было принято Обращение к президенту Украины Януковичу. Парламентарии требовали от президента немедленного восстановления конституционного порядка. В заключении Обращения содержался призыв к решительным действиям власти: *«Призываем Вас, уважаемый Виктор Федорович, принять все доступные Вам меры для восстановления общественного порядка, не останавливаясь, если этого потребует ситуация, перед введением чрезвычайного положения. Политический момент требует проявления максимальной твердости и решительности. Мы знаем, что они у Вас есть. Крымчане всячески поддержат Ваши усилия по стабилизации политического положения и восстановлению общественного порядка* [4].

Такая крымская активность разительно отличалась от той, которую заняли органы власти остальных украинских регионов. Не говоря уже о невятной позиции руководства центральных органов власти. Крымский парламент систематически бомбардировал информационное пространство Украины обращениями, заявлениями, прочими документами, предлагая своё видение преодоления кризисной ситуации в государстве. Руководство крымского правительства во главе с Анатолием Могилёвым, напротив, выжидало, воздерживалось о какой-либо самостоятельной инициативы.

С первого дня политического кризиса в Крыму шел поиск выхода из него, приемлемый для Крыма и крымчан. Для этого Крыму нужны были союзники. Спикер крымского парламента Владимир Константинов на свой страх и риск и без согласования с киевским руководством, а также с главой крымского правительства, приступил к налаживанию контактов с представителями российских властей в Москве. И хотя сигналы из Симферополя были восприняты, реакция на них последовала далеко не сразу. Если бы в Киеве тогда стало известно об этой деятельности, расплата за подобную активность председателя Верховного Совета автономии последовала бы незамедлительно.

Сам спикер крымского парламента так характеризует начало тех поисков крымского выхода из политического тупика, в который стремительно загоняла себя Украина: «После того, как в Киеве начались нападения на силовиков, захваты административных зданий, мы поняли, что власть Януковича не устоит. Что надо переходить на уровень поиска юридических формул возвращения в Россию» [1, с.30].

Несмотря на то, что позиция российского руководства по отношению к украинскому кризису в тот момент озвучена не была, Москва внимательно отслеживала и анализировала ситуацию. Но каким-то образом вмешиваться в неё не торопилась. В руководстве крымского парламента в тот момент зрела готовность пройти свою трудную часть на пути в Россию даже при отсутствии каких-либо ясных гарантий поддержки со стороны Российской Федерации.

Политически активные крымчане тоже искали своё место в разворачивающихся событиях. Первоначально их действия носили разрозненный характер. Предпринимались попытки проведения «антимайдановских» акций организацией «Таврический союз», серия протестных флеш-мобов была проведена под началом депутата крымского парламента от партии «Русское единство» Сергея Шувайникова. Но все эти акции не носили массового характера и происходили вдали от эпицентра событий, не вызывая реакции официального Киева.

Буквально с первых дней «евромайдана» крымчане приступили к сбору гуманитарной помощи для бойцов крымского спецподразделения МВД «Беркут», откомандированных в Киев. Стойкость и выдержка бойцов «Беркута» стали своего рода символом того времени, снискали им авторитет и уважение в крымском обществе, вселяли надежду на то, что украинских экстремистов удастся остановить.

Имело место в Крыму и организованное противодействие «евромайдану»: желающие принять участие в акциях Антимайдана в Киеве отправлялись в столицу Украины по линии Партии регионов. В январе 2014 г. в Крыму было создано движение «Стоп-Майдан», инспирированное руководством Совмина АРК. Однако в целом исполнительная власть действовала вяло, придерживаясь инструкций Центра, которые явно запаздывали.

Вплоть до момента, когда в Киеве был совершён государственный переворот, руководство крымского парламента делало ставку на восстановление стабильности, укрепление законности и правопорядка на Украине. Можно сказать, что Крым был единственным регионом, который тогда продолжал последовательно бороться за сохранение целостности Украины.

12 февраля в Ливадийском дворце состоялся Всеукраинский форум областных советов и Верховного Совета Крыма, в котором приняли участие представители 18 областей Украины (за исключением западных: Волынской, Закарпатской, Ивано-Франковской, Львовской, Ровенской, Тернопольской, Черновицкой, Винницкой, а также Киева). Владимир Константинов в своём выступлении на форуме заявил, что модель крымской автономии, заложенная в Конституции Украины и Конституции АРК 1998 г., «полностью себя исчерпала» и следует вернуться к ряду параметров первой половины 90-х гг. — когда крымская автономия имела государственную самостоятельность. Но речь не шла о выходе из состава украинского государства. Мало того, Константинов фактически единственный из участников форума предложил свой вариант выхода Украины из кризиса. По его мнению, помочь в сложившейся ситуации могла децентрализация власти, «сшивка Украины по горизонтали», что подразумевало опору Центра на региональные элиты. Но к серьёзному разговору о таком переформатировании Украины не оказались готовы не только в Киеве, на него не пошли представители местных властей даже Юго-Восточных регионов. Крым и остальная Украина уже политически разошлись.

19 февраля 2014 г., в 60-ю годовщину передачи полуострова из состава РСФСР в состав СССР, крымский парламент принял решение о более активном подключении регионов к подготовке нового текста Конституции Украины, а также предложил провести всеукраинский референдум по ключевым вопросам государственного устройства. Эта инициатива Симферополя также осталась незамеченной в Киеве.

В последующие два-три дня власть Януковича рухнула. Командные высоты в столице Украины стремительно переходили в руки сторонников «евромайдана».

Окончательно крымские депутаты убедились в бесперспективности спасать всю страну после проведения в Харькове Съезда депутатов всех уровней, который состоялся 22 февраля 2014 г. Многие ожидали от съезда повторения форума, аналогичного состоявшемуся в Северодонецке, когда в декабре 2004 г. депутаты всех уровней Юго-Востока страны сумели сплотиться и громко заявить о необходимости считаться с интересами и политической волей тех регионов, которые они представляли. Но съезд в Харькове не принёс никаких результатов.

В эти же дни из Киева пришли известия о гибели бойцов крымского «Беркута», а затем — о погроме, учинённом возвращавшимся домой крымским участникам «Антимайдана». В окрестностях Корсуня Шевченковского автобусы с крымчанами были остановлены группами активистов «евромайдана», их пассажиры жестоко избиты, несколько человек пропало без вести. Это поставило ребром вопрос о немедленном политическом выборе Крыма.

«Февральские окна» накануне Крымской весны

Государственный переворот, происшедший в феврале 2014 г. в Киеве, вывел крымчан из состояния напряжённого ожидания. До этого киевские события воспринимались многими как «не наша война», поскольку защищать власть Януковича, неоднократно до того обманувшего ожидания жителей полуострова, многим казалось бессмысленно. Но после его свержения Крым оказался один на один против устроителей государственного переворота. Как показали дальнейшие события, крымчане оказались готовы вступить с ними в борьбу.

Функции по организации крымского Сопротивления спонтанно оказались распределены между севастопольцами и жителями республики следующим образом: в городе-герое быстрее и масштабнее оформилось низовое, народное движение. Оно стало своего рода запалом для подъема народной активности на остальной территории полуострова. Республика же лидировала в политико-правовом оформлении линии противодействия новым киевским властям, придавала борьбе Крыма легитимный характер, обеспечив работу крымского парламента.

Первая попытка проведения пленарного заседания Верховного Совета Крыма по инициативе его председателя - с обсуждением политической ситуации, сложившейся после государственного переворота в Киеве, была предпринята 21 февраля. Но кворума собрать не удалось. Сказалось противодействие со стороны премьера Могилёва и его ближайшего окружения, хорошо осознававших, что в сложившейся ситуации парламент первым делом отправит в отставку «македонское» правительство. Могилёв имел влияние на значительную часть депутатского корпуса, что позволило ему на определённое время парализовать работу парламента.

22 февраля Симферополь прощался с бойцами «Беркута», погибшими в Киеве. После прощания на площади Ленина начался стихийный митинг. Во многом именно с этого момента начался общественный подъем, который шёл затем по нарастающей вплоть до 16 марта. На прощание, прямо с марша из Киева, прибыли однополчане погибших «беркутовцев». Они были встречены симферопольцами овацией и скандированием: «Беркут!».

Жители Симферополя попытались разбить на площади палаточный лагерь, но после переговоров с милицией отказались от этих попыток: на следующий день на площади был запланирован митинг сторонников Меджлиса и правоохранители убедили людей не создавать лишних поводов для провокаций.

На следующий день, в воскресенье, 23 февраля, севастопольцы провели свой многотысячный митинг, переросший в настоящее вече, на котором «народным мэром» города-героя был избран Алексей Чалый. Глава Севастопольской горадминистрации Яцуба добровольно ушел в отставку. Лидер партии «Русский блок» Геннадий Басов объявил о создании в Севастополе добровольческих отрядов самообороны.

В тот же день в крымской столице состоялись две многотысячные акции. У здания Верховного Совета около трёх тысяч активистов «Русского единства» под руководством депутата Верховного Совета Крыма Сергея Аксёнова производили запись добровольцев в Народное ополчение. Таким образом, они отмечали День защитника Отечества, который в Украине был отменен. А в нескольких ста метрах — на площади Ленина Симферополя проходил десятитысячный митинг Меджлиса крымскотатарского народа.

Свой митинг Меджлис приурочил к годовщине расстрела в годы гражданской войны председателя «Крымской Народной Республики» Номана Челебиджихана. На самом же деле на нём была оглашена политическая программа Меджлиса: принятие новой Конституции Крыма, которая гарантировала бы квотное представительство крымских татар во всех органах республиканской и местной власти, сноса памятника Ленину в центре Симферополя в течение 10 дней. Митингующие потребовали демонтировать все памятники вождю по всей территории полуострова, пригрозив в случае невыполнения этого ультиматума «принять меры». Было заявлено о готовности дать отпор намерениям вывести Крым из состава Украины. По сути это была заявка на то, чтобы при помощи новой киевской власти взять в свои руки руководство Крымом.

С такой перспективой категорически не были согласны крымчане, собравшиеся в День защитника Отечества у стен Верховного Совета автономии. Здесь буквально за считанные часы было сформировано 10 рот Ополчения.

На следующий день, 24 февраля, две роты республиканского Народного ополчения, сформированные накануне на основе членов казачьих организаций, выдвинулись к базе «Беркута» в Симферополе и заблокировали подходы к ней с внешней стороны. Ополченцы узнали о прибытии в расположение «Беркута» назначенных киевскими путчистами руководителем МВД Украины и главой СБУ Арсена Авакова и Валентина Наливайченко, намеренных, по слухам, разоружить и распустить спецподразделение. У входа на базу возник бессрочный пикет, стал возводиться палаточный городок. В это же время сами бойцы «Беркута» готовили базу к обороне изнутри. На неё завезли 40 тонн песка, которым забаррикадировали окна, были заблокированы ворота базы.

Вскоре к базе «Беркута» прибыл глава крымского правительства Могилёв, первоначально встреченный доброжелательно. Но стоило ему только заговорить о необходимости выполнять распоряжения Киева, как он тут же был изгнан пикетчиками.

База «Беркута», наряду в Севастополе, стала точкой кристаллизации крымского протеста против госпереворота в Киеве. Однако в Крыму имела легитимная власть — республиканский парламент. Именно под его стенами пикетчики и все, кто их поддерживал, решили провести на следующий день митинг с требованием немедленного созыва пленарного заседания и принятия политических решений, которых требовала сложившаяся ситуация. Конкретной политической программы у пикетчиков при этом не было.

Утром 25 февраля у здания Верховного Совета Крыма собралось около 2 тыс. человек. Участники митинга зачитали «Письмо 15-ти» — обращение представителей крымской общественности, адресованное спикеру парламента Владимиру Константинову. В нём констатировалось, что после государственного переворота в Киеве единственной легитимной властью в Крыму является местный парламент, который должен взять на себя всю полноту власти и ответственности за происходящее. Для этого предлагалось отказаться от выполнения распоряжений, поступающих из Киева, вернуться к государственной самостоятельности по Конституции 1992 г., переподчинить себе все украинские силовые структуры, размещавшиеся на территории республики, а также — провести референдум по вопросу о дальнейшей государственной принадлежности полуострова.

Требования митингующих в целом совпадали с замыслами руководителей депутатского корпуса. Руководство Верховного Совета вступило в переговоры с участниками митинга. Их представители были приглашены на заседание Президиума парламента, который принял решение о проведении пленарного заседания на следующий день, 26 февраля, в 15:00. Сразу после оглашения сроков проведения пленарного заседания партия «Русское единство» подала заявку на проведение в день работы парламента массовой акции в поддержку и для охраны депутатского корпуса. Начало пикета было намечено на 14:00.

Одновременно Меджлис по всем доступным ему средствам информации объявил «национальную мобилизацию» крымских татар, призывая их под стены парламента к 10:00. Крымских татар вводили в заблуждение, заявляя, что на сессии будет принято решение о выходе из состава Украины, хотя руководители Меджлиса хорошо знали, что в тот момент таких намерений у руководства Верховного Совета не было.

События 26-27 февраля в Симферополе

Утром 26 февраля под стены здания Верховного Совета Крыма стали стягиваться группы митингующих крымских татар, колонны которых возглавляли члены Меджлиса. Сторонники Меджлиса и «евромайдана» были хорошо организованы и технически подготовлены к столкновению. Они использовали в качестве метательных средств пластиковые бутылки, наполненные замороженной водой, толчёное в порошок стекло, древки знамён шли в ход как дубинки, а в кульминационный момент противостояния защитники парламента подверглись настоящей газовой атаке.

Тем не менее, заблокировать здание парламента у сторонников Меджлиса не получилось, так как на его охрану заступил небольшой пикет русских активистов — из числа тех, кто накануне стоял лагерем у базы «Беркута». Затем к защитникам парламента стали подтягиваться подкрепления. Пророссийскую сторону противостояния, вышедшую на защиту парламента, представляли, главным образом, гражданские активисты казачьих организаций и примкнувшие к ним неравнодушные симферопольцы. На помощь защитникам Верховного Совета прибыли активисты из других городов автономии. Отряд ополченцев прибыл из Севастополя.

В это время разыгрывалось несколько сценариев, каждый из которых предполагал существенное изменение политического ландшафта Крыма.

Сценарий сторонников киевского государственного переворота подразумевал плавную передачу исполнительной власти от правительства Могилёва новому премьеру, присланному из Киева. Этот пост должен был занять выходец из Крыма и близкий соратник Тимошенко, активист партии «Батькивщина» Андрей Сенченко. Договорённость с Могилёвым о «мирной» передаче власти была

достигнута. Единственным препятствием развитию событий по такому сценарию мог стать только крымский парламент, если бы ему удалось вмешаться в процесс смены правительства. Но с парламентом автономии в «македонский период» привыкли не считаться. Достаточно было продемонстрировать его временную недееспособность. А после смены правительства предполагалось добиться лояльности депутатского корпуса к новому руководству автономии, как бывало уже в новейшей крымской истории не раз. На нейтрализацию Верховного Совета Крыма и была направлена акция Меджлиса, лидер которого Рефат Чубаров рассчитывал занять в ближайшем будущем пост главы крымского парламента.

Но руководство парламента автономии пыталось осуществить другой сценарий. Как показало заседание Президиума 25 февраля, практически все его члены были готовы осудить случившийся в Киеве государственный переворот. Руководители Верховного Совета были намерены отправить в отставку Могилёва и наиболее одиозных министров его правительства, после чего — взять исполнительную власть под собственный контроль. Не совсем понятно, предусматривались ли этим планом какие-то дальнейшие шаги. Но совершенно очевидно: вопрос о выходе из состава Украины в тот момент в повестку дня работы парламента не вносился и даже не обговаривался.

К моменту начала работы пленарного заседания, в 15:00, зарегистрировавшихся в сессионном зале депутатов оказалось меньше половины. И при повторной попытке открыть заседание, предпринятой в 16:00, кворум так и не был собран, после чего Владимир Константинов вынужден был распустить депутатов. К тому времени боевики Меджлиса сумели ворваться в здание парламента, но ограничились его символическим «взятием» и разошлись.

День 26 февраля завершился формальным поражением пророссийских сил: русские активисты были отеснены от здания Верховного Совета и только после ухода оттуда меджлисовцев начали сооружать у входа в парламент баррикаду, сам парламент так и не собрался, политические решения, стоявшие на повестке дня его работы, так и не были приняты. Деятельность Верховного Совета была, казалось, надёжно заблокирована. Но в ночь с 26 на 27 февраля всё неожиданно изменилось.

Ранним утром 27 февраля здания парламента и правительства республики оказались под контролем неизвестных вооружёнными людей. Над зданиями были подняты флаги Российской Федерации.

Рано утром ряд депутатов Верховного Совета Крыма и руководители крымского правительства собрались в здании Главного управления МВД Украины в Крыму. На коротком совещании было решено вступить в переговоры с людьми, заблокировавшими правительственные здания. Попытка премьера Могилёва попасть в свой кабинет успеха не имела. Напротив, члены Президиума Верховного Совета были допущены в здание парламента и приступили к подготовке нового пленарного заседания. Его удалось собрать к вечеру того же дня.

Фактически то, чего около недели безуспешно добивалось руководство крымского парламента, решилось в течение нескольких часов: правительство было отправлено в отставку, кроме того, на 25 мая был назначен референдум о восстановлении государственного суверенитета Крыма в трактовке Конституции 1992 г. Напомним, речь в ней шла о том, что Крым строит свои отношения с Украиной исключительно на основании договоров и соглашений. Объявление референдума, как и отставка Могилёва, возражений у депутатов не вызвало. Они возникли по вопросу о назначении нового главы крымского правительства. Однако после непродолжительных дебатов депутаты остановились на кандидатуре Сергея Аксёнова, который и был избран новым Председателем Совета министров Автономной Республики Крым.

Крымская весна наступила

Итак, даже 27 февраля Верховный Совет Крыма ещё не ставил вопроса о выходе республики из состава украинского государства. Речь шла о расширении самостоятельности Крыма, восстановлении полномочий республики, незаконно упразднённых официальным Киевом в 1995 году. У новых украинских властей имелись все шансы для того, чтобы попытаться сохранить полуостров в составе Украины. Для этого необходимо было пойти навстречу крымской стороне, начать с ней переговоры. Однако вскоре выяснилось, что Крыму в своей борьбе за самостоятельность предстоит пройти гораздо дальше, чем предполагалось первоначально. Этого требовала логика развития событий, прежде всего — абсолютная неспособность нового киевского режима к каким-либо переговорам и компромиссам: в ответ на крымские инициативы Киев сменил местных руководителей силовых ведомств, в Верховной Раде был зарегистрирован проект о роспуске крымского парламента. Это явственно демонстрировало намерение украинских властей применить силу в отношении мятежной республики.

Для недопущения реализации подобного сценария следовало как можно быстрее заблокировать перешейки, соединяющие Крымский полуостров с материковой Украиной. Силую часть этой задачи

взял на себя севастопольский «Беркут», а для противодействия «мирным митингувальникам» на Перекоп выдвинулись активисты Русского движения. Вскоре им на помощь прибыли казаки-добровольцы из Краснодарского края. В течение 27 февраля были заблокированы входы в Крым через Перекоп, Чонгар и Арабатскую стрелку.

Народное ополчение, численность которого в те дни достигла 10 тысяч добровольцев, взяло под контроль общественный порядок и приступило к предотвращению террористических угроз, а также приняло участие в блокировании украинских воинских частей, размещённых на территории Крыма.

28 февраля был сформирован новый состав крымского правительства. После попытки вооружённой атаки на здание крымского парламента в ночь с 28 февраля на 1 марта, крымский премьер обратился к Президенту Российской Федерации Путину с просьбой об оказании помощи Республике Крым. Ответ был получен незамедлительно: с 1 марта здания правительства и парламента были взяты под охрану российскими военными. 2 марта Сергей Аксёнов своим Указом переподчинил Крыму все силовые структуры, базировавшиеся на территории полуострова.

Параллельно шла подготовка к проведению референдума о статусе республики. Обстоятельства заставили скорректировать и сроки его проведения, и выносящиеся на него вопросы, и даже территорию, на которой проводилось всенародное волеизъявление. По этому поводу шли переговоры между Симферополем и Севастополем, консультации с Москвой.

6 марта 2014 г. Верховным Советом Крыма было принято новое постановление о проведении референдума. Создавалась Комиссия АРК по его проведению, был утверждён новый срок голосования — 16 марта — и сформулированы два альтернативных вопроса, которые на него выносились: 1) *Вы за воссоединение Крыма с Россией на правах субъекта Российской Федерации?*; 2) *Вы за восстановление действия Конституции Республики Крым 1992 года и за статус Крыма как части Украины?*[7].

Именно в этом Постановлении впервые была сформулирована цель, давно овладевшая умами крымчан: «Войти в состав Российской Федерации в качестве субъекта Российской Федерации». Референдум должен был быть проведён по всей территории Крыма, включая Севастополь.

Началась скоротечная и очень напряжённая подготовка к референдуму, на которую было отпущено менее 10 дней. Особых сомнений настроения крымчан не вызывали. Пожалуй, кроме крымских татар, которых долгие годы умело натравливали на русских и Россию. Но и в крымскотатарской среде, по уверению лидера «Милли Фирки» Васви Абдураимова, отношение к референдуму было далеко не однозначным. По его подсчётам около 40% крымских татар приняли участие во всенародном голосовании.

11 марта крымский парламент принял Декларацию о независимости АРК и города Севастополя. В ней, ссылаясь на Устав ООН и международно-правовые документы, закрепляющие право народов на самоопределение, а также ссылаясь на прецедент с Косово, провозглашалось, что в случае положительного ответа на первый вопрос референдума, Крым будет объявлен независимым суверенным государством — Республикой Крым в составе Автономной Республики Крым и города Севастополя. После этого Республика Крым, в случае подтверждения независимости на референдуме, обратится к Российской Федерации с предложением о принятии суверенной республики на основе соответствующего межгосударственного договора в состав Российской Федерации как нового субъекта Российской Федерации. Декларация была в того же день принята и Севастопольским городским Советом [1, с. 234-235].

Референдум был подготовлен в срок и проведён на высоком организационном уровне. По заказу Комиссии по проведению общекрымского референдума было изготовлено 1 миллион 517 тысяч 228 бюллетеней. Вопросы, выносившиеся на референдум, были напечатаны на трёх языках: крымскотатарском, русском и украинском.

В итоге, общее количество принявших участие в голосовании составило 1274096 человек, или 83,10 % крымских избирателей. Из них 1233002 (96,77 %) проголосовали за возвращение полуострова в Россию [3].

Несмотря на позицию украинских властей и их зарубежных покровителей, за подготовкой и проведением референдума наблюдали многочисленные представители международной общественности. Они подтвердили законность всего происходящего и отметили небывалый энтузиазм крымчан в день голосования.

На следующий день, 17 марта, крымский парламент утвердил итоги Всекрымского референдума. Крымчане подтвердили выход Республики Крым из состава Украины и обретение ею независимости. Президент РФ Владимир Путин в тот же день подписал указ о признании Республики Крым суверенным и независимым государством. Следующим шагом, вытекающим из народного мандата, полученного крымскими властями на референдуме, должно было стать вхождение республики в состав

Российской Федерации. Для этого в Москву отправилась представительная крымская делегация во главе с руководителями парламента и правительства автономии, а также - города Севастополя.

18 марта 2014 г. в Георгиевском зале Кремля Президент Российской Федерации Путин выступил перед депутатами Государственной Думы, членами Совета Федерации, руководителями регионов России, представителями гражданского общества. Здесь же присутствовала и крымская полномочная делегация. Президент в своей речи обосновал исторические, ментальные, геополитические и политико-правовые обстоятельства, которые заставляют его внести в Федеральное Собрание Конституционный закон о принятии в состав России двух новых субъектов Федерации: Республики Крым и города Севастополь [5]. После этого Президент Российской Федерации Владимир Путин, Председатель Государственного Совета Республики Крым Владимир Константинов, Председатель Совета министров Республики Крым Сергей Аксенов и мэр Севастополя Алексей Чалый подписали межгосударственный Договор о принятии Республики Крым и г. Севастополя в Российскую Федерацию и образовании в ее составе новых субъектов.

20 марта федеральный конституционный закон «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя» был принят Государственной Думой РФ, а 21 марта — он был одобрен Советом Федерации и подписан Президентом. Юридическое оформление возвращения Крыма в состав Российской Федерации было завершено.

Таким образом, Крымская весна 2014 г. завершила замысловатый круг событий последних десятилетий, связанных с возвращением Крыма в лоно России. Как выразился Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин: «проблема Крыма решена исторически раз и навсегда».

Список литературы

1. Константинов, В. А. Пройти свой путь / В. А. Константинов. - Симферополь: ООО «Фирма «САЛТА» ЛТД, 2017. – 256 с.
2. Новости Севастополя. ForPost. - URL: <http://sevastopol.su/news/vybory-2010-oficialnye-rezultaty-golosovaniya-po-vyboram-v-sevastopolskiy-gorodskoy-sovet> (дата обращения: 24.05.2018)
3. Обнародование результатов общекрымского референдума, состоявшегося в Автономной Республике Крым 16 марта 2014 года. - URL: <http://archive.is/bvjR6#selection-883.0-911.1> (дата обращения: 24.05.2018)
4. Обращение Верховной Рады Автономной Республики Крым к Президенту Украины Януковичу В.Ф., 2 декабря 2013 года. № 22-6/13-ВР. - URL: <http://crimea.gov.ru/act/11432> (дата обращения: 24.05.2018)
5. Обращение Президента Российской Федерации. 18 марта 2014 года 15:50 Москва, Кремль / Сайт Президента России. - URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/20603> (дата обращения: 24.05.2018)
6. Обращение Президиума Верховного Совета АРК к крымчанам, 1 декабря 2013 года. №1511-6/13. - URL: <http://crimea.gov.ru/app/2785> (дата обращения: 24.05.2018)
7. Парламент Крыма принял постановление «О проведении общекрымского референдума» / Пресс-центр Верховного Совета АРК. - URL: http://crimea.gov.ru/news/06_03_2014_10 (дата обращения: 24.05.2018)
8. Соглашение между Украиной и Российской Федерацией по вопросам пребывания Черноморского флота Российской Федерации на территории Украины. - URL: <http://sevkrimrus.narod.ru/ZAKON/2010sogl.htm> (дата обращения: 24.05.2018)

Статья поступила в редакцию 3.11.2018

Nikiforov, A. R. Political Background and Results of the Crimean Spring

The article deals with the determinants and dynamics of the events of the end of 2013 - the beginning of 2014 in Crimea. It is noted that in many respects the development and results of the Crimean Spring were predetermined by the multivectorial and instable foreign policy of V. Yanukovich and a significant reduction in real autonomous rights of Crimea as a part of Ukraine during his presidential term. The author focuses attention on the actions of the Crimean parliament at the initial stage of the political crisis in Ukraine in 2013 up to the moment when a coup d'état took place in Kiev. The leadership of the Crimean parliament staked on the restoration of stability, strengthening of law and order in Ukraine. But the political forces that came to power in Ukraine in February 2014 demonstrated a pronounced nationalistic Russophobic character and a focus on the power scenario of depriving Crimea of autonomous rights, the result of which was the decision of the people of Crimea to return to the Russian Federation.

Keywords: Crimean spring, coup d'état, Supreme Council of Crimea, referendum..

СООБЩЕНИЕ

* * *

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ» (СЕВАСТОПОЛЬ, ОКТЯБРЬ 3 – 6 ОКТЯБРЯ 2018 Г.)

3-6 октября 2018 г. Севастопольской городской избирательной комиссией и Севастопольским государственным университетом при поддержке губернатора г. Севастополя была проведена научно-практическая конференция **«Избирательная система Российской Федерации: современные тенденции и перспективы развития»**. Целью мероприятия являлось создание площадки для обсуждения актуальных вопросов совершенствования избирательного права и избирательного процесса с использованием новых избирательных технологий с учетом отечественного и зарубежного опыта.

На мероприятии одним из наиболее обсуждаемых стал вопрос трансформации избирательного законодательства в Российской Федерации.

Председатель Избирательной комиссии Брянской области **Е. А. Анненкова** в докладе **«Избирательное законодательство – живая система»** обратила внимание на существующие в Российской Федерации недостатки структуры избирательных норм, к которым относятся: отрывочность и отсутствие системы конституционного регулирования (нарушение принципа преемственности конституционного развития института выборов); многочисленные заимствования и дублирование федеральных норм, следствием чего является отсутствие определенности и стройности правового регулирования; наличие пробелов, что в совокупности с копированием норм порождает неоднозначность правоприменительной практики, создает почву для права усмотрения; отсутствие стабильности нормативного регулирования и устойчивых избирательных традиций (существенные изменения вносятся в каждом новом электоральном цикле); зависимый характер законодательной деятельности (не законодатель формирует правовую модель выборов, а практика избирательных кампаний вынуждает его вносить коррективы).

По мнению докладчика, несмотря на объективно существующие несовершенства правового регулирования отдельных вопросов, именно эти «недостатки» на этапе развития правового Российского государства, делают избирательное законодательство действенным и живым правовым механизмом формирования органов государственной власти и органов местного самоуправления. Безусловно, процесс формирования избирательного законодательства продолжается. И существующая сегодня нормативная основа позволяет не просто формировать легитимные институты власти, но и адаптировать, и совершенствовать избирательные механизмы, решая такие задачи как доступность выборов и открытость избирательного процесса.

В докладе **И. Б. Борисова «Совершенствование избирательного законодательства и избирательных технологий»** было отмечено, что российская избирательная система, в отличие от ряда западных т.н. «старых демократий», продолжает и будет продолжать свое поступательное развитие, так как: нет конституционных ограничений для дальнейшего конструирования оптимальной избирательной системы, отвечающей текущему моменту; не выработан и не исчерпан весь потенциал научных и общественных идей, направленных на внедрение современных технологий в избирательный процесс. Акцентируется внимание на высоких темпах модернизации и готовности к ней как политических партий, так и избирателей ...существует готовность на всех уровнях развиваться во взаимодействии со всеми конструктивными силами общества: от вузов и НИИ, до партий и общественников. Указано, что относительно дальнейшего развития избирательной системы имеется необходимый политический консенсус: в Государственной Думе, Совете Федерации, Администрации Президента Российской Федерации, где созданы профильные комиссии и рабочие группы; существует объективная необходимость отвечать на новые вызовы и угрозы, которых только внешних, по данным Комиссии Совета Федерации по защите государственного суверенитета, более десятка.

Кроме того, в России отсутствуют непреодолимые проблемы в этой области, накоплен и обобщен колоссальный мировой опыт: ЦИК РФ подписаны соглашения о сотрудничестве с 28 избирательными комиссиями зарубежных государств; ЦИК РФ состоит и/или взаимодействует с рядом профильных международных организаций: БДИПЧ ОБСЕ, СНГ, ШОС, ВАИК, АОВСЕ, ААИО, ОАГ

и некоторых др. Значительную роль играет наличие перманентной вариативности дальнейшего оптимального развития избирательной системы, которая должна обеспечивать поступательное демократическое развитие государства. Отдельного внимания, по мнению докладчика, требуют: совершенствование системы избирательных органов низового уровня, продолжение оптимизации отдельных элементов и процедур избирательного законодательства, автоматизация избирательного процесса (в ближайшей и долгосрочной перспективе), межведомственная унификация списков (реестра) избирателей.

И. Л. Акимов, кандидат юридических наук, председатель Избирательной комиссии Алтайского края, доцент кафедры конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» и **О. В. Китновская**, начальник отдела правовой, кадровой, контрольной и административной работы Избирательной комиссии Алтайского края представили опыт кодификации законодательства о выборах и референдумах в Алтайском крае.

По мнению докладчиков, на современном этапе развития российского избирательного законодательства особую актуальность приобретает вопрос разработки и принятия Избирательного кодекса. Особенностью законотворческой деятельности в Алтайском крае является наделение Избирательной комиссии Алтайского края правом законодательной инициативы по вопросам ее ведения. В связи с этим в регионе сложилась практика совместной подготовки и разработки законопроектов Избирательной комиссией Алтайского края и комитетом Алтайского краевого Законодательного Собрания по правовой политике, а в случае внесения изменений в части проведения муниципальных выборов, также и совместно с комитетом по местному самоуправлению.

Председатель избирательной комиссии Челябинской области **С. В. Обертас** в докладе **«Особенности взаимодействия областной избирательной комиссии с комиссией, организующей выборы (ИКМО) по вопросам неурегулированного законодательства»** затронул вопрос возможностей, предусмотренных законодательством о выборах, в части возложения избирательных комиссий муниципальных образований городских и сельских поселений на территориальные избирательные комиссии.

В выступлении отмечалось, что прошедшие избирательные кампании показали необходимость усиления работы по возложению полномочий избирательных комиссий на муниципальные образования уровня сельских поселений. Это обусловлено, как показал опыт проведения выборов в отдельных сельских поселениях Челябинской области, тем, что в результате активного позиционирования своей самостоятельности при отсутствии постоянной погруженности в избирательные кампании и непрерывной работы с законодательством о выборах (что присутствует у ТИК), комиссии сельских поселений допускают ряд нарушений. В частности, присутствуют попытки печатать избирательные бюллетени на ксероксе, отказы печатать информационные плакаты на кандидатов и т. д.

Магистрант 1 курса кафедры конституционного права Саратовской государственной юридической академии **Ю. Я. Дубровина** в своем докладе **«Перспективы разработки и принятия избирательного кодекса Российской Федерации»** обратила внимание аудитории на то, что 4 июля 2018 г. между Российским фондом свободных выборов и представителями политологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова состоялось подписание соглашения о начале совместной работы над законопроектом «Кодекс о выборах и референдумах в Российской Федерации». Закон предполагается разработать к 2019 г. в качестве основного документа о выборах. 12 сентября 2018 г. в рамках *III Съезда Российского общества политологов, состоявшегося в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова на площадке факультета политологии, была представлена концепция и структура указанного закона.*

В докладе Ю. Я. Дубровиной было озвучено предложение закрепить в общей части будущего Избирательного кодекса РФ не только принципы, определяющие основы участия граждан в голосовании на выборах и референдуме как основных участников избирательных правоотношений, но и принципы избирательного процесса, такие как гласность выборов, периодичность, независимость избирательных комиссий. Кроме того, предложено добавить к представленной структуре Избирательного кодекса нормы: регулирующие правовое положение представителей средств массовой информации, описывающие порядок их участия в избирательной кампании; регулирующие политическую рекламу; подробно определяющие правовое положение наблюдателя на выборах и статус видеонаблюдателя; закрепляющие возможность дистанционного и электронного голосования; определяющие избирательные права лиц, находящихся в местах лишения свободы. Кроме того, отмечается необходимость введения института избирательной ответственности, в первую очередь для лиц, обладающих активным избирательным правом.

И. В. Лазарев, председатель Избирательной комиссии Белгородской области Избирательная комиссия Белгородской области в выступлении «**Совершенствование нормативного регулирования предвыборной агитации в сети Интернет в Российской Федерации**» заявил о необходимости внесения в Федеральный закон 2002 г. «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» изменений в части дополнения его статьей, посвященной особенностям предвыборной агитации в сети Интернет (по аналогии с нормами, регулирующие агитацию в периодических печатных изданиях и на каналах организаций телерадиовещания).

Среди вопросов, которые, по мнению докладчика, законодательно необходимо предусмотреть при дополнении избирательного законодательства, следует выделить:

- соответствующая статья должна содержать положения, касающиеся агитации на Интернет-ресурсах как зарегистрированных, так и не зарегистрированных в качестве СМИ, т. к. применение закона по аналогии не учитывает особенностей распространения информации в сети Интернет;

- должна быть предусмотрена ответственность за создание страниц в социальных сетях, которые позволяют выдавать себя за других лиц, а также за создание сайтов-двойников, распространение недостоверной информации, незаконного размещения агитационных материалов от имени конкурента;

- необходимо установить обязательную систематическую аккредитацию или сертификацию Интернет-ресурсов в целях подтверждения технических возможностей редакции такого ресурса своевременно обеспечивать достоверность, безопасность размещения агитационного материала, а также постоянный контроль за таким размещением;

- целесообразно законодательно установить регистрацию Интернет-ресурса в пределах юрисдикции Российской Федерации и в период выборов не допускать на этих сайтах ссылок на альтернативные сайты, которые могут быть расположены на зарубежных серверах;

- предусмотреть определение оснований, субъектов и мер ответственности за несоблюдение избирательного законодательства (например, искажение информации, ее недостоверность и др.) в Интернете;

- определить критерии политической агитации в Интернете для разграничения ее от обычной рекламы;

- решить вопрос о соотношении юрисдикции различных государств в Интернете;

- нормативно урегулировать вопросы «электронных» пожертвований в избирательные фонды кандидатов, правового статуса «электронного кошелька», барьеров против злоупотреблений с денежными переводами;

- создать специальный орган (или назначить ответственного члена комиссии), который бы контролировал агитационную информацию, следил бы за её достоверностью, что способствовало бы нивелированию искажений волеизъявления избирателей.

Аспирант ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет», **А. А. Жегалова** в докладе «**К вопросу об избирательных правах эмансипированных граждан**» обратила внимание на важность вопроса о наделении эмансипированных граждан активным избирательным правом в рамках правового демократического государства и предложила внести в законодательство о выборах статью «Об избирательных правах эмансипированных граждан». Кроме того, по мнению докладчика, наделение рассматриваемой категории граждан избирательными правами требует внесения изменений или дополнений в действующее законодательство, и прежде всего в Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». Однако, в виду проводимой работы по кодификации избирательного законодательства, дабы не нарушать логическую и лексическую структуру действующих норм, новые нормы предлагается включить в проект Избирательного кодекса после их общественного обсуждения.

Значительное внимание на конференции уделялось вопросам участия политических партий в избирательном процессе.

С.Ю. Белоконев, руководитель Департамента политологии и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ в докладе «**Результаты выборов в российских регионах в Единый день голосования 2018 г.: политологический анализ и технологические аспекты**» обратил внимание, что выборы, проведенные 9 сентября 2018 г. в 80 регионах РФ проходили на фоне протестов по поводу повышения пенсионного возраста. Общая политизация, протестное голосование дали эффект, даже никому не известные кандидаты набрали неплохой процент голосов. В 16 регионах появились новые составы законодательных собраний, где кандидатам от оппозиционных партий удалось заметно потеснить «Единую Россию».

Председатель Избирательной комиссии Курганской области **В. П. Самокрутов**, представивший доклад **«Участие политических партий в избирательном процессе на территории Курганской области»**, отметил, что в избирательном процессе принимают участие не более 22 % региональных отделений политических партий, которые по его наблюдениям, очень неохотно участвуют в избирательных кампаниях. С 2014 г. во всех избирательных кампаниях приняли участие региональные отделения четырех парламентских партий и от 1 до 5 иных партий. При этом в связи с отсутствием у государственных органов списков членов политической партии этот процесс становится трудно контролируемым. Нередко возникают вопросы правомочности данных органов, кворумов, мест посещения. Зачастую возникают ситуации, когда региональные отделения политических партий несвоевременно и не в срок представляет финансовую отчетность.

Депутат Законодательного Собрания города Севастополя **И. Г. Журавлев** в своем выступлении подчеркнул, существующее на данный момент количество партий не обеспечивает высокий процент явки избирателей и избрание их кандидатов в представительные органы власти различных уровней, а, следовательно, представительство достаточной части избирателей. По его мнению, причина происходящего кроется в безусловном объективном доминировании одной партии и отсутствие реальной конкуренции.

По мнению докладчика, применительно к президентским выборам безальтернативность обуславливается объективными и естественными причинами, то применительно к выборам в представительные органы власти любого уровня, доминирование одной партии деформирует политический процесс и вредит достижению стратегических целей, стоящих перед страной. Кроме того, в будущем неизбежным будет отказ от смешанной системы выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, при условии возврата к пропорциональной системе.

Председатель Избирательной комиссии Орловской области **Л. Л. Маркина** представила доклад **«Региональные отделения политических партий: партийная трансформация и система взаимоотношений с избирательной системой Орловской области (период 2014-2018 гг.)»**. В её выступлении подчеркивалось, что к числу условий, определяющих целенаправленную и эффективную партийную деятельность на уровне региона относятся финансовая поддержка со стороны политической партии и «человеческий фактор», т. е. наличие партийных кадров, способных организовать на местах внутреннюю партийную работу, в полном объеме использовать предоставленные права и нести обязанности, грамотно выстраивать взаимодействие с государственными органами и организациями, а также формировать обоснованный и устойчивый интерес у электората. Сочетание вышеназванных партийных приоритетов с профессионализмом, открытостью и гласностью в деятельности избирательных комиссий, выстроенное на системной основе, способствует сохранению и развитию диалога между всеми участниками избирательного процесса в регионе.

Серьезное внимание участники конференции уделили проблеме проведения досрочных выборов, проведения выборов на экстерриториальных избирательных участках.

Д. А. Реут, кандидат юридических наук, член Московской городской избирательной комиссии в докладе **«Экстерриториальные избирательные участки»** рассмотрел вопрос о наделении избирательными правами граждан, проживающих за пределами избирательного округа, которые Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» оставляет на усмотрение законодательного акта, регулирующего порядок проведения соответствующих выборов.

Докладчик отметил, что на выборах Президента Российской Федерации в 2018 г. впервые использовался институт голосования избирателей по месту нахождения – «Мобильный избиратель». Именно благодаря «Мобильному избирателю» стало возможным создание правового механизма, позволяющего москвичам, которые в день голосования находились за пределами территории города, исполнить свой гражданский долг и воспользоваться своим конституционным правом на избрание мэра г. Москвы.

Д. И. Митюшев, председатель избирательной комиссии Республики Коми в докладе **«Проблемные вопросы правовой регламентации досрочного голосования отдельных групп избирателей в труднодоступных и отдаленных местностях»** отметил недостаточность правовой регламентации процедур досрочного голосования отдельных групп избирателей в труднодоступных и отдаленных местностях, что на практике приводит к возникновению спорных ситуаций, и, как следствие, к избирательным спорам. По мнению докладчика, следует урегулировать ряд процедурных вопросы в нормативном правовом акте ЦИК России применительно ко всем уровням и видам выборов.

Это касается вопроса субъекта обращения в избирательную комиссию субъекта Российской Федерации за разрешением на проведение досрочного голосования отдельных групп избирателей в труднодоступных и отдаленных местностях, временных параметров досрочного голосования конкретных отдельных групп избирателей, фиксации способов его проведения. Для обеспечения самой возможности принятия такого акта, представляется необходимым внести изменения в часть 1 статьи 65 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», наделив именно ЦИК России правом на определение порядка проведения досрочного голосования отдельных групп избирателей в труднодоступных и отдаленных местностях.

В. В. Черкасова, кандидат исторических наук, председатель избирательной комиссии Сахалинской области в докладе «**Организация голосования в труднодоступных местностях Сахалинской области**» отметила, что из-за территориальных и климатических особенностей Сахалинской области приходится решать вопрос обеспечения голосования отдельных групп избирателей находящихся в день голосования в труднодоступных местах, на судах, в плавании, реализации избирательных прав работников предприятий нефтегазового и строительного комплексов, работающих с непрерывным циклом и вахтовым методом, на морских стационарных ледостойких платформах, буровых установках, расположенных в Охотском море у северо-восточного побережья о. Сахалин и т. д. Эта проблема решается через организацию досрочного голосования, организацию на судах избирательных участков, куда членов участковых комиссий доставляют вертолетами.

Оживленную дискуссию участников конференции вызвала проблема обеспечения общественного наблюдения на выборах.

А. В. Песков, председатель Молодежной избирательной комиссии Челябинской области, в докладе «**Роль института общественного наблюдения в контексте совершенствования избирательного процесса и законодательства**» обратил внимание на то, что именно общественное наблюдение позволяет вовлечь в избирательный процесс общность активных граждан, не желающих выступать или в той или иной мере отражать интересы отдельных политических акторов (партий и кандидатов). Кроме того, общественное наблюдение дает возможность осуществления абсолютно неаффилированного и профессионального наблюдения, в условиях которого минимизируется риск прецедентов, когда отдельные наблюдатели не руководствовались целью соблюдения порядка и законности, а отстаивали интересы и реализовывали задачи отдельных политических субъектов. В связи с вышеуказанным важно отметить, что именно общественное наблюдение способно развенчать комплекс укоренившихся неположительных стереотипов и повысить уровень доверия граждан к институту демократии в России. Поэтому, по мнению докладчика, возникает острая необходимость формирования благоприятного имиджа, престижности общественного наблюдателя. Другой аспект связан с ролью некоммерческого сектора, так называемым кластером общественных организаций и объединений в отдельном городе или субъекте РФ. Тогда наблюдателями будут становиться не только политически активные граждане, а люди с совершенно разными интересами, убеждениями, разные по профессиональному признаку и социальному положению, и при всей этой кажущейся разности их будет объединять идея. Кроме того, при организации обучения молодых наблюдателей принципиально важно использовать адаптивные технологии – визуализация, наличие иллюстративных примеров, интерактивные практики и ясная, простая речь, при учете априорной сложности транслируемого материала.

Кандидат юридических наук, доцент кафедры «Конституционное и административное право» Севастопольского государственного университета **С. А. Васильев** в докладе «**Институт наблюдателей как средство воздействия общественных палат на избирательный процесс в России**» отметил активное вовлечение общественных палат в процесс проведения выборов при том, что вряд ли они могут учитываться как субъекты избирательного права и процесса. Если конкретное физическое лицо назначено в качестве наблюдателя от такого рода формирования, то оно естественным образом должно представлять его интересы, сохраняя в приоритете соблюдение режима законности, обеспечение прозрачности избирательного процесса и пр. По мнению докладчика, общественные палаты разного уровня точно не относятся к любого рода общественным формированиям, к государственным или муниципальным органам их тоже отнести нельзя, что позволяет констатировать их некое промежуточное состояние. Наблюдатели от некоторых субъектов, осуществляющих общественный контроль, являются опосредованным, не в полной мере оправданным механизмом влияния общественных палат на процесс проведения выборов, а также избирательной комиссии. В этой части было бы более правильно предоставить возможность общественным палатам, как субъектам общественного контроля, самостоятельно и непосредственно осуществлять такого рода

функции в отношении избирательных комиссий разного уровня. Реализуя описанную форму взаимоотношений между общественностью и государством, общественные палаты, как и назначаемые ими наблюдатели являются дополнительной гарантией реализации избирательных прав граждан. Институт наблюдателей ни в коем случае нельзя смешивать с институтом осуществления общественного контроля в виду их различной правовой сущности.

Безусловно, институт наблюдателей является новым и полезным для современного общества, однако он не в полной мере согласуется, во-первых, с уже действующим нормативным правовым регулированием, а, во-вторых, с устоявшимися и плодотворно реализуемыми конституционно-правовыми отношениями, в связи с чем требует своего совершенствования с возможным учетом высказанных пожеланий.

Председатель Избирательной комиссии Костромской области **М. В. Барабанов** в докладе **«Общественное наблюдение – гарантия легальности процедур голосования и легитимности избранной власти»** отметил, что перед избирательными комиссиями стоит задача обеспечения консолидации различных по своим интересам и установкам акторов избирательного процесса на достижение двуединой и единственной цели избирательного процесса – легального формирования легитимной власти, что возможно только при взаимном доверии участников избирательного процесса друг к другу и, в особенности, к избирательным комиссиям. В ходе выступления докладчик поделился опытом избирательной комиссии Костромской области, которая разработала и системно реализует на выборах всех уровней следующий ряд базовых мер и мероприятий по обеспечению такого доверия.

В частности, на избирательных участках размещаются информационно-разъяснительные материалы, ориентированные на каждого из участников избирательного процесса, применяется видеонаблюдение за ходом голосования и подведением его итогов; обеспечивается функционирование Информационного центра при избирательной комиссии области на период проведения голосования и подведения его итогов; применяются технологии QR-кодирования протоколов участковых избирательных комиссий об итогах голосования; проводятся деловые встречи, семинары, тренинги с представителями политических партий по вопросам подготовки и проведения выборов.

Председатель Избирательной комиссии Ленинградской области **М. Е. Лебединский** в докладе **«Стратегия доверия или новый этап в обеспечении открытости и гласности в работе избирательных комиссий. Опыт избирательной комиссии Ленинградской области»** обратил внимание на то, что доверие является необходимым и обязательным условием нормального взаимодействия избирательных комиссий и участников избирательного процесса. Поэтому открытость и прозрачность работы избирательных комиссий необходима в целях формирования доверия избирателей к системе избирательных комиссий и результатам выборов, обеспечения легитимности выборов. Для этого необходимо: вести открытый и честный диалог, выстраивать профессиональные, доверительные отношения со всеми участниками избирательного процесса; обеспечить активное взаимодействие избирательных комиссий с корпусом наблюдателей не только в ходе выборов, но и в межвыборный период; проводить тренинги, семинары, в ходе которых избирательные комиссии, наблюдатели от кандидатов, общественные наблюдатели и избирательные комиссии будут отрабатывать практические вопросы организации выборов, налаживать открытые, доброжелательные, профессиональные и непредвзятые взаимоотношения; повышать правовую культуру участников избирательного процесса, в том числе с помощью информационно-разъяснительной работы в социальных сетях; оперативно опровергать недостоверные сведения, предоставлять широкой общественности достоверную и объективную информацию из официальных источников избирательных комиссий.

М. С. Савченко доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой государственного и международного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина» и **Г. С. Лихолатов** студент 4 курса юридического факультета ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина» в докладе **«Общественное наблюдение на выборах: практический опыт и перспективы развития»** выделили несколько направлений совершенствования законодательного регулирования обеспечения общественного контроля в проведении выборов. В первую очередь, это упорядочивание механизма поступления сведений об общественных наблюдателях в участковые избирательные комиссии; установление возможности удаления общественного наблюдателя из помещения для голосования, в случае нарушения им избирательного законодательства, по решению Избирательной комиссии субъекта Российской Федерации; обобщение положений о правовом статусе общественного наблюдателя, его целях и задачах, ответственности; закрепление прав и обязанностей общественных наблюдателей в «Кодексе наблюдателя».

Помимо указанных вопросов, на конференции рассматривались исторические аспекты формирования организации выборов в России, в том числе основные этапы законодательного регулирования выборов в Российской Федерации (с 1993 г. по настоящее время). В частности, **А. П. Зливко** доцент кафедры «Теории и истории государства и права» ФГБОУ ВО «Государственный морской университет имени адмирала Ф. Ф. Ушакова» представил доклад **«Экскурс в историю организации системы выборов по Городовому уложению 1892 г. (на примере г. Новороссийска)»**.

Д. В. Маковская.

Научное издание

ПАРАДИГМЫ ИСТОРИИ И ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Сборник научных трудов
Выпуск 12
2018

Под общей редакцией *Е. Н. Максимовой*

Составление, верстка, оригинал-макет – *А. А. Ковалевский*

Адрес редакции:

299053, г. Севастополь, ул. Гагарина, д. 13,
каб. 3.7 E-mail: iorbook@sevsu.ru
URL: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=58369

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-64133 от 25.12.2015. Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора. Авторы опубликованных материалов несут полную ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, данных, имен собственных и прочих сведений.

Редакция не несет ответственности за нарушение авторами исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности третьих лиц. Мнение редакционной коллегии может не совпадать с позицией авторов статей. При перепечатке материалов ссылка на сборник научных трудов «Парадигмы истории и общественного развития» обязательна

Подписано в печать 03.12.2018. Формат 60×84/8. Заказ № 148/18.
Усл. печ. л. 12,25. Уч.-изд. л. 12. Тираж 100 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета в
РИИЦМ ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»;
299015, г. Севастополь, ул. Курчатова, д. 7